

НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА
РАНХиГС

Серия: политология и социология

УЧРЕДИТЕЛЬ:

федеральное государственное бюджетное
образовательное учреждение
высшего образования
«Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации»

№1 2019

Журнал основан в 2009 г.

Периодичность серии 4 номера в год

Редакционный совет:

И. О. Тюменцев, д-р ист. наук, профессор
(председатель Редакционного совета);
Е. М. Бабосов, академик Национальной Академии Наук
Республики Беларусь;
В. А. Лоскутов, д-р филос. наук, профессор;
А. В. Понделков, д-р полит. наук, профессор;
С. П. Поцелуев, д-р полит. наук, доцент;
Ф. М. Эфендиев, д-р филос. наук, профессор;
М. Я. Яхьяев, д-р филос. наук, профессор

Главный редактор:

А. И. Бардаков, д-р полит. наук, доцент

Заместитель главного редактора:

Ю. А. Дроздова, канд. социол. наук, доцент

Ответственный научный секретарь:

Е. В. Перерва, канд. истор. наук

Редакторы перевода:

Е. В. Гуляева, канд. филол. наук, доцент;

Ю. В. Семикина, канд. филол. наук, доцент

Редакционная коллегия:

С. С. Восканян, д-р полит. наук, доцент;
Р. А. Данакари, д-р филос. наук, доцент;
О. А. Долгополова, канд. психол. наук, доцент;
Д. М. Зиновьева, канд. психол. наук;
И. А. Злочевский, канд. эконом. наук, доцент;
В. А. Колесников, д-р полит. наук, доцент;
А. Л. Клейтман, канд. ист. наук;
А. Л. Кузеванова, д-р социол. наук, доцент;
А. М. Медведев, канд. психол. наук, доцент;
Е. Р. Мкртчян, канд. социол. наук, доцент;
И. Л. Морозов, д-р полит. наук, доцент;
А. А. Огарков, канд. эконом. наук, доцент;
Е. Г. Олейникова, д-р ист. наук, профессор;
О. В. Рвачева, канд. ист. наук, доцент;
Н. С. Субочев, д-р социол. наук, доцент;
Д. Р. Яворский, д-р филос. наук, доцент;
А. В. Одинцов, канд. социол. наук (секретарь);
С. С. Ермакова, секретарь

Адрес редакции: Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.
vestnik_1@vags.ru

Издательство Волгоградского института управления – филиала
ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2019

СОДЕРЖАНИЕ

THE CONTENT

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

А. И. Бардаков
ВОЛЯ ИЗБИРАТЕЛЯ В СОВЕТСКОМ И
РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ
БЫТИИ..... 5

A. I. Bardakov
WILL OF THE ELECTOR IN SOVIET
AND RUSSIAN POLITICAL
BEING..... 5

А. Ф. Поломошнов
ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ
В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ..... 13

A. F. Polomoshnov
THE SYSTEMS PRINCIPLE IN SOCIAL
COGNITION..... 13

М. Я. Яхьяев
КОРРУПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ:
МОЖНО ЛИ ПРЕОДОЛЕТЬ?..... 20

M. YA. Yahyaev
CORRUPTION IN MODERN RUSSIA:
CAN I OVERCOME?..... 20

Е. В. Ефанова
ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ СТАБИЛЬНОСТИ
ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА:
КРИТЕРИИ, ОЦЕНКИ..... 23

E. V. Efanova
APPLIED ANALYSIS OF STABILITY OF
THE POLITICAL REGIME: CRITERIA,
ESTIMATES..... 23

Н. З. Абушахманова
СОВЕТЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТА-
ВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ
ОТ 1917 К 1985 Г..... 27

N. Z. Abushahmanova
THE SOVIETS: TRANSFORMATION OF
REPRESENTATIVE AUTHORITIES FROM
1917 TO 1985..... 27

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIAL SCIENCE

Т. Б. Иванова
КРЕАТИВНОСТЬ В ГОСУДАРСТВЕННОМ
УПРАВЛЕНИИ (ПО ДОКУМЕНТАМ СТО-
ЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ ФИНАНСОВЫХ ОРГА-
НОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)..... 34

T. B. Ivanova
CREATIVITY IN PUBLIC ADMINISTRA-
TION (ON THE DOCUMENTS OF CENTURY
HISTORY OF FINANCIAL AUTHORITIES
OF THE VOLGOGRAD REGION)..... 34

Н. С. Субочев, Е. Ю. Алексеева
СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОТИ-
ВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ
ПЕРСОНАЛОМ..... 39

N. S. Subochev, E. Yu. Alekseeva
SOCIO-CULTURAL ASPECTS
OF THE MOTIVATION
MANAGEMENT..... 39

<i>Г. С. Працко, Е. Ю. Сапожникова, А. Б. Шумилина</i> ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА.....	45	<i>G. S. Pratsko, E. Yu. Sapozhnikova, A. B. Shumilina</i> LEGAL VALUES AND FUNCTIONING OF CIVIL SOCIETY.....	45
<i>А. В. Капранов, Ю. В. Капранова</i> ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ, ПОЛИТИКА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	50	<i>A. V. Kapranov, Yu. V. Kapranova</i> DUAL STANDARDS, POLICIES AND HUMAN RIGHTS IN A MODERN SOCIETY.....	50
<i>С. Г. Лагутин</i> СОЦИАЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ КАК ФОРМА ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	53	<i>S. G. Lagutin</i> SOCIAL EXCLUSION AS A FORM OF ALIENATION IN MODERN SOCIETY.....	53
<i>Д. В. Пахомов</i> МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ВОЛГОГРАДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕН- НОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ.....	56	<i>D. V. Pakhomov</i> THE LOCAL GOVERNMENT IN VOLGOGRAD: PROBLEMS AND INTERACTION WITH THE POPULATION.....	56
<i>Ю. Б. Прибытков, Р. С. Безбожнов</i> ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ).....	62	<i>Ju. B. Pribytkov, R. S. Bezbozhnov</i> STATE SOCIAL POLICY IN THE SPHERE OF YOUNG FAMILIES IN MODERN CONDITIONS (ON THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD REGION).....	62
<i>Е. В. Рыгина</i> ВНУТРИПАРТИЙНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ В ОРГАНЫ МЕСТ- НОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВОЛГОГРАДА В 2018 ГОДУ.....	66	<i>E. V. Rygina</i> IN-PARTY VOTING BEFORE ELECTIONS TO LOCAL SELF-GOVERN- MENT BODIES OF VOLGOGRAD IN 2018.....	66
ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ		HUMANITARIAN KNOWLEDGE	
<i>С. В. Ракитина</i> ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ.....	70	<i>S. V. Rakitina</i> THE LEGAL TEXT IN FOREIGN-LAN- GUAGE AUDIENCE.....	70
<i>И. И. Дубинина</i> ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО: ЛИНГВИСТИЧЕ- СКИЙ АСПЕКТ.....	75	<i>I. I. Dubinina</i> DIGITAL SOCIETY: LINGUISTIC ASPECT.....	75
<i>Е. В. Перерва</i> ПАЛЕОПАТОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ).....	83	<i>E. V. Pererva</i> PALEOPATOLOGY OF THE POPULATION OF THE MIDDLE BRONZE AGE (ACCORD- ING TO THE ANTHROPOLOGICAL MATE- RIALS OF LOW VOLGA REGION).....	83

**СЛОВО –
МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ**

**THE WORD FROM
YOUNG SCIENTISTS**

<i>М. А. Опалев</i> ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ.....	89	<i>M. A. Opalev</i> STATE REGULATION IN THE FIELD OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS: MAIN PROBLEMS AND TRENDS.....	89
<i>Н. И. Кривошеева</i> ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ В МЕДИАСФЕРЕ.....	94	<i>N. I. Krivosheeva</i> TECHNOLOGIES OF CONSTRUCTING THE POLITICAL AGENDA IN THE MEDIA SPHERE.....	94
<i>Ю. С. Савельева</i> ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КАТЕГО- РИИ «БЮДЖЕТ» И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬ- НОЕ НАЗНАЧЕНИЕ.....	99	<i>Y. S. Savelyeva</i> APPROACHES TO DEFINING THE CATE- GORY OF «BUDGET» AND ITS FUNC- TIONAL PURPOSE.....	99
<i>Д. А. Дьяков</i> ПРОБЛЕМЫ ДОТАЦИОННОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ.....	104	<i>D. A. Diakov</i> THE PROBLEM OF SUBSIDIZATION OF LOCAL AUTHORITIES IN VOLGOGRAD REGION.....	104

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITICAL SCIENCE

УДК 342.8(470)
ББК 66.3(2Рос),131

ВОЛЯ ИЗБИРАТЕЛЯ В СОВЕТСКОМ И РОССИЙСКОМ ПОЛИТИЧЕСКОМ БЫТИИ

А. И. Бардаков

Аннотация. В статье раскрывается проблемное поле реализации воли избирателей на выборах. На примере функционирования советской и современной российской избирательных систем обнаруживается ограниченность влияния воли избирателей на результаты выборов. Предлагается критическое осмысление предложений по совершенствованию избирательной системы и внедрению либеральных ценностей в выборы. Уделяется особое внимание влиянию партий и высших должностных лиц на избирательный процесс в современной России. Обосновывается объективная необходимость декларативности, формализации воли избирателей в условиях доминанты социальности и возможность свободы изъяснения воли граждан в условиях приоритета межкультурных и личностных взаимосвязей между людьми в современных обществах. Раскрывается потенциал форм прямой демократии как важного фактора реализации воли избирателей на уровне местных сообществ и общества в целом.

Ключевые слова: избиратели, воля, власть, выборы, партии, собственники, политическое бытие.

WILL OF THE ELECTOR IN SOVIET AND RUSSIAN POLITICAL BEING

A. I. Bardakov

Abstract. The article reveals the problematic field of the implementation of the will of voters in elections. On the example of the functioning of the Soviet and modern Russian electoral systems, the limited influence of the will of voters on election results is revealed. A critical interpretation of the proposals for improving the electoral system and introducing liberal values in elections is proposed. Particular attention is paid to the influence of parties and senior officials on the electoral process in modern Russia. The objective necessity of declarativeness, formalization of the will of voters in conditions of a dominant sociality and the possibility of freedom of expression of the will of citizens in the context of the priority of intercultural and personal relationships between people in modern societies are substantiated. The potential of direct democracy forms is revealed as an important factor in realizing the will of voters at the level of local communities and society as a whole.

Key words: voters, will, power, elections, parties, owners, political being.

Если бы от выборов что-то
зависело, нам бы не позволили
в них участвовать.

Марк Твен

В современных социальных системах волеизъявление избирателей считается важным политическим процессом, который выступает

основанием легитимности власти и стабильности в обществе. В период трансформации совет-

ской политической системы в российскую политическую систему большие надежды возлагались именно на выборы, на свободное волеизъявление граждан как необходимое условие развития всех сфер общества и отдельной личности. Основные претензии к советским выборам сводились к тому, что они были безальтернативными и контролируруемыми партийными органами, соответственно, волеизъявление народа было формальным, а демократия (власть народа) не имела практики своей реализации. Постсоветская практика избирательных кампаний позволяет задать вопросы об успехах преодоления советского наследия: удалось ли организовать не формальную, а реальную конкуренцию на выборах, избавиться от партийного контроля в избирательном процессе, наконец, перейти от декларации волеизъявления избирателей к его реальной практике? Отвечая на эти и иные вопросы, попытаемся раскрыть проблемы реализации воли избирателей на выборах в советском и современном российском обществах.

Основным достижением метаморфоза советских выборов в нынешние российские стала альтернативность, уже в 1989 году конкуренция стала политической практикой на всех уровнях избирательной системы. А в последующих избирательных циклах состязательность стала привычным делом и начала обретать формы своеобразной традиции. Вместе с тем, анализируя феномен состязательности, альтернативности на выборах следует помнить об имитации реализации воли избирателей, которая в политическом бытии не редкость. В. Сурков не без доли иронии отмечает: «... иллюзия выбора является важнейшей из иллюзий, коронным трюком западного образа жизни вообще и западной демократии в частности» [11]. Выстраивая убедительную аргументацию о закономерности победы В. В. Путина на выборах Президента Российской Федерации в 2018 году и характеризуя этот результат как благо для российского общества, Ю. А. Зуляев отмечает, что эти выборы во все и не были выборами, а были референдумом по поддержке «... действующего президента как настоящего и единственного в данное время лидера» [4, с. 7]. Несмотря на позитивный настрой автора по поводу состоявшихся выборов и оптимистический взгляд на будущее России, исследователь предлагает критически воспринимать отсутствие реальной альтернативы на выборах Президента Российской Федерации. Необходимо уточнить, что участие

А. А. Навального в этой избирательной кампании вряд ли бы что-то изменило в раскладе политических сил, так как его либеральные идеи другими участниками (Г. А. Явлинский, К. А. Собчак) этого процесса были представлены достаточно широко. Видимо, причины не формального, а реального отсутствия альтернативности на выборах Президента Российской Федерации можно понять только при раскрытии сущностных сторон трансформации советской политической системы в нынешнюю российскую в целом и роли выборов в этом процессе в частности.

О накопившихся проблемах процесса волеизъявления граждан можно встретить самые различные мнения и суждения. В научно-исследовательской и публицистической литературе нередко политические партии рассматриваются как важный фактор реализации воли избирателей. Авторы связывают изъяны выборов с отсутствием стройной партийной системы в современной России. Критически осмысливая количество зарегистрированных партий (на 2015 год – 78 партий), К. Э. Калачев утверждает: «... в стране всего две более или менее реальные партии. Это «Единая Россия» и КПРФ. Остальные – шапито» [5]. Соглашаясь с выводами автора об условности обозначения неких социальных групп партиями, а также с утверждением о том, что деятельность многих современных партий тесно переплетена с бизнес-проектами, не могу согласиться с его надеждами, возлагаемыми на выборы. Автор считает, что низкая явка избирателей обусловлена отсутствием интереса к выборам, он предлагает создавать политические институты, которым избиратели будут доверять, допускать политическую конкуренцию и смену власти. Надо заметить, что такие утверждения звучат как от неискушенных, начинающих политиков, так и опытных политических деятелей. Первые искренне надеются, что политическими усилиями можно улучшить существующую избирательную систему, а вторые прекрасно понимают, что сущность избирательной системы неизменна, но жанр их деятельности требует декларации позитива, что позволяет оставаться у власти или ее обретать. Конечно, нельзя отрицать значения политических партий на выборах в современной России, но «... персонифицированный образ ... отдельного кандидата, партии или коалиции на выборах для российского избирателя, как правило, важнее, чем программные установки» [3, с. 196].

Гражданский активист, «записываясь» в политическую партию для реализации своих благих помыслов по строительству «светлого будущего» российского общества, в практике своей политической деятельности с необходимостью обнаружит противоречие между своими помыслами и реальными целями политической партии. Целью любой политической партии является власть, а обладателем или носителем власти не может быть все общество, властью обладает лишь часть общества, более того реальной властью владеет ничтожно малая группа, а вся остальная бюрократия, сохраняющая в себе признаки российской челяди прошлых веков, выполняет вспомогательные функции. КПСС декларировала свое единство с народом, а реально выражала интересы государственной и партийной номенклатуры. Легитимность таких действий политической партии обеспечивалась выборами, где явка и единодушные избирателей по предлагаемому кандидату было близко к 100 %. Современные российские политические партии, обретшие властные полномочия для своих представителей через механизм выборов, а иногда и посредством назначения, с не меньшим усердием, чем КПСС заверяют народ о своих благих намерениях. Однако закономерность развития политической партии такова, что партия (партии), пришедшая к власти, а точнее ее представители, обретают субъектные функции, которые объективно детерминируют «пропасть» между избранными и избирателями. Противоречия между партиями, то есть представителями политических партий, ставшими носителями власти, остаются, но они ничтожно малы по сравнению с тем антагонизмом, который был и остается между народом и олигархическо-номенклатурной группой.

Процесс волеизъявления избирателей всегда сопряжен с действующей избирательной системой, что порождает дискуссии о ее эффективности и справедливости. Я. Пляйс, излагая достоинства и недостатки пропорциональной и смешанной избирательных систем современной России, полагает, что политическая система в целом и избирательная система в частности «... трансформируются и реформируются, как правило, под воздействием властной воли первых лиц государства» [7, с. 47]. Соглашаясь с автором в том, что руководители страны являются главными субъектами трансформации избирательной системы, следует заметить, что логика

этих изменений всегда находится в русле интересов носителей власти и крупных собственников. Замена же пропорциональной избирательной системы на смешанную или наоборот есть не что иное, как политическая технология, позволяющая политическим субъектам дать избирателю очередной раз надежду, что его воля для формирования власти важна и нужна.

Нельзя не заметить, что наиболее часто встречаемые предложения по преодолению негатива в выборном процессе связаны с изменением избирательной системы. Я. В. Пронин детально анализирует эволюцию избирательной системы и из контекста его суждений видно, что он надеется посредством улучшения, совершенствования избирательной системы исправить политическую систему, более того усовершенствовать весь мир. Автор сетует, что «... такие демократические процедуры избирательного права, как порог явки и возможность голосования против всех кандидатов остались в прошлом» [8, с. 192]. Надеяться на то, что с возвращением упомянутых процедур будет реализовываться воля народа, видимо, не стоит. Во-первых, это уже было в нашем отечестве в 90-х годах XX столетия и в начале XXI века, но это не дало развитой демократии и не остановило процесс расслоения общества. Во-вторых, мобилизация избирателя для преодоления порога явки на выборах сопряжена с большими финансовыми затратами, а результат будет предсказуем, так как список претендентов на избирание контролируем главными субъектами избирательных кампаний. В-третьих, демократическая процедура «против всех» при избрании руководителя страны, региона, муниципалитета не имеет особого смысла, так как практика российских выборов показала, что графа «против всех» имеет крайне низкий уровень ее заполнения. При избрании же депутатского конкурса «кандидат» «против всех» был нередко победителем, но политическим акторам это не мешало достичь своих целей через пару месяцев в строгом соответствии с законодательством.

Не менее значимой для проявления воли избирателей была и остается агитация посредством визуализации избираемых. Достаточно интересные суждения и выводы можно обнаружить в коллективной монографии «Визуализация выбора: история и современное состояние предвыборной агитации в России». Авторы с

особым усердием доказывают значимость визуализации идентичности избирателя и избираемого, сексуальности претендента на должность, «черного PR», текстовых граффити и политического стрит-арта, билбордов и баннеров, городского и сельского пейзажа и многого другого [3]. Признавая высокую практическую значимость исследования визуализации для осуществления выборов, хочу заметить, что разработка данного аспекта избирательного процесса без реального механизма реализации воли избирателей по формированию институтов власти не приведет к научной истине. Видимо, убедительный вывод исследователей о том, что «выборы превратились в раздачу полезных и бесполезных вещей, ожидание клоунады и пустых обещаний» [3, с. 178], вряд ли сопряжен с эстетической перенасыщенностью этого процесса и желанием избирателей проявлять свою волю в современном политическом бытии.

Рассуждения о свободе волеизъявления избирателей можно часто услышать и из либеральных кругов. «Принцип свободных выборов, – утверждает С. С. Рожнева, – прочно укоренился в политической идеологии либерализма» [9, с. 39], которую, по мнению исследователя, необходимо внедрять в современной России. Автор предлагает преодолеть стремление к диктатуре, которое осуществляется «... через преемственность высшей государственной власти, либо через политическую партию» [9, с. 41] посредством либерализации избирательной системы. Нет необходимости доказывать, что в современных социумах при проведении выборов всегда говорится о свободе, равенстве и возможности конкурентной борьбы, но в нашей отечественной практике расцвет либерализма был в 90-х годах XX столетия, когда свобода отождествлялась с вседозволенностью, а равенство и конкурентная борьба апеллировали к физической силе. Конечно, в конце второго десятилетия XXI века в нашей стране значительная часть граждан относится критично и иронично к либералам, в телевизионных политических шоу-баталиях либералы терпят поражения, но это не исключает доминанты либерализма в финансово-экономической сфере. Как известно, основой либерализма является право на частную собственность, которое в современной России не только конституционно закреплено, но и подтверждается политической практикой увеличения количества олигархов. Поэтому достаточно сложно

понять идеологов либерализма, ратующих за свободные выборы, конкуренцию, поскольку частный собственник, он же обладатель власти, обустроивает социально-политическую систему таким образом, чтобы собственность и власть всегда были у небольшой части общества.

Хочу заметить, что все стенания по поводу необходимости проведения честных выборов всегда детерминированы и соотносимы с эмоциями проигравших, а при внимательном рассмотрении обнаруживается, что результат является закономерным в сложившейся политической ситуации конкретной социальной системы. Выборы всего лишь механизм легализации и легитимации власти, рассматривать выборы вне контекста власти и управления не имеет смысла. Можно согласиться с Я. Пляйсом в том, что «... дело не столько в избирательной системе..., сколько в фундаментальных противоречиях между новым и старым» [7, с. 49]. Не вступая в дискуссию с автором о правомерности применения терминов «новое», «старое», хочу заметить, что уже постсоветская избирательная система имеет свои фундаментальные противоречия. Основное противоречие заключается в том, что в период правления Б. Н. Ельцина на выборах реализовывались интересы прежде всего владельцев средств производства, крупных собственников, а с приходом к власти В. В. Путина последовательно осуществляется корректировка и регулирование избирательной системы для обеспечения баланса интересов бизнеса и номенклатуры. Чиновники имеют свой собственный интерес и ведут борьбу за расширение своей субъектной функции посредством увеличения доли государственной формы собственности в производственном секторе и формирования законодательной базы, выражающей их интерес.

Раскрывая понятие «электорат», удалось установить, что субъекты, определяющие список баллотирующихся на выборные должности и в конечном результате влияющие, а чаще всего определяющие победителя/ей выборов, всегда составляют малую группу [1, с. 11], а порой эта субъектная функция сосредоточена в руках одного человека. Такие особые возможности по осуществлению субъектной функции на выборах базируются на двух основаниях.

Первое основание: должностное лицо (президент, губернатор, мэр) является распорядителем государственной или муниципальной

собственности, что и предопределяет его субъектную функцию на выборах. Президент прямо или опосредовано через политическую/ие партию/и влияет на определение персон губернаторов независимо от модели формирования этого института в субъектах Российской Федерации, а также руководителей палат Федерального Собрания. Губернатор не может не влиять на формирование института глав городских округов и муниципальных районов, не может не участвовать и в процессе формирования законодательного органа региона, так как независимо от своего политического маркера он – неотъемлемый элемент единой политической системы России и ему непосредственно работать с этими выборными должностными лицами.

В муниципальных образованиях, в которых декларируется самоуправление, а реально осуществляется властно-управленческая деятельность, функция главы этого муниципалитета в избирательном процессе подобна губернаторской, только масштабы меньше. Несколько иначе может выглядеть ситуация в муниципальных образованиях, где самоуправление является основным видом организации жизнедеятельности местного сообщества, роль главы и иных политических сил, акторов в избирательном процессе минимизирована, поэтому все экономически независимые избиратели могут изъять свою волю по вопросам местного значения.

Второе основание: собственники средств производства, являясь владельцами и распорядителями частной собственности, объективно заинтересованы в лояльности выборных лиц к их собственности и их деятельности, поэтому активно участвуют в выборах. Современные избирательные технологии вовсе не предполагают обязательного непосредственного участия собственника в качестве кандидата в кресло депутата, поскольку выражать интересы хозяина-собственника может значительно эффективнее его представитель посредством «создания» нормативно-правовых актов, защищающих и развивающих производственную деятельность собственника. Особый интерес собственники средств производства проявляют к выборам президента, губернаторов и глав муниципальных образований, так как эти должностные лица не только распоряжаются государственной (муниципальной) собственностью, но и обладают реальной возможностью законодатель-

ной инициативы по ограничению и расширению бизнеса конкретного собственника. Любой частный собственник, организовавший производство, прекрасно осознает определенную или некоторую зависимость своего производства от руководителя территории, на которой или для которой оно функционирует. Поэтому собственник делает все, чтобы на выборную должность, возглавляющую исполнительно-распорядительный орган конкретной административно-территориальной единицы, избрался человек, который будет если не помогать, то хотя бы не мешать бизнесу. Активное участие владельцев средств производства в формировании списка баллотирующихся на должность руководителя административно-территориальной единицы и активная поддержка конкретной персоны на выборах предопределяют победителя, так как собственники, обладающие финансово-экономическими ресурсами, и представители власти со своим административным ресурсом являются главными субъектами выборов. Конкуренция на таких выборах не только возможна, но и реально осуществляется между главными субъектами выборов, а участие широких народных масс в этом процессе носит декоративный характер, поскольку независимо от результата выборов победителем будет один из представителей главных субъектов выборов. Избиратели действительно имеют возможность отдать голос за любого представленного кандидата, но главное противоречие в современных выборах и заключается в том, что избиратель обречен избрать из списка, который представлен главными субъектами выборов.

Сложившаяся практика выборов вовсе не является изъёмом нынешней российской политической системы, поскольку в условиях доминанты социальности воля избирателей обретает свой смысл только в контексте деятельности главных субъектов выборов. Важно также то, что независимо от партийной принадлежности или иного политического маркера победитель на выборах всегда лоялен к существующему общественному строю. Случающиеся исключения из правила как раз подтверждают закономерность лояльности избранных лиц к существующей политической системе, кроме того, эти исключения используются правящими силами как доказательства волеизъявления народа на выборах и развития демократии в стране в целом. Надо заметить, что эти исклю-

чения, связанные с либералами, представителями КПРФ, ЛДПР и СР, не обусловлены волей народа, поскольку кандидаты от этих политических сил также утверждались в кабинетной тиши, на закрытых заседаниях.

Основная задача выборов в современной России даже не победа конкретной партии, а избрание, формирование представительных законодательных органов и институтов глав административно-территориальных единиц, которые будут поддерживать сложившиеся властно-управленческие отношения. При этом не важно, что народ традиционно не доверяет власти. Так, член-корр. РАН, член дирекции Института Европы РАН М.Г. Носов, опираясь на данные ВЦИОМ, констатирует низкий уровень одобрения российским обществом работы Совета Федерации – 38 %, Госдумы – 20 %, правительства – 26 %, его председателя – 16 %, при высоком уровне одобрения (72 %) деятельности Президента Российской Федерации [6, с. 7–8]. Представленные цифры убедительно показывают, что, несмотря на агитационно-пропагандистскую работу по убеждению избирателей в эффективности работы выборных органов и современные технологии манипулирования общественным сознанием, не удастся подтвердить волю народа, за исключением доверия Президенту Российской Федерации, зафиксированного на выборах. Все это свидетельствует о том, что выборы не отражают волю большинства, а функционирует как институт, выражающий и защищающий интересы меньшинства. Это опять же хорошо видно из данных, которыми оперирует М. Г. Носов. «Число миллиардеров в России, – пишет ученый, – с 2000 по 2017 г. увеличилось с нуля до 96» [6, с. 11], а в 2018 году их стало 102 – это в период кризиса и санкций. Далее автор замечает, что «совокупное состояние 102 российских миллиардеров ... увеличилось до 410,8 млрд. долл. США при доходной части бюджета в 2016 г. в 255 млрд. долларов» [6, с. 11]. Конечно, трудно представить, что среднестатистический избиратель знает нюансы, детали экономического развития и финансовых потоков в России, но пропасть между бедными и богатыми настолько глубока, что не надо обладать особыми или специальными знаниями, чтобы ее обнаружить. Весьма показательна и по этому поводу статистика, систематизированная и актуализированная М.Г. Носовым. «До революции, – отмечает исследова-

тель, – 1905 г. 1 % жителей России принадлежало 18 % национального богатства, 10 % верхушки владело 46 %. С 1935 по 1990 г. 10 % богатых жителей СССР принадлежало от 25 % до 22 % национального богатства. К 1995 г. этот показатель вырос до 47 %, в 2006 г. – до 53 %, а в 2015 г. упал до 46 %. В 2017 г. 1 % жителей России принадлежало 45 % национального богатства» [6, с. 11–12]. Еще более трудно представить, что избиратель, отдавая свой голос на выборах, радуется за сохранение сложившейся тенденции социально-экономического расслоения российского общества. Скорее, он надеется, что очередные выборы исправят ситуацию, будут началом восстановления социальной справедливости. Однако закономерность развития социальности такова, что независимо от социально-политического устройства распорядитель собственности (государственной, частной) объективно заинтересован в сохранении этой функции за собой. Для достижения этих целей после захвата власти и собственности, владельцы средств производства и представители власти всегда апеллируют к праву, закрепляя в рамках правового поля механизм формирования власти (выборы), который устраивает и власть, и собственника. Поэтому достаточно сложно согласиться с тезисом уважаемого ученого о том, что для изменения сложившейся ситуации в России «достаточно лишь воли президента и контроля общества» [6, с. 16], так как и воля президента, и контроль общества всегда имеют корреляцию с властью. Опираясь на вышеизложенные эмпирические данные можно утверждать, что власть как социальный феномен, представляющий собой господство одной части общества над другой, определяется олигархами и номенклатурой и не может быть тождественна воле президента. Власть президента в современной России, безусловно, весьма внушительна, но она остается таковой, пока его действия не вступают в противоречия с интересами крупных собственников, высшей номенклатуры государства и ему удается сглаживать противоречия между бедными и богатыми, обеспечивать минимальные потребности российского народа. Однако все может поменяться очень быстро, ведь даже в конце 80-х годов XX века никто не сомневался в незыблемости советской власти, в абсолютной власти генерального секретаря ЦК КПСС. «Уникальный случай, – замечает Д. Г. Сельцер, – в

советской истории: региональная партноменклатура подвергла генсека, Политбюро, ЦК, первого секретаря обкома ... беспощадной критике» [10, с. 18]. По поводу состоявшейся критики уместно заметить, что не только партийно-государственная номенклатура, но и большинство советского народа уважительно относилось к этим субъектам власти, однако кризис во многих сферах жизнедеятельности советского общества предопределил другие настроения у различных социальных групп советского общества. Поражение компартии на выборах Президента РСФСР в 1991 году означало, что у действующей номенклатуры функция распоряжения государственной собственностью будет изъята и передана другой социальной группе. Конечно, конкретный функционер мог «перебежать» в другую группу, что, собственно, большинство и сделало, тем самым демонстрируя свою готовность сохранить свое господство в иной социально-политической системе, иных идеологических и духовных парадигмах.

Важно понимать, что корректировка избирательной системы, как правило, осуществляется по воле и в интересах номенклатуры, собственника. Исследуя избирательные процессы 30-х годов XX столетия в СССР, В. Н. Шилов и А. П. Рылкина обращают внимание на стремление И. В. Сталина создать конкурентную и альтернативную избирательную систему [13, с. 168-171]. Конечно, акцентирование внимания на этой деятельности И. В. Сталина плохо коррелируется с уже растиражированным мнением о личности вождя как кровавом диктаторе, но представленная позиция имеет свою развернутую аргументацию. Для нас важен тот факт, что тов. Сталину это не удалось осуществить. Дело в том, что советский период не является исключением из общих закономерностей избирательного процесса социума. Общие же закономерности состоят в том, что социальная группа, обладающая властью, организует все многообразие жизнедеятельности общества и обладает реальной возможностью создания и своевременной корректировки механизма (выборов) формирования институтов власти. Другое дело, что в условиях социально-экономического кризиса и под влиянием субъективных и объективных факторов меняется или видоизменяется властвующая группа, а порой и политическая система, но суть выборов не меняется, меняется форма. Обладатели

власти первых двух десятилетий советского периода хорошо осознали совпадение своих социально-групповых интересов, поэтому сделали все, чтобы сохранить власть. Видимо, у тов. Сталина была дилемма, избрать конкурентную, альтернативную модель выборов, которые не сулили стабильности и не были предсказуемы или же избрать модель выборов, обеспечивающих стабильность государственного строительства. Победил второй вариант. Суть избирательной советской системы состояла в том, что партийные органы контролировали все уровни выборов, а поскольку партийные органы имели жесткую иерархию, то это позволяло центру эффективно управлять избирательными процессами на всей территории огромной страны.

Надо заметить, что артикуляция проблем избирательных процессов происходит после захвата и минимальной стабилизации власти, так как дальнейшее развитие власти требует ее легитимации. На постсоветском пространстве власть в ряде новых государств не нуждалась во мнении, волеизъявлении большинства, хватало радикального меньшинства, которое сначала игнорирует законность перехода власти, а затем настаивает на своей легальности. Это случилось в России в начале и в конце XX века, а события в Грузии, Киргизии, Украине произошли в начале XXI века. Эти процессы обнаруживаются не только в обществах бывших наших соотечественников, в этих же парадигмах можно рассматривать и феномен «арабская весна». Общее для всех стран, переживших захват власти, состоит в том, что в каждый исторический период конкретного общества складывается традиция, некие формализованные правила легитимности, легальности власти, поэтому в соответствии со сложившимися обстоятельствами используются наиболее адекватные способы, механизмы формирования властных институтов, которые называют выборами.

Признавая научную ценность выводов В. Н. Шиловой об альтернативности и конкурентности в избирательных процессах [12; 13], не могу согласиться с автором/ами в том, что «в условиях авторитарных (тоталитарных) режимов носителем верховной власти, суверенитета, этим «некто третьим» является отдельный индивид или узкая группа лиц, и те, кто стремится к участию во власти, добиваются именно их внимания и расположения. При демократии «некто третьим», потребителем «политической продукции» является народ (население страны).

Народ делегирует, дает власть тем или иным индивидам или группам лиц» [13, с. 162]. Видимо, исследовательская ошибка кроется в толковании понятия «демократия», которое зачастую воспринимается как власть народа в контексте целостности общества, государства, страны, что не совсем так. Если же данному термину придать максимальную аутентичность, то наиболее корректное суждение о демократии встречаем у В. П. Булдакова. «В литературе многократно писалось, – замечает автор, – что демократия в буквальном смысле слова (власть народа) практически невозможна. В-первых, ... изначально «народовластия», объединяющего все население, не существовало. Во-вторых, теоретически «прямая» демократия (об иных ее формах говорить нет смысла) возможна в локально ограниченных сообществах ... где допустима ситуация неразделенности законодательных и исполнительных функций. В-третьих, усложнение общественных систем требует профессионализации управляющих, что автоматически влечет за собой существование управляемых, т.е. людей, отчужденных от власти» [2, с. 15]. Надо понимать, что на уровне государства, страны демократия как власть народа остается необходимостью в качестве декларации, а как социальная практика она невозможна, поэтому и для ее важнейшего элемента – выборов – характерны формализация и декларативность независимо от политического режима.

Вывод. В советский период было важно, чтобы выборы носили всеобщий характер, явка избирателей должна была быть под 100 %, а единодушные волеизъявления избирателей достигались, прежде всего, посредством убеждения и в крайних случаях использовался административный ресурс. В постсоветской России стало важно, чтобы выборы состоялись, а количество участвующих в выборах стало управляемым и начало использоваться в качестве технологии для достижения политических целей. Для этого отменили количественный показатель явки избирателей, убрали графу «против всех», постоянно корректируется соотношение списочного состава и одномандатных округов при формировании представительных законодательных органов всех уровней. Осталось неизменным для советского и постсоветского периода то, что народные массы отстранены от участия в определении кандидатов на выборные должности. Механизм избрания построен таким об-

разом, что широкие массы избирателей, выражая свою волю, реализуют чужие узкогрупповые интересы, то есть власти и собственника. В формах бытия социума, то есть в социальной плоскости воля избирателей останется декларацией, поэтому работа для политтехнологов будет всегда, им придется возрастного (воспитанного советской системой) заменять новым избирателем, при этом на этих уровнях все негативные характеристики выборов сохранятся, поскольку социальности имманентны отчуждение и несправедливость. Положительное воздействие на реализацию воли избирателей связано с развитие форм прямой демократии, где реализуется воля всех и каждого, где власть как господство и управление, как навязывание воли обретает абсурдность в условиях доминанты культурных, межличностных взаимосвязей. Выборы в местных сообществах в формах прямой демократии могут из декларации превратиться в реальность, где человек реализует свою волю, ориентируясь на внешние обстоятельства и внутренние моральные установки.

Библиографический список

1. Бардаков, А. И. Понятие «электорат»: проблемы интерпретации / А. И. Бардаков // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: политология и социология. 2014. № 1.
2. Булдаков, В. П. Империя и смута: к переосмыслению истории русской революции / В. П. Булдаков // Россия и современный мир. 2007. № 3 (56).
3. Визуализация выбора: история и современное состояние предвыборной агитации в России; под ред. К. В. Киселева, О. Б. Подвинцева, О. А. Рябовой. Пермь, 2016. Изд-во. 200 с.
4. Зуляр, Ю. А. Выборы Президента: борьба людей, идей или знаков/смыслов / Ю. А. Зуляр // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2018. Т. 24.
5. Калачев, К. Э. Ведь накроет потом все эти имитации медным тазом / К. Э. Калачев. URL: <http://atas.info/reviews/razgovor/kalachev/> (дата обращения 10.05.2019).
6. Носов, М. Г. Пейзаж после выборов / М. Г. Носов // Современная Европа. 2018. № 2 (81).
7. Пляйс, Я. А. Избирательная система современной России в лабиринте перманент-

ных реформ / Я. А. Пляйс // Научно-аналитический журнал Обозреватель. Observer. 2007. № 6 (209).

8. Пронин, Я. В. Эволюция избирательной системы России на примере выборов депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации / Я. В. Пронин // Science Time. 2017. № 4 (40).

9. Рожнева, С. С. Свободные политические выборы и безопасность общества / С. С. Рожнева // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2013. № 7-1 (136).

10. Сельцер, Д. Г. Модель распада СССР через потерю КПСС кадрового контроля / Д. Г. Сельцер // Вестник Тамбовского университета. Серия Политические науки и право. 2016. Т. 2. № 4 (8).

11. Сурков, В. Ю. Долгое государство Путина / В. Ю. Сурков. URL: http://www.ng.ru/ideas/2019-02-11/5_7503_surkov.html (дата обращения 11.02.2019).

12. Шилов, В. Н. Демократическая политическая конкуренция и ее предпосылки: Йозеф Шумпетер и современность // Научные ведомости Белгородского гос. универ. Серия: История. Политология. 2012. № 1(120).

13. Шилов В. Н., Рылкина А. П. Выборы в истории России: динамика альтернативности и конкурентности // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. 2012. № 13 (123).

УДК 165
ББК 60.01

ПРИНЦИП СИСТЕМНОСТИ В СОЦИАЛЬНОМ ПОЗНАНИИ

А. Ф. Поломошнов

Аннотация. В статье исследуется роль принципа системности в современном социальном познании. Рассматриваются общие принципы логики системного познания, анализируется специфика социальной системы. Автор выделяет три ключевых категории системного познания общества: социальная деятельность, социальные отношения и социальные институты. Автор подчеркивает, что системный анализ общества – это не описание, а причинное объяснение строения и происхождения, а также тенденций и стадий развития определенной социальной системы. При изучении общества необходимо исходить из логики системного анализа и принципа системной причинности, который предполагает многофакторную или комплексную сложную причинную связь и обусловленность в развитии общества и его отдельных подсистем, взаимное и одновременное влияние друг на друга различных элементов общественной системы, выступающих одновременно по отношению друг к другу и как причины, и как следствия.

Действительный системный анализ конкретного общества должен исходить из того, что общие закономерности исторического развития и смены типов социальных систем в каждой отдельной стране, нации, регионе проявляются индивидуально и разнообразно. И корректно говорить не о единой линии и схеме развития общества, под которую подходят все народы и страны, а о наличии разнообразных типов социальных систем и, соответственно, исторических линий их развития.

Ключевые слова: социальное познание, принцип системности, социальная деятельность, социальные отношения, социальные институты.

THE SYSTEMS PRINCIPLE IN SOCIAL COGNITION

A. F. Polomoshnov

Abstract. The article explores the role of the system principle in modern social cognition. The general principles of the logic of system knowledge are considered, the specificity of the social system is analyzed. The author identifies three key categories of systems knowledge of society: social activities, social relations and social institutions. The author emphasizes that the system analysis of society is not a description, but a causal explanation of the structure and origin, as well as trends and stages of development of a particular social system. When studying society, it is necessary to proceed from the logic of system analysis, and the principle of systemic causality, which involves a multifactorial or complex causality in the development of society and its individual subsystems, the mutual and simultaneous influence on each other of various elements of a social system, acting simultaneously to a friend both as causes and as consequences.

The actual system analysis of a particular society must proceed from the fact that the general laws of historical development and the change of types of social systems in each individual country, nation, region are manifested individually and diversely. And it is correct to speak not about a single line and a scheme for the development of society, under which all nations and countries fit, but about the presence of various types of social systems and, accordingly, the historical lines of their development.

Key words: social cognition, the principle of consistency, social activity, social relations, social institutions.

In modern social cognition, there is a situation of fragmentation and defundamentalization, methodological disorientation. Under the influence of postmodernist attitudes, the possibility of objective social cognition and in general holistic systemic thinking in social cognition has been questioned. However, «Despite the postmodern declarations about the impossibility of objective social knowledge (essentially destructive for theoretical thinking), the task of actually comprehending the socio-historical reality in its integrity remains central for the social sciences» [4, p. 69].

In connection with the need to restore the scientific status of social cognition, the key role is played by the revival of the principle of consistency and the methodology based on it. Systematic thinking, the principle of system analysis is a reflection in the consciousness of the systematic nature of the objective reality itself, its structural organization and universal interconnection. «The system approach is the consideration of the object of knowledge as a definite integrity, all the elements of which are interconnected and conditioned by common links and the law of functioning. The system approach focuses the study on the disclosure of the integrity of the object and the mechanisms providing it, on the identification of diverse types of connections of a complex object and their reduction into a single theoretical picture. This integrity should be reflected in theoretical knowledge in the system of laws and categories. And here the important role is played by the choice of the backbone element, which determines the peculiarity and unity of this theoretical system» [9, p. 146].

Actuality, objective reality, matter in its organization is a multitude of organization levels that are interrelated by complex relationships. At each level of the organization of matter, we see, in turn, a multitude of homogeneous (in terms of the level), but different-quality bodies, elements, individuals that are in the necessary connection with each other. Any subject of scientific knowledge can and should be considered in accordance with its objective nature, i.e. as a system of a certain level of organization of matter, which is simultaneously an element or an individual of system of a higher level

of organization of matter, and at the same time consisting of subsystems of a lower level of organization of matter.

The system is a necessary unity of one-level, but different-quality elements of matter (individuals), which, when it arises, is determined by the nature, form of movement of these elements - individuals, and in the formed form changes its elements, giving them new system qualities. «The system is defined as a holistic formation, which is an organized, ordered set of elements, meaningfully and structurally interconnected. In contrast to unsystematic entities with their random connections and relationships, systems are interwoven into a chain of essential, regular connections and relationships, characterized by a fairly rigid, well-defined hierarchy, the subordination of lower-order systems to higher-order systems. Systems are characterized not only by the orderliness of internal organizations, but also by the integrativeness of interrelated properties» [8, p. 28].

Moving in a certain way, arising from their nature, individuals, as future elements of the system, must necessarily join each other in the very specific way of moving communications, which acquire stability. As a result, the system subordinates its elements to itself, making them no longer independent individuals, but moments of the whole. In other words, the system is a stable and necessary form of interaction of homogeneous in level of organization of matter, but qualitatively heterogeneous elements, individuals, connecting them into a new integrity, a new individual, but a higher level of organization in relation to its constituent individuals.

Each system of any level is characterized by the following essential connections. First, it is the internal connections of the system as relatively stable integrity. These links are divided into two groups: 1) links between the elements within the integrity, 2) links between the integrity, the system and the elements. The latter are characterized by two points: – the primary, genetic influence of the nature of the elements on the folding system links, – the secondary logical influence of the system links, integrity on its constituent elements. In the

formed system, the primary and genetic is the influence of the system, integrity on its constituent components.

Secondly, these are external connections of the system – its connections with the external environment, to which both other single-level systems and other levels of organization relate: a) communication of this system with other systems of the same level of the organization (intersystem connections) and b) communication of this system with the systems of the other levels of the organization of matter (inter-level communication).

The life of a system is determined by its interaction with systems of higher and lower order. In this interaction, the higher order system, integrating into itself lower order systems as their elements, gives them new systemic qualities determined by their place and functions in the new integrity. On the other hand, the fundamental nature of the elements being combined into a new integrity, of individuals, determines the nature of the emerging new systemic links. Thus, during the transition from the lower system to the higher one, the lower systems as elements, on the one hand, determine the qualitative connections between them, and on the other hand, they themselves are determined this connections.

The relations formed between the elements of the system are diverse and non-linear, they are differentiated into relatively independent subsystems within a single system. In turn, inter-subsystem communications arise between these subsystems, which, in their totality, constitute the internal communications of the system. From the totality of the internal connections of the system, a certain dominant, defining group of relations, so-called dominant of system stands out. We will call the qualitative transformation that occurs with the elements of the lower system in the highest as termination. Termination is a transition from a lower order system to a higher order system, considered from the point of view of the transformation of a lower order system. The same transition, considered from the point of view of the influence of the higher system on the lower one, as its elements will be called inclusion. Termination and inclusion are two sides of a single process of transition from a lower order system to a higher order system, characterizing its formation and development. Each system, on the one hand, is removed to higher systems, and on the other hand, it includes a lower system.

The system analysis of society is not to speculate with the terms «system», «systemic», but to investigate an objective system of the connections that characterize one or another specific social system. «In order to really know the system, it is necessary to reveal its internal structure, which cannot be done without having reliably established the entire set of components that form it, without understanding its structure and functions, as well as the forces and factors that ensure its given qualitative integrity and relative autonomy» [2, p. 220]. Since we are interested in society as an object of analysis, we must establish the specifics of the social system and consider the development of society in all the diversity of its systemic connections and relations. «The systemic method assumes the integrity of the system of social relations. The relationship and interaction of social phenomena determines the essence of each of them» [9, p. 147].

In determining the specifics of the social system, you can go three ways. The first way is an abstract comparison of three types of systems: organic, inorganic and social, with the allocation of first general system patterns characteristic of all three types of systems, and then with the reverse summarizing of specific systems, in this case social, under general system patterns. With this approach, the specificity of a particular type of system is revealed externally, by summing up the concrete under the abstract, i.e. the reduction of concrete to particular manifestation, the example of the abstract. The difference between the types of systems in this case turns out to be outwardly fictional, formal, arbitrary and, in principle, insignificant.

Being absolutized, this approach is fraught with two outwardly opposite, and in fact mutually complementary hazards – perversions of the actual logical and genetic connection of the three main types of systems. The first danger is ignoring the concrete specifics, the essential difference of the three main types of the system, summing up all of them and each individually as abstract and therefore not valid for any particular system general system qualities and laws. The second danger is the overstatement of the specifics of each type of system, ignoring the actual logical and genetic connection and the commonality between them.

The second way is to trace the objective evolution and qualitative transitions of systems of inorganic nature into systems of organic nature, and the latter into a social system, considering the necessary connections between them in the process of their real historical formation and development.

This path is certainly productive, and its implementation is the task of all scientific knowledge as an endless process. The main milestones of this path are enriched in general philosophical concepts about three types of systems of objective reality. This approach is also fraught with dangers if we do not consistently withstand the dialectical materialist methodology. Firstly, this is the danger of reductionism — the reduction of higher systems to lower ones or vice versa, which is based on transferring systemic qualities and patterns from systems of one type to systems of a fundamentally different type. Secondly, this danger is simplistic linearly, progressively or regressively, evolutionist interpretations of the genetic and logical connections of the three main types of systems. Thirdly, it is a danger, on the contrary, one-sidedly simplistic, abruptly, breaking the actual genetic and logical connections of the three main types of systems.

Since we are interested in the actual specificity of social systems, the social level of organization of matter, the third way is preferable – consideration of the origin of the social system and the whole diversity of its internal and external systemic links in their development, based on the above described principle of system analysis, which allows analyzing the specific objective nature of social system. Here we must base on the philosophical category of the system as the methodological tools of knowledge of a particular system theme. We also must rely on the general philosophical principles of genetic and logical links of the three main types of systems that are characterized by different levels of organization of matter, which also act as regulators of methodical research.

In this approach, the connection of the social system with the inorganic and organic is taken not as external, arbitrary, caused by the random interest of the researcher, but as necessary, essential, generating and determining the existence of the social system, i.e. so it is in reality. Objective knowledge of objective reality, free from subjective distortions and arbitrariness is the most difficult method and way of knowing, but it is also the most scientific. «To study an integrated system, it is necessary to disclose: the essence (the main integrative quality ensuring the integrity of the social system), the structure (specificity of the internal organization of the social system and the interrelation of its parts), components (composition, their quantitative and qualitative characteristics, coordination and subordination), functions (the functioning of the social system and its elements as a whole), the genesis

(source of origin and formation), and also to characterize the current state of the social system in itself, determine the trend of its development and the transition to a new level and to identify the structure of socially significant values and attitudes» [7, p. 74].

The specific essence of the social system as a qualitatively new, higher in relation to the organic nature level of organization of matter, should be sought in its origin. But in order to find this own objective essence, it is necessary to raise the problem of anthroposociogenesis correctly from the point of view of a systematic approach. There are two aspects to this problem that cause difficulties. First: the interrelation of the origin of man and the origin of society. The second is the qualitative difference between human society and animal communities. The problem of the origin of man and society cannot be satisfactorily resolved if: – to separate these two aspects from each other, – to formally logically compare society and animal communities (herds of monkeys, ungulates, predators, insects), – draw analogies with communities of living organisms in organic nature spreading the characteristics inherent in them to the human community – to separate the origin of a person from the origin of society.

In general, the metaphysical separation and opposition of the organic system from the social and the person (individual) from society is complemented by an artificial, arbitrary construction, the introduction of a connection between them.

The leap of human society from the pre-human herd of primates is associated with a new way of collective, instrumental, consciously planned activity – labor. Labor generates new social connections. These social connections modify the nature of pre people, making them people – members of society, determined by social relations. The nature of man, as an individual, is already characterized by a system of his social, objective relations, in which he is included by the very method of reproduction of his physiological existence. On this basis, «natural» connections and relations turn into social connections and relations between them.

The social relations that have taken shape in the process of collective labor change the natural essence of man, they become the factors that determine the new social nature of man, i.e. they become the new social nature of man, which is the system of social relations that are taking shape about social modes of activity. The social system generates its individuals, but changing individuals change the

form and type of social relations and ways of social activity (consciously or spontaneously). Social relations reproduce individuals, and individuals, entering into these relations, thereby reproduce these relations. In this process of mutual determination, the historical development of both individuals and social relations takes place. Analyzing any system we practically investigate these two lines of determination, i.e. interaction between individuals and their systemic connections, i.e. systemic connections of individuals in their development.

Social relations are materialized, objectified in social subjects and institutions, stable organizational forms. Since social relations are diverse and take form about various objects and needs of people, society is a system of different types of relations connected with each other, which, however, has a dominant core – production relations regarding the reproduction of people's physical existence. A developed society is a system consisting of a multitude of complexly interconnected subsystems – spheres of social relations and social organizations that have developed in relation to them, relatively autonomous from each other. But all these subsystems and types of relationships intersect, merge into a personality, which is a fundamental unity of activity and needs. A person involved in a diverse system of social relations is not only an element of a social system, but a model of society, a subject, a carrier of diverse social relations.

The functions of individual life in the social system, being mediated by social relations; materialized in social symbolic and artificial objects, they no longer become the organic functions of the individual, but the social functions of the individual, as a constellation, bundle, knot of social diverse relations and the subject and product of these relations and social forms of activity.

So the implementation of the principle of consistency in social cognition allows us to identify common features of social systems: «1) the existence of social relations as a special type of connections between elements of the social system (political, economic, legal, cultural, moral, etc.); 2) the presence of objective and subjective factors; 3) conscious self-organization; 4) special hierarchy; 5) relative autonomy from nature; 6) operational closure; 7) social and biological self-reproduction; 8) nonlinearity of development («zig-zag»); 9) the variability of development» [7, p. 74].

The basic concepts of the logic of systems knowledge of society: social activities, social rela-

tions, social institutions. Social activity is an activity mediated by social objects and characterized by the division and cooperation of individual functions between different individuals and groups of individuals. Social relations are stable, established in social and individual communication methods of activity and communication about activities (standards of behavior governing joint social activities and communication of individuals). Social relations are transformed, organized into social institutions or organizations, objectifying themselves in certain material cultural carriers, isolated specific individuals, acting as independent of them and dominating social forms. Social organizations-institutions are objectified, alienated from specific individuals, ways of social relations.

The basic principles of the logic of systems knowledge of society: 1. Differentiation and integration (cooperation) of various types of social relations, social activities, social organizations. 2. institutionalization and deinstitutionalization.

In social activity, one can distinguish four objectively isolated, and then interacting with each other areas: 1. reproduction of physical existence. 2. reproduction of the genus; 3. reproduction of consciousness; 4. reproduction of the social relations themselves. These four spheres form the subsystems of a unified social system. Within each of these subsystems, further differentiation of functions, actions, operations with their complementary cooperation takes place. Simultaneously with these tendencies of differentiation (relative separation) of spheres of activity and functions, types of activity, within spheres the trends of institutionalization acts, i.e. differentiation of the types of social relations and institutionalized social relations - social organizations, with deinstitutionalization that complements it, caused by both external factors destroying social organization and the internal exhaustion of its resources for growth and development.

The sphere of reproduction of physical existence, or the sphere of material production, grows on the basis of social human labor for the production of material means of livelihood. This work, as a basic type of social activity, includes the following main functions: – cognition of nature (which is institutionalized in a special sphere of relations about cognition and knowledge transfer (education system) and science, as a special social institution, - planning of the labor process, which is institutionalized in type of activity and relations - technologically administering social institutions, - organiza-

tion of social work management, which is formalized by relevant social relations and institutionalized into special managerial social institutions.

Here we must note that this is a production management, which is first merged with the management of social relations in general, but then the latter is alienated from production in the form of political management institutions. «Any system, and especially a social one, is an integrative whole, possessing stability and at the same time dynamism. Among the mechanisms and factors that ensure the preservation of the qualitative specificity of the system and initiate its functioning and development, is the ability to self-organize and self-manage» [2, p. 211].

The sphere of the reproduction of material existence, in addition to directly production functions, relations and institutions, also includes additional pre-production and post-production functions, such as the distribution of objects, tools and products of labor, i.e. the sphere of property relations, the exchange of products of labor and services between producers, the direct consumption of products of labor. And each of these functions is formalized by the corresponding social relations and is institutionalized into certain public organizations - institutions.

The sphere of reproduction of the human race is formed around social activities for the reproduction of the population. It includes relations between the sexes, generations, clans, peoples, nations and within families, clans of nations. These activities and these relationships are institutionalized in such social organizations as family, nationality, nation and other forms of community of people.

The sphere of reproduction of human communication, i.e. social relations grows out of the need for reproduction, emerging in the process of material production and reproduction of the human race, social forms of communication, social relations. Its most important task is the socialization of people's behavior, the stabilization, maintenance and preservation of forms of social behavior of people, the stabilization, maintenance and preservation of forms of social behavior and social relations. This activity includes the following major functions - fixing the norms of social relations and behavioral patterns in cultural objects, - transferring them to new generations, - regulating social relations in accordance with established norms. On the basis of this activity, specific educational and political social relations are formed, institutionalized in such social institutions as the pedagogical system,

morality, custom, law, and the state. The sphere of reproduction of consciousness is institutionalized into special public institutions: the education system, science, art, religion, etc.

System analysis of society is not a description, but a causal explanation of the structure and origin, as well as the trends and stages of development of a particular social system. Secondly, this explanation is not based on the principle of mechanical causality, which presupposes the reduction of all social phenomena to a single determining factor and the linear rigid unidirectional connection between cause and effect. This is not an explanation according to the principle of statistical causality, when the number of determining factors is immensely large, when causal relationships are reversible (i.e., causes and effects are interchanged), when because of this, the necessary causal relationship in the development of the subject is replaced by the casual statistical probability of transition him in certain states.

When studying society, it is necessary to proceed from the logic of system analysis, and the principle of systemic causality, which involves a multifactorial or complex intricate causality and conditionality in the development of society and its individual subsystems, the mutual and simultaneous influence on each other of various elements of a social system, acting simultaneously to a friend both as causes and as consequences. Thirdly, the system analysis of society involves a combination of genetic and structural analysis, i.e. analysis of two lines of systemic determination in society: 1. determination of the nature of a system by the quality of its elements and 2. determination of elements and subsystems of a social system by general systemic qualities and connections.

Fourth, this logic implies the identification of dominant subsystems at each specific stage of the system's development, i.e. most developed relatively to other subsystems, and therefore at this stage are the leading, determining the state and development of the entire social system in general.

Fifth, this logic assumes the study of two main trends in the development of the social system: – the tendency of preservation in progressive development – the tendency of internal and external destruction. Both of these trends are determined by its interaction with the external environment, as well as its internal structure. In this struggle, which determines the existence and development of society, the lower systems tend to disintegrate the higher more complex ones, and the higher systems

seek to integrate, incorporate, subjugate, and rebuild the lower systems for their own purposes.

In the sixth, the actual system analysis of society should not be an abstract discourse on social systems in general, but a concrete analysis of specific social systems based on general principles and categories of system knowledge of society. This particular analysis must, therefore, firstly, trace how the general systemic laws and principles are implemented in this particular social system, and secondly, consider each historically and regionally-territorially specific type of social system according to its scale. This scale is determined by the line of evolution of the social system according to the quantitative degree of real community: from the herd, to the clan family, then to the nation, nation and humanity. This means that the knowledge of the history of a particular country or people must be conducted with the obligatory analysis of its real ties with other peoples and its place in a given historical type of real historical community of people.

The actual system analysis of a particular society must proceed from the fact that the general laws of historical development and the change of types of social systems in each individual country, nation, region are manifested individually and diversely. And it is correct to speak not about a single line and a scheme for the development of society, under which all nations and countries fit, but about the presence of various types of social systems and, accordingly, the historical lines of their development. «The provision on the concrete historicity of social forms is of fundamental theoretical and methodological and practically effective significance. It consists in the fact that no form of society is eternally given, unshakable, since each of these forms turns out to be a concrete product of human activity, the historical creativity of people» [4, p. 72].

All this allows us to avoid transforming the systemic knowledge of society into bringing the real history into an abstract, common, uniform for all countries and peoples, and therefore a meaningless scheme. «In relation to a specific social form, a special historical and theoretical study is always required, reflecting this form in its integrity. Accordingly, it seems that the «integral» methodology

of studying social reality turns out to be immanent, adequate to this social reality as a dynamic integrity, «grows» out of it, and is not imposed “from outside”, an alien, one-sided methodology» [4, p. 72].

The actual system analysis of society sets itself the task of finding the general in the individual and the individual in general, i.e. causal explanation of the specific history of a particular society.

Bibliographic list

1. Blauberg, I. V. The problem of integrity and a systematic approach. M.: Editorial URSS, 1997. 450 p.
2. Elchaninov, V. A. The principle of consistency in historical and sociological research // News of AltGU. 2013. № 4 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/printsip-sistemnosti-v-istoriko-sotsiologicheskome-issledovanii>
3. Nikolis, G., Prigogine I. Self-organization in non-equilibrium systems. M.: Science, 1979. 512 p.
4. Pavlov, P. V. Modern social cognition: to the problem of integral methodology of studying social reality // Bulletin of the South Russian Technical University (NPI). 2008. № 1. С. 69–73.
5. Savkin, N. S. Social cognition. - Saransk: Publishing House Mordov. University, 2002. 64 p.
6. Somkin, A. A. The system approach and actual problems of modern education (philosophical analysis) // Integration of education: scientific method. Journals. 2008. № 2 (51). pp. 107–112.
7. Somkin, A. A. Holistic social systems as an object of system analysis: features of their knowledge and typological features // Humanitarian: actual problems of humanitarian science and education. 2017. № 3 (39). pp. 64–77.
8. Tolpykin, V. E. Systematic approach as a methodological principle of modern post-classical science // Theory and practice of social development. 2011. № 7. p. 27–29.
9. Khadikova, L. Kh. Systematic approach as a fundamental methodological principle of social cognition // Bulletin of the North-Ossetian State University. K. L. Khetagurov. Social Sciences. 2014. № 1. p. 145–149.

УДК 328.185(470)
ББК 67.401.02

КОРРУПЦИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: МОЖНО ЛИ ПРЕОДОЛЕТЬ?

М. Я. Яхьяев

Аннотация. В статье раскрываются социально-политические предпосылки современной коррупции в России. Выстраивается аргументация о возрастании коррупции как определенной закономерности в условиях существующей социально-экономической системы. Обосновывается возможность преодоления коррупции посредством гуманизации политической, экономической и правовой сфер современного общества.

Ключевые слова: коррупция, власть, гуманизм, демократия, отчуждение.

CORRUPTION IN MODERN RUSSIA: CAN I OVERCOME?

M. YA. Yahyaev

Abstract. The article reveals the socio-political background of modern corruption in Russia. The argument is built on the growth of corruption as a certain pattern in the current socio-economic system. The possibility of overcoming corruption through the humanization of the political, economic and legal spheres of modern society is substantiated.

Key words: corruption, power, humanism, democracy, alienation.

Необходимость противодействия коррупции в современной России определяется ее **деструктивной** социальной сущностью и теми реальными **масштабами**, которые она приобрела за последние десятилетия. Коррупция уже **поразила все сферы** жизни – от управленческой до воспитательной, что стало основанием определения России как клептократического и компрадорско-олигархического государства.

О том, что Россия вошла в **десятку самых коррумпируемых стран** мира еще в конце 90-х годов заявил Ю. Я. Чайка, бывший заместителем Генерального прокурора [2]. Объем и количество взяток с тех пор только **росли каждый год**, и по прошествии 20 лет все тот же Ю. Чайка, но уже в должности Генерального прокурора, заявляет, что за первые десять месяцев 2018 года случаев получения взятки было зафиксировано на 9,4 % больше, чем за аналогичный период 2017 года. При этом чаще всего взятки берут в **Москве, Ростовской, Московской и Челябинской** областях и **Краснодарском** крае. Эти же регионы остаются и лидерами по числу дачи взяток (рост на 10,5 %) [1]. Это к тому, что в СМИ в последние годы, когда говорят о масштабах коррупции в стране, чаще всего кивают на Дагестан или другие регионы Северного Кавказа.

А кто чаще всего берет взятки? По данным СК России чаще всего в коррупционных преступлениях **уличаются** сотрудники МВД, должностные лица органов местного самоуправления, военнослужащие, должностные лица госучреждений и предприятий, работники Минюста. Интересна и информация СК о том, что 22,3 % всех уголовных дел коррупционной направленности, которые в прошлом году поступили в суд – это дела о мелком взяточничестве, а 19,8 % и вообще о мошенничестве, и о том, что россияне любят больше давать взятки, чем получать (18 % – это ответственность за дачу взяток, и только 15,1 % – за получение взятки) [1].

Понимание всей серьезности угрозы коррупции для российской государственности подвигло власть в 2008 году на разработку **Национального плана противодействия коррупции**. Однако этот план оказался больше робкой декларацией намерений о борьбе с коррупцией, чем совокупностью эффективных мер по ее преодолению. Красноречивое свидетельство этому: если в 2006 году **объем рынка коррупции** в России оценивался в 240 млрд долл. [4], то в условиях объявленной борьбы с коррупцией к 2011–2013 годам он вырос до 300 млрд долл. (информация Председателя Националь-

ного антикоррупционного комитета К. Кабанова) [3]. Примерно на этом же уровне он сохраняется и все последующие годы. Правда, Счетная Палата сегодня называет объем рынка коррупции в 3–4 раза меньше этого, но зато независимые организации называют фантастическую цифру, примерно сопоставимую с годовым бюджетом РФ.

Вся эта нерадостная информация и заставляет всех нас серьезно задуматься над причинами распространения коррупции, которая в России **имеет достаточно глубокие исторические корни. И все же** всевластие денег в нашем отечестве стало утверждаться лишь с начала 90-х годов, когда деятели новой России типа А. Н. Яковлева начали активно совращать чиновников откровенными заявлениями, что они сейчас «могут взятки брат безнаказанно, по сложившемуся тарифу». А «демократ» и по совместительству тогдашний мэр г. Москвы Г. Х. Попов и вовсе стал призывать **узаконить взятку**. В итоге «идеологи клептократии» добились своего: они сумели в 90-х годах так реформировать российское государство, что **взятка стала не только фактически разрешенной, но и морально оправданной**.

Сегодня в России взятка – уже **норма жизни**, которая сопровождает каждого: от первых минут жизни в роддоме до выкупа места на кладбище. В нашем обществе **не дать взятку** для решения проблемы, возникающей в роддоме, в садике, в школе, в больнице, в вузе, в муниципалитете, в полиции, **истолковывается** обывателем **как безразличие** или равнодушие к собственным чадам и домочадцам.

Опросы показывают: большая часть россиян **не считает коррупцию преступлением**, а больше половины опрошиваемых имеют личный опыт дачи взяток. А если больше половины россиян действительно являются взяткодателями (18 % дел, по инфо СК России), то взяткополучателями являются все остальные россияне (15 % дел). Выходит, уважаемые, что мы все – коррупционеры.

Но это так получается, только если **следовать** предельно широкому определению коррупции, когда в нее включаются все случаи – от подношения благодарности врачу и оказания посреднической услуги, до покровительства разворовывания бюджета и получения многомиллионных взяток. А если определять коррупцию в соответствии с ее подлинной природой, а

именно как **злоупотребление властными полномочиями ради личной выгоды**, то и причастным к коррупции оказывается только человек, наделенный **дискреционной властью** (властью по своему усмотрению распределять не принадлежащие ему ресурсы). Выходит, что если нет дискреционной власти, то нет и коррупции.

Проблема в том, что государство не может осуществлять свои властные полномочия без передачи определенному кругу лиц конкретных полномочий и необходимых ресурсов, без наделения их правом принимать решения, затрагивающие интересы многих других лиц, которые, получая определенные услуги от чиновников, не могут напрямую влиять на их деятельность. Таким образом, **природа власти такова, что она содержит в себе потенциальную возможность для коррупции**. Но такая возможность **перерастает** в реальную коррупцию в определенных условиях и по определенным объективным причинам.

Среди причин такого перехода часто называются следующие:

- несовершенство политических институтов общества и отсутствие эффективных механизмов взаимодействия между ними;
- правовая неграмотность населения и отстраненность граждан от контроля над действиями власти;
- содержательная зависимость работы государственной машины от интересов экономически господствующей элиты;
- низкий уровень развития институтов гражданского общества;
- кумовство и политическое покровительство, ослабляющие механизмы контроля над коррупцией.

Но какой бы перечень причин коррупции мы не приводили, **он никогда не будет исчерпывающим**, так как для каждого государства на разных этапах его развития он будет различным.

Поэтому в своем объяснении причин коррупции я исхожу из того, что в России сложилась социально-экономическая и политическая система, **стоящая на страже интересов** олигархической буржуазии и обслуживающей ее государственной бюрократии. Но хуже всего то, что уже **сформировавшийся в России управленческий класс с необходимостью генерирует коррупцию как способ своего соб-**

ственного существования и функционирования. И эта же система вынуждает государственных и муниципальных служащих низшего звена, работников полиции, врачей и учителей участвовать в различных коррупционных схемах.

Фундаментальная причина существования такой коррупциогенной социальной системы обнаруживается в утвердившейся в России **ситуации всеобщего отчуждения личности, как** от своей человеческой природы, так и продуктов собственной деятельности, в том числе и власти. А в основаниях всеобщего отчуждения лежит оторванность непосредственного производителя социальных благ от средств производства, которая привела к тому, что результаты труда множества людей стали принадлежать не им самим, а ограниченному кругу собственников. И это экономическое отчуждение порождает множество других форм отчуждения, среди которых и политическое, и духовное отчуждение, превращающие демократические политические институты из выразителей интересов всего общества в бюрократические, обезличенные машины подавления и орудия манипулирования сознанием и поведением людей.

В силу того, что в ситуации всеобщего отчуждения коренятся причины коррумпированности российского общества, сегодня **нет объективных предпосылок преодоления коррупции**. Потому и борьба с коррупцией в России имеет **целью всего лишь косметический ремонт** существующей социально-политической и экономической системы, а заодно и **снижение** общественного негодования масштабами коррупции. А такая кампанейщина приведет в лучшем случае к количественному уменьшению очевидных и вопиющих ее проявлений, а реально к таким метаморфозам, которые породят новые, доселе нам неизвестные формы коррупции.

В итоге сказанного мы оказались перед почти **неразрешимой задачей** – найти пути и способы преодоления коррупции в обществе, в котором это принципиально невозможно. Однако, рассматривая коррупцию в современной России **как исходную безусловную предпосылку, я не ставлю всех нас заранее в положение решающих изначально неразрешимую проблему**. Очевидно, что решение проблемы любой проблемы должно начинаться с обнаружения действительных объективных

причин конкретного социального феномена, в нашем случае коррупции. А **обнаружение** фундаментальных причин коррупции именно в ситуации тотального отчуждения человека **позволяет нам:**

- во-первых, подвести под вопрос о коррупции конкретно-историческую, социальную почву;

- во-вторых, проанализировать реальные исторические причины отчуждения и порождаемой им коррупции;

- в-третьих, видеть объективные предпосылки преодоления отчуждения в изменении социально-экономической основы современной России.

Заканчивая свое рассуждение, отмечу, что нам всем **необходимо трезвое понимание** того, что всецело побороть коррупцию в современном обществе невозможно, **можно только минимизировать ее проявления**. Это в тоталитарном государстве коррупция может быть одолена полностью по той простой причине, что там существует всепроникающий контроль власти над личностью и всем обществом. И фактор наказания в таком обществе является настолько значимым, что не позволяет личности рисковать собственной безопасностью и социальным положением.

Но коль скоро **мы все желаем жить в демократическом**, а не тоталитарном государстве, то и преодолевать коррупцию нам необходимо, **гуманистически реформируя общество**, проводя комплексные социально ориентированные экономические, политические и правовые реформы. Только придание капитализму в современной России **«человеческого лица»** позволит преодолеть многообразные формы отчуждения личности от собственности, власти, духовной культуры, прочих продуктов деятельности свободного человека и может **привести к снижению степени** коррумпированности российского общества и **преодолению** клептократии.

Библиографический список

1. Генпрокуратура отчиталась о росте числа взяток в России. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2018/12/09/788791-vzyatki> (дата обращения 15.03.2019).
2. Новости за 03.02.1999 // Polit.Ru
3. Объем рынка коррупции в России в 30 раз больше рынка наркотиков. URL: <https://www.rbc.ru/society/08/04/2013/5704065a9a7947fcbd447918> (дата обращения

15.03.2019).

4. Шаров, А. Ни дать, ни взять. Генпрокуратура начала новое наступление на коррупци-

рованных чиновников / А. Шаров // «Российская газета». Федеральный выпуск № 4215 от 7 ноября 2006 г.

УДК 321.022
ББК 66.031

ПРИКЛАДНОЙ АНАЛИЗ СТАБИЛЬНОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА: КРИТЕРИИ, ОЦЕНКИ¹

Е. В. Ефанова

Аннотация. В статье исследуется проблема стабильности политической системы как управленческой сферы общества. Обосновано, что политическая стабильность имеет как институциональные, так и неинституциональные параметры и ее оценка определяется способностью политической системы противостоять кризисам. Кризис идентичности определяется девальвацией ценностей, кризис легитимности выражается в утрате общественного доверия, кризис участия влечёт рост протестных настроений, кризис распределения связан с завышенными потребительскими ожиданиями, кризис проникновения зависит от достижения целей правительством. Автор убежден, что именно в политической культуре выражен совокупный итог деятельности правительства и населения по формированию устойчивой политической жизни общества, что подтверждает российский опыт.

Ключевые слова: политика, стабильность, политический режим, политическая система, прикладной анализ.

APPLIED ANALYSIS OF STABILITY OF THE POLITICAL REGIME: CRITERIA, ESTIMATES

E. V. Efanova

Abstract. The article examines the problem of stability of political system as administrative sphere of society. It is proved that political stability has both institutional, and not institutional parameters and its assessment is defined by ability of political system to resist to crises. Crisis identity is defined by devaluation of values, crisis of legitimacy is expressed in loss of public trust, crisis of participation attracts growth of protest moods, crisis of distribution is connected with the overestimated consumer expectations, crisis of penetration depends on a tseledostizheniye of the government. The author is convinced that in political culture the cumulative result of activity of the government and the population on formation of steady political life of society is expressed that confirms the Russian experience.

Key words: policy, stability, political regime, political system, applied analysis.

Для того чтобы выявить содержание режима, необходимо его соотнести с понятием власти. Изучение любого вопроса в политической науке связано с вопросом политической власти, которая зачастую определяется как совокупность распоряжений и подчинений. На практике от характера политического режима, уровня легитимности, особенностей процесса принятия управленческих решений зависит стабильность политической системы.

Политическая стабильность трактуется

как такое состояние политической системы, которое характеризуется относительной устойчивостью политических институтов, наличием поддерживающей систему политической культуры, легитимностью и эффективностью власти в обществе и которое позволяет системе эффективно функционировать и развиваться в условиях внутренних и внешних изменений, сохраняя при этом свою природу и основные параметры. Политическая стабильность играет приоритетную роль в общей системе стабильности общества, что связано с руководящей и регули-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и Администрации Волгоградской области в рамках научного проекта № 19-411-340006

рующей ролью политической системы по отношению к обществу. Исходя из этого, политическая нестабильность может рассматриваться как неустойчивость режима или частая смена правительства, как уровень политического насилия и протестной активности в обществе или как непоследовательность проводимых политик [2]. Таким образом, базовыми критериями политической стабильности являются: во-первых, бесперебойность функционирования политических институтов, во-вторых, соответствие политических ориентаций политическому устройству общества, в-третьих, признание власти, в-четвертых, способность власти решать проблемы общественного развития.

Вместе с тем политическая система находится в постоянном процессе изменений и логично предположить, что на определённом этапе развития системоизменяющие процессы могут одержать верх над процессами системообразующими, то есть нарушить неустойчивое равновесие и привести систему в состояние нестабильности. Нестабильность политической системы выражается, в частности, в превышении предельных значений основных её параметров, что порождает различные кризисы.

Кризис идентичности вызывается утратой тех идеалов и ценностей, которые составляли основу доминировавшей ранее политической культуры, падением доверия к существующей власти, пересмотром национальных приоритетов, сменой ориентации в государственной политике. Люди вынуждены пересматривать своё отношение к традициям, прошлому опыту государства, господствовавшей ранее идеологии, символам государственности. Идентичность может приобретать негативную окраску, если граждане в новых формах социальной и политической жизни находят не дополнительные возможности для личного существования, а своеобразный «обман» со стороны государства, невыполнение им своих обязательств. Нередко возникающее при этом осознание отсталости своей страны может стимулировать возникновение чувства социальной замкнутости, склонность к радикализму, способствует усилению недоверия к государству и демократическим ценностям, что препятствует развитию рационального взгляда на положение человека в обществе и характер государства.

Кризис легитимности выражается в отсутствии признания обществом привносимых

модернизацией политических институтов, политической системы в целом, а также методов деятельности политической власти. Как известно, легитимность тесно связана с эффективностью и результативностью политических институтов системы. Однако в модернизирующихся странах с эффективностью новых политических институтов возникают определённые проблемы. Новые институты, как правило, являются недостаточно эффективными и не пользуются необходимой поддержкой общества, так как в глазах большинства населения не являются эффективными и способными помочь при решении возникающих проблем. То есть возникает своеобразный замкнутый круг. Таким образом, низкая эффективность политических институтов, выражающаяся в их неспособности удовлетворять всё возрастающее число требований граждан к политической системе, их несоответствие политической культуре данного общества способствуют потере поддержки, делегитимации нововведений.

Кризис участия, по мнению С. Хантингтона, возникает в результате отставания в развитии политических институтов по сравнению с социальными и экономическими изменениями [13]. Изменения, происходящие в социальной и экономической системах общества, влекут за собой смену установок, ценностей и ожиданий людей, способных влиять на политический процесс. «Растущая численность мобилизованного населения и рост масштаба и насущности его потребностей в политических решениях и государственных услугах обычно оборачиваются, хотя и с некоторым временным запозданием, ростом политического участия» [5, с. 212]. Происходит быстрый рост различных социальных групп, стремящихся оформить свои политические интересы и получить доступ к принятию решений. Однако в результате слаборазвитой системы представительства интересов граждан, несоответствия политических структур и институтов всё увеличивающимся потребностям населения, рост политического участия будет проявляться в участии людей в различных митингах, демонстрациях, забастовках, порождая тем самым политическую нестабильность.

Кризис распределения проявляется в протесте населения, вызванном «качественными изменениями стандартов и способов потребления, а также ростом социальных ожиданий граждан» [8, с. 78], и неспособностью системы

их удовлетворить. В условиях модернизации способности властей удовлетворять ожидания граждан увеличиваются значительно медленнее, чем происходит их рост. В результате возникает определённый разрыв «между стремлениями и ожиданиями, между формированием желаний и их удовлетворением, или между функцией стремлений и функцией уровня жизни. Этот разрыв порождает социальные фрустрации и неудовлетворённость» [13, с. 70] и, как отмечает С. Хантингтон, может служить достаточно хорошим показателем политической нестабильности.

Кризис проникновения находит проявление «в снижении способности государственного управления проводить свои решения в различных сферах жизни, что делает невозможным для правительства достигать поставленных целей» [12, с. 142]. Иницилируемые центральной властью преобразования не осуществляются в первоначально задуманном виде. Борьба между соперничающими группами за ресурсы, ценности, властные полномочия приводит к формированию множества центров влияния, способных изменять в свою пользу содержание управленческих решений (законов, постановлений) центральных властей.

Несмотря на все негативные последствия кризисов для политической стабильности, всё же стоит отметить, что они, как и стабильность, служат достижению главной цели – обеспечению общественного развития. «С помощью кризиса разрушается прежний баланс, равновесие системы с целью создания качественно нового баланса. Можно сказать, что кризис – это способ разрушения старого состояния с целью установления нового. Поэтому вместе с кризисом, как правило, появляется широкий спектр возможностей дальнейшего развития» [9, с. 64].

В целом совокупный итог деятельности граждан и политических институтов отражает процесс формирования политической культуры и операционализируется, с точки зрения М. И. Бикбулатова, как: «...постепенное введение индивида в создаваемое государством и обществом информационное поле» [3, с. 90]. Одним из аспектов формирования политической культуры выступает процесс интернализации, в ходе которого индивид познаёт и принимает в качестве обязательных ценности, ориентации и нормы поведения, которые присущи определённой социальной общности [4, с. 1389]. В

контексте формирования политической культуры это объясняется как интернализация политической системы в когнитивных способностях, эмоциях и оценках.

Формируется политическая культура под воздействием взаимосвязанных объективных и субъективных условий политической жизни общества. Объективные условия создают политическую действительность, материализующуюся в деятельности политической системы, политических институтов и политической культуры. Политическая система, интернализированная в виде познаний, ощущений и оценок, формирует отношение граждан к власти, политическим институтам, политическим процессам и определяет индивидуализированное восприятие политической сферы жизни общества.

Например, одни из основных детерминант российской политической культуры на протяжении веков – имперская идея и христианство – что в итоге привело к формированию многокультурной и многоэтнической империи с высокой степенью централизации. Так, исследование эмоциональных ориентаций российской политической культуры показало, что российское общество у отдельных граждан прежде всего связывается с историческим прошлым (46 %) и землей, с которой эта история связана (38 %). При этом 64 % респондентов согласно с утверждением, что русский народ имеет особую роль и значение в мировой истории. Также наблюдается тенденция на увеличение доли россиян, считающих, что Россия является великой державой (72 %), и тех, кто убежден, что данный статус необходимо сохранять (82 %) [6]. Тенденции на «державность» продолжают «сосуществовать» в политическом сознании с высоким уровнем негативизма в отношении стран Запада [7].

Одним из ключевых условий, в которых развивалась политическая культура российского общества, является политическая традиция на сильную государственную власть. В течение длительного промежутка естественного исторического развития на формирующиеся политико-культурные ориентации российского общества воздействовали такие характерные явления российской государственности, как самодержавие и централизм, что обусловило ориентации социума на сильный властный центр. Сформировавшиеся политико-культурные характеристики российского общества таковы:

преобладание ориентаций на коллектив, патерналистское и этатистское отношение к государству, антиномичность, противоречивость, двойственность и иррационализм [10, с. 438].

Развитие политической культуры российского общества тесно во многом обусловлено воздействием религии. Православие, являвшееся на протяжении веков духовной основой российского социума, было также одной из основ российской идентичности. В процессе формирования политической культуры институты религии транслировали идею величия российского государства, ориентации на патриотизм и убеждение, касающиеся особого пути развития российского общества и государства. Институты религии также транслировали идею о сакральности власти в рамках православия, что привело к закреплению таких ориентаций на политического лидера, в рамках которых он представлялся как гарант стабильности государства, и определило его восприятие с эмоциональной стороны [11, с. 306]. Таким образом, в целях эффективного анализа состояния политической системы современного российского общества [1] необходимо учитывать объективные и субъективные основания действующего политического режима.

Библиографический список

1. Efanova, E. V. Ensuring political stability: Russian nationwide trend // *European Journal of Science and Theology*. February 2015. Vol. 11. № 1. URL: http://www.ejst.tuiasi.ro/Files/50/9_Efanova.pdf (дата обращения 04.05.2019).
2. Kolstad, I. Political Instability, Indices of // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. 2008. URL: www.encyclopedia.com/doc/1G2-3045301969.html (дата обращения 06.05.2019).
3. Бикбулатов, М. И. К вопросу о формировании политической культуры средствами массовой информации / М. И. Бикбулатов // *Власть*. 2012. № 3.

4. Винограденко, Г. Г. Социализация, интернализация, идентичность: диалектика взаимосвязи / Г. Г. Винограденко, И. В. Фролова // *Вестник Башкирского университета*. 2011. Т. 16. № 4.
5. Дойч, К. В. Социальная мобилизация и политическое развитие / К. В. Дойч // *Политическая наука*. 2012. № 2. С. 196. С. 212.
6. Левада-Центр. Гордость за страну и народ от 21.12.2017. URL: <https://www.levada.ru/2017/12/21/17311/> (дата обращения 06.05.2019).
7. Левада-Центр. Отношение к США от 01.03.2018. URL: <https://www.levada.ru/indikator/otnoshenie-k-stranam/> (дата обращения 06.05.2019).
8. Лиханова, И. В. Дестабилизация политического процесса как угроза национальной безопасности России в контексте социальных трансформаций : дис. ... канд. полит. наук : 23.00.02. М., 2010. 202 с.
9. Логинов, А. В. Политическая стабильность и перспективы эволюции российской системы власти / А. В. Логинов // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион*. 2009. № 1.
10. Петрова, А. С. Роль традиций в формировании российской политической культуры / А. В. Петрова // *Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук*. 2013. № 5.
11. Рогожина, Е. М. Политическое лидерство в Западной, Исламской и Российской политико-культурных традициях: сравнительный анализ / Е. М. Рогожина // *Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского*. 2011. № 3-1.
12. Стаценко, О. С. Модернизационный синдром на Украине в контексте дискуссии славянофилов и западников / О. С. Стаценко // *Вісник СевНТУ: зб. наук. пр. Серія: Політологія*. 2012. Вип. 136.
13. Хантингтон, С. Политический порядок в меняющихся обществах / пер. с англ. В. Р. Рокитянского / С. Хантингтон. М.: Прогресс-Традиция, 2004. 480 с.

УДК 94 (47).084.2
ББК 63.3(2)61

СОВЕТЫ: ТРАНСФОРМАЦИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ ВЛАСТИ ОТ 1917 К 1985 г.

Н. З. Абушахманова

Аннотация. Данная статья посвящена анализу причин и последствий трансформации представительной власти в советский период. Автор раскрывает механизм функционирования советских представительных органов власти, рассматривает причины, приведшие к деформации Советов, в результате которых система, призванная приобщить трудящиеся массы к управлению государством, к демократическим ценностям, превратилась в безвластный придаток партии. В работе исследуются исторические условия, в которых шло становление системы Советов, характеризуется законодательная база представительных институтов в СССР, анализируются попытки оживления их деятельности.

Ключевые слова: трансформация, Советы, народное представительство, авторитаризм, диктатура.

THE SOVIETS: TRANSFORMATION OF REPRESENTATIVE AUTHORITIES FROM 1917 TO 1985

N. Z. Abushahmanova

Abstract. This article is devoted to the analysis of reasons and consequences of the representative authority transformation during the Soviet period in Russia. The author reveals the functioning mechanism of the Soviet representative authorities, considers the reasons which led to the deformation of Soviets, so the system which was designated to attract toiling masses to the governing of the state turned out to be a powerless adjunct of the Party. The author researches historical conditions of the Soviet system formation, characterizes legislative basis of the representative institutions in the USSR, analyses attempts to revive their performance.

Key words: transformation, Soviets, people's representation, legislative power, dictatorship.

В результате революционных событий 1917 года в России началось становление и утверждение Советов как новых представительных органов власти.

С октября 1917 года верховная власть в стране перешла в руки Всероссийского съезда Советов рабочих и солдатских депутатов (с декабря 1917 года – рабочих, крестьянских и солдатских депутатов), который состоял из представителей городских советов и губернских съездов советов, и ко Всероссийскому Центральному Исполнительному Комитету (ВЦИК) как руководящему органу в период между съездами Советов.

Права Всероссийского съезда Советов, характер, нормы представительства, взаимоотношения с другими государственными органами получили законодательное оформление в первой Советской Конституции, принятой в июле 1918 года на V Всероссийском съезде Советов. Работа над проектом Конституции началась в соответствии с решением III Всероссийского съезда Советов. Обсуждение будущего

главного закона страны сопровождалось дискуссиями. Помимо большевистского проекта, был предложен альтернативный, разработанный левым эсером А. А. Шрейдером. Он исходил из того, что функции и полномочия центральной и местной власти должны быть разделены, полномочия местных советских органов должны быть ограничены проблемами местного самоуправления. Однако эта идея была отвергнута, ибо она противоречила большевистской модели диктатуры пролетариата, «ломала» властную вертикаль единой системы Советов.

В Конституции РСФСР 1918 года социалистическое государство определялось как организация трудящихся, объединенных посредством Советов, и закреплялось положение о том, что в границах своего ведения каждый областной, губернский и волостной съезд Советов, каждый городской и сельский Совет являются «высшей в пределах данной территории властью». Конституционную силу получил принцип, согласно которому местные Советы

являлись органами общегосударственной власти на местах, обеспечивающими выполнение решений центральных органов и полномочными решать все проблемы местного значения (ст. 62, 81).

Идея соединения законодательной и исполнительной деятельности пронизывала все статьи первой советской Конституции. Принцип полновластия провозглашался основополагающим и получал правовое оформление во всех последующих советских Конституциях.

Съезд Советов был признан высшей властью в стране. Его компетенция была ничем не ограничена. Кроме вопросов законодательного характера, съезды решали вопросы управления, общего руководства политикой государства, а также имели исключительную компетенцию: выборы ВЦИК, ратификация мирных договоров, изменение Конституции. Избиравшийся Всероссийским съездом Советов ВЦИК определялся как высший законодательный, распорядительный и контролирующий орган, который между съездами определял общее направление деятельности правительства и всех органов советской власти в стране.

Образование правительства – Совета Народных Комиссаров (СНК) – и отделов (народных комиссариатов) входило в компетенцию ВЦИК (ст. 35). К совместному ведению съезда и ВЦИК относилось назначение и смещение как отдельных членов правительства, так и СНК в целом, а также утверждение его Председателя. Конституция закрепляла ответственность правительства перед Всероссийским съездом Советов и ВЦИК (ст. 46).

Советское правительство, однако, могло осуществлять не только исполнительно-распорядительные функции, но в отдельных случаях могло издавать акты, имевшие силу закона. На недопустимость такой практики в первые послереволюционные месяцы указывали представители социалистических партий, входивших в состав ВЦИК. Но ответом на это явилась резолюция ВЦИК – единственный официальный документ, в котором высший орган власти Советской республики назван «советским парламентом»: «Советский парламент рабочих масс не может иметь ничего общего по своим методам с буржуазным парламентом, где представлены разные классы с противоположными интересами... Советский парламент не может отказать Совету Народных Комиссаров в праве издавать

без предварительного обсуждения ЦИК неотложные декреты в рамках общей программы Всероссийского съезда Советов» [3. с. 45].

Таким образом, изначально устанавливались нечеткие границы конституционной ответственности высших органов власти в силу отсутствия по «идеологическим соображениям» системы сдержек и противовесов. Эта резолюция отразила важную тенденцию в складывавшихся взаимоотношениях высших органов власти Советской России: быстрое сужение законодательной сферы представительных органов власти, сферы демократии и подмена их исполнительными органами. Статус депутата, действовавшего на непостоянной основе, также способствовал тому, что сфера законодательной власти превращалась в сферу непрофессиональной деятельности и соответственно усиливалась роль бюрократии исполнительных органов, никем не выбираемых и ни перед кем не подотчетных.

Становление советской формы представительной демократии проходило трудно, противоречиво, в крайне неблагоприятных условиях выживания нового общественного строя, что подталкивало новую власть к ограничениям демократии. Одним из таких факторов, с которым столкнулось новое государство, являлась низкая культура пролетариата и катастрофическая нехватка кадров, способных осуществлять управление советскими учреждениями. Задачи управления оказались намного сложнее, чем это виделось революционным лидерам в начале создания государства. В результате этого был взят курс на привлечение «старых» специалистов, что в свою очередь вело к отказу от выборности и сменяемости работников государственного аппарата, к усилению бюрократизации советов, к ослаблению контроля за исполнительной властью. Все это мало способствовало реализации принципов пролетарской демократии.

Положение еще больше усугубилось с началом Гражданской войны и введением в жизнь мер «военного коммунизма». Это ускорило свертывание демократических норм, приводило к господству «чрезвычайщины» и, как следствие, вело к деформации советской представительной системы. В этот период времени во многих частях страны Советы стали уступать свое место организациям чрезвычайного характера, которые не выбирались, а назначались. И вообще, государственное принуждение стало

символом возможности быстрее перехода к социализму. С одной стороны, это объяснялось трудными условиями, в которых оказалась страна, однако, с другой – вело к тотальному огосударствлению, сверхцентрализации управления, бюрократическим извращениям, усилению исполнительных органов. Именно в этот период реальная власть ускользнула от Советов. Примером этому могут послужить такие факты, как роспуск губернских съездов Советов, принятие важных решений чрезвычайными органами в обход правительства, наделение большими полномочиями органов, не имеющих прямой связи с массами (Президиум ВЦИК), концентрация власти в руках узкой группы революционных лидеров (Малый Президиум ВЦИК). Усилилась также тенденция к отрыву советов от широких масс трудящихся путем перераспределения управленческих полномочий и сужения представительной демократии и тенденция к присвоению исполнительными органами верховенства власти по отношению к представительным органам.

За годы Гражданской войны усилилось проникновение в Советы людей, не имевших четкой принадлежности к определенному социальному слою. Это вело к ослаблению социальной базы Советов. Шло слияние верхушки партийного и советского управления, что вело к установлению в стране диктатуры партии. Советы не были по своей природе органами диктатуры. Они возникли как органы широкого демократического и социального представительства и носили принципиально внепартийный характер. Поэтому перед большевиками стояла задача превращения Советов в орудие своей политики.

Организирующая роль партии большевиков после революции стала быстро перерастать, выражаясь терминами советского времени, в «руководящую и направляющую силу», которая целеустремленно закреплялась по всем направлениям деятельности: во ВЦИК, в руководстве Совнаркомом, при проведении съездов. Тем самым создавались условия для централизации власти, для осуществления большевистской диктатуры «сверху». Права местных органов власти уменьшались. Снижение роли и реальной власти Советов стало одним из проявлений набиравшей силу командно-административной системы управления.

Процесс утверждения диктатуры пролетариата, а точнее большевистской диктатуры,

требовал времени. Однако можно констатировать, что уже к 1919 году полнота власти в центре и на местах перешла к партийным органам. Складывалась практика, при которой задачи и принципы деятельности Советов формулировались коммунистической партией и затем закреплялись в законодательстве о Советах. Всероссийские съезды Советов становились органами, проводящими политику партии, они давали ей законодательное оформление.

Новая политическая система все больше перерождалась из демократии советского типа в диктатуру, которая осуществлялась партией большевиков. Советы утрачивали демократические принципы и превращались в строго централизованную систему. В результате ограничения сферы представительных органов и резкого усиления роли партийно-административной бюрократии складывался механизм торможения в политической системе, разрастался кризис самой основы новой власти – Советов.

Таким образом, страна оказалась на пути к диктатуре. Этому, разумеется, способствовали объективные причины, такие как гражданская война, экономический кризис, низкий культурный уровень масс, желание людей немедленного разрешения существовавших проблем. Лидеры революции прекрасно осознавали неготовность России к социалистическим преобразованиям и поэтому возлагали надежды на мировую революцию. Ожидание ее, стремление всеми силами удержать власть и дожидаться мировой революции порождали соответствующую форму власти и методы: диктатуру партии и революционное насилие. Это вело к централизации управления, бюрократизму, всемогуществу государственного аппарата, персонификации власти.

Крондштатский мятеж в марте 1921 года стал кульминацией недовольства населения страны политикой военного коммунизма. Он ярко высветил те деформации, которые произошли в системе представительной власти, обнажил острейшие противоречия внутри политической системы, грозившие основам советского строя.

Эти события послужили толчком к проведению ряда мероприятий, направленных на оживление Советов и на борьбу с бюрократизмом в советских учреждениях. В начале 20-х годов проводятся «чистки» советских аппаратов, появляется Положение о местных Советах, направленное на оживление их деятельности,

осуществляются меры по повышению роли местных Советов, происходит упорядочение порядка формирования съездов Советов. Так, если на VIII Всероссийском съезде Советов только 48 % делегатов были избраны на губернских съездах Советов, то на IX съезде, соответственно, их было уже 79 %, а на X съезде – 83 % [7, с. 173]. Однако эти меры не принесли ожидаемых результатов, так как имели поверхностный характер и не затрагивали глубинные причины, приведшие к такому положению вещей. И, несмотря на то, что были достигнуты формальные признаки демократизации общества, содержание деятельности самих Советов оставалось почти без изменений. Советы все больше становились лишь орудием реализации принимаемых партией решений.

К середине 20-х годов складывается ситуация, при которой Советы формально обладали всеми правами и полномочиями, а фактически были безвластны, бесправны и беспомощны. В структуру управленческого аппарата, исполнительных комитетов Советов все глубже входили бюрократизм и административно-командные методы руководства. «Сверху» им стали предписывать количество отделов, штаты, оклады. Советы не стали самофинансирующимся институтом, их содержание осуществлялось центральными ведомствами, причем делалось это без учета местных запросов и потребностей. В результате, демократический потенциал Советов был потерян. Советы все больше «приручались», становясь «приводным ремнем» от партии к массам. С 1929 года стали нарушаться сроки созыва съездов Советов, каждому съезду или сессии ЦИК предшествовал партийный форум, который «готовил» законодательную базу для принятия решений советскими органами, законодательная деятельность концентрировалась в Президиуме ЦИК, а сами съезды все больше принимали парадный характер.

К концу 20-х годов партия превратилась в особый политический институт, «встроенный» в государственный механизм. Она стала силой, стоящей над обществом, а ее руководители вставали над партией и тем самым оказывались вне контроля. Отсутствие же сдерживающего начала вело к усилению авторитарного режима, к торжеству репрессивных методов при решении политических проблем. Это было тем более возможно, что к этому времени сложилась од-

нопартийная система и внутри Советов оставались лишь коммунистические фракции. Однако если вначале они были наделены определенными правами в отношении партийных комитетов и могли потребовать от парткомов повторного рассмотрения того или иного вопроса с учетом мнения фракции, то с 1934 года новым уставом ВКП(б) подобные права уже не предусматривались.

Власть в Советской республике обрела зримые черты однопартийной диктатуры. Государство и общество все дальше уходило от демократии не только парламентского, но и советского типа. Во второй половине 20-х – в 30-е годы еще будут проводиться мероприятия по оживлению Советов. А именно, по «насыщению» советского аппарата рабочими и крестьянами, по привлечению широкого круга избирателей к выборам. Однако выдвижение беспартийных рабочих и крестьян контролировалось аппаратом, а возрастание политической активности масс на выборах все в большей степени было итогом «обязаловки» и силового давления на избирателей.

Внутри партии были попытки обратить внимание на искажения в политической системе. Так, Н. И. Бухарин говорил о необходимости борьбы с бюрократизмом, который к концу 20-х годов принял угрожающие размеры. Он говорил, что «если посмотреть глазами «младого рассудка», то можно было бы прийти в замешательство от некоторых картин нашего «управленческого» быта. Галерея щедринских героев, перекусивших свои штаны, напяливших на себя другие исторические костюмы, могла бы без особого труда быть обнаружена в нашей действительности» [1, с. 181]. Однако ситуация в стране складывалась так, что все эти предостережения не были услышаны. А политическая система приобрела административно-командный характер. Ее чертами стали огосударствление массовых организаций трудящихся, диктатура партии, командные методы работы государственного аппарата. Таким образом, государство проделало шаг за шагом путь от диктатуры пролетариата к диктатуре партии, а потом к личной диктатуре. Идеи демократии были похоронены под толстым слоем бюрократизма, формализма и всевластия.

Следующей важной вехой в эволюции системы советских представительных органов власти стала Конституция 1936 года. По своему

содержанию это была, пожалуй, самая демократичная Конституция Советского Союза. Многоступенчатые выборы она заменила прямыми и всеобщими, предоставив, таким образом, равные избирательные права всем гражданам, достигшим 18 лет. В категорию так называемых лишенцев теперь входили лишь умалишенные и лица, осужденные судом. Упразднилось различие в нормах представительства рабочих и крестьян. Голосование становилось тайным. Однако заявленные свободы не могли реализоваться в условиях существовавшей в стране общественно-политической обстановки и режима личной власти И. В. Сталина.

Перестройка представительных органов по Конституции 1936 года знаменовалась прекращением существования системы съездов Советов. Это был очередной шаг в укреплении административно-командной модели управления государством. Съезды Советов, несмотря ни на что, сохраняли нить преемственности со своими демократическими революционными истоками. Теперь она обрывалась, и вместо съездов образовывались представительные органы более традиционного типа. Советы были переименованы в Советы депутатов трудящихся и стали постоянно действующими органами власти и управления.

По Конституции 1936 года законодательная власть должна была осуществляться Верховным Советом СССР, а исполнительно-распорядительная деятельность отходила в ведение Правительства СССР. Таким образом, формально разграничивались в своей деятельности различные ветви власти. Это предполагало изменение практики предшествующих лет, когда законы в виде декретов, постановлений издавались самыми различными органами государственной власти. Однако этому положению, как и многим другим, в этой Конституции не суждено было сбыться. Практика деятельности высших представительных органов строилась с нарушениями и отступлениями. Никаких реальных выборов в эти «парламенты» не было. И хотя при подготовке Конституции в комиссиях ставили вопрос о включении в избирательные бюллетени при голосовании не одного, а нескольких кандидатов, это так и осталось лишь предложением. Заметим, однако, что Положение о выборах в Верховный Совет СССР, казалось, не отрицало нескольких кандидатов на одно депутатское место. Так, в ст. 107 говори-

лось, что «если ни один из кандидатов не получил абсолютного большинства голосов, соответствующая Окружная избирательная комиссия отмечает об этом особо в протоколе и объявляет перебаллотировку двух кандидатов, получивших наибольшее количество голосов...» [б. с. 15]. Однако в реальности «единогласие» на выборах достигалось наличием одного кандидата на одно депутатское место, политическим прессингом и жестким контролем за выборами со стороны силовых структур. На то, что деятельность представительных органов власти не являлась ведущей, указывает и тот факт, что сессии Верховного Совета созывались два раза в год и становились заметно короче: в довоенное время и в первые послевоенные годы продолжительность их составляла не более 6–7 дней.

Постоянным органом Верховного Совета в период между сессиями становился Президиум ВС СССР, однако его полномочия не были определены широко. Первоначально в компетенцию Президиума ВС СССР входили лишь созыв сессий, толкование законов, издание указов. Но в дальнейшем его полномочия постепенно расширились до права объявлять в стране военное положение, принимать гражданство и разрешать выход из него, обеспечивать проведение выборов в ВС СССР, также он наделялся широкими компетенциями в вопросах государственного строительства. В результате этого среди законов, принимавшихся Верховным Советом, все чаще появлялись законы об утверждении указов его Президиума.

Только за первые три года деятельности Президиума Верховного Совета вышли 47 нормативных указов, которые вносили изменения в законодательство, а затем утверждались Верховным Советом. Результатом же непосредственно законодательной работы самого Верховного Совета за 50 лет его деятельности (не считая законов о государственных, главным образом пятилетних планах и бюджете, утверждении указов Президиума) стали всего примерно 80 законов. Это составило немногим более 0,25 % от общего числа (примерно 30 тыс.) нормативных актов высших органов государственной власти и управления СССР [2, с. 68]. Для сравнения: ВЦИК только за период с октября 1917 года по июль 1918 с соблюдением демократической процедуры рассмотрел и принял более 100 важнейших решений.

Существенно изменились функции Советов, особенно местных, в годы Великой Отечественной войны. Во многих областях функции органов власти передавались военным Советам

фронтов, сокращались аппараты исполкомов Советов, зачастую многие функции исполкомов выполняли единолично руководители, многие члены исполкомов не выбирались, а кооптировались. В большинстве случаев деятельность Советов подменяли партийные органы. Это положение дел настолько укоренилось, что практически продолжало существовать и после войны.

В 60-е годы делались попытки изменения сложившейся обстановки в системе Советов, а именно проводились мероприятия по возвращению им реальной власти. Появились Закон о правах местных Советов, призванный расширить права местных Советов, Закон о статусе депутатов. В новой программе КПСС говорилось о необходимости соблюдения принципов социалистической демократии, как-то: «... регулярная отчетность Советов и их депутатов перед избирателями, право избирателей на досрочный отзыв депутатов ..., гласность, свободное и всестороннее обсуждение на сессиях Советов всех важнейших вопросов..., регулярная отчетность исполнительных органов власти на сессиях Советов снизу доверху, ...критика недостатков в работе советских, хозяйственных и других организаций» [4, с. 398]. Однако большинство этих положений на деле носили декларативный характер, не подкреплялись гарантиями, а многие подзаконные акты противоречили им.

Таким образом, фактическим законодателем в нашей стране стали ЦК КПСС и Президиум ВС СССР, то есть партийно-бюрократическая верхушка. Это создало серьезнейшее препятствие на пути формирования правового государства, к обеспечению его ведущего принципа – верховенства закона. Демократизм Советов был сведен к формальным процедурам, а исполнительный аппарат встал над Советами. Социалистическое государство оказалось как никогда далеко от реальной демократии и законности. Советы стали властью для трудящихся через партийно-государственных функционеров.

Не изменилось положение и с принятием новой Конституции в 1977 году, несмотря на то, что она вносила в представительные органы власти некоторые новшества. Господство авторитаризма и состояние застоя привели к стагнации политической системы, к дальнейшей деформации советской представительной формы

правления. Вся власть по Конституции принадлежала народу, который должен был осуществлять ее через Советы народных депутатов (ст. 2). Все другие государственные органы были подконтрольны и подотчетны Советам народных депутатов. Однако 6 статья перечеркивала эту декларацию, ибо «руководящей и направляющей» силой общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций объявлялась КПСС. Она должна была определять генеральную перспективу развития общества, руководить деятельностью советского народа. Следовательно, ни о какой самостоятельности и независимости представительных органов власти говорить не приходилось. И хотя Конституция СССР устанавливала, что высшим государственным органом является Верховный Совет СССР и только он правомочен решать все вопросы, отнесенные Конституцией к ведению Союза СССР (ст. 108), что законы СССР принимаются только Верховным Советом или референдумом, однако это мало приближало Верховный Совет к действительному парламенту. Этому способствовала и концепция единства органов народного представительства, согласно которой Советы народных депутатов всех уровней рассматривались как единая система органов государственной власти /ст. 89/. В результате этого Конституция жестко регламентировала организационно-правовые формы деятельности Советов всех уровней.

Конституция 1977 года по-прежнему исходила из того, что Советы народных депутатов непосредственно и через создаваемые ими органы руководят, осуществляют контроль за проведением решений в жизнь /ст. 93/. Но все эти статьи о полновластии представительных органов продолжали оставаться декларацией. По-прежнему законодательная власть подчинялась исполнительной, все звенья которой были наделены полномочиями издавать общеобязательные акты «в пределах своей компетенции». Следствием такой практики стало то, что советские представительные органы превратились в придаток бюрократических учреждений, потеряли реальную власть и авторитет. Однако остается фактом, что представительная функция Советов, а именно механизм прямой и обратной связи депутатов со своими избирателями, пусть в усеченной форме, но все-таки существовал. Практически не имеющие власти в самих Советах, некоторые депутаты были влиятельны в своих округах и могли реально решать возникающие на местах проблемы. Но в

целом Советы, оставаясь формально полновластными и единовластными органами власти, в действительности были декоративным элементом властной системы. Таким образом, советские Конституции декларировали принадлежность власти народу, который осуществлял ее через Советы, но ни в одной из них не был разработан механизм обеспечения народовластия. Это было следствием того, что реальная политическая власть в стране принадлежала партии, а точнее Генеральному секретарю КПСС, Политбюро и узкому слою высшей партийной и государственной элиты, насчитывавшей в целом по стране не более 3 тыс. человек [5, с. 10]. Трудящиеся оказались отчуждены от реального участия в управлении государством.

Возник диссонанс между провозглашенными принципами демократии и реальной политической практикой и, как следствие, искажена была сама природа нового общественного строя, его цели и принципы. Та идея Советов, согласно которой они рассматривались как гибкая система, способная к саморегулированию, система, приобщающая людей к демократии, — эта идея была извращена и выхолощена партийно-бюрократической верхушкой.

В обществе шло постепенное осознание политического тупика, в котором оказалась советская политическая система. Первые признаки этого появились во времена «хрущевской оттепели». Это были различные идейные течения, неформальные объединения, набирало силу общественное мнение. Все острее осознавалась необходимость обновления советской политической системы. Однако ее замкнутость, недемократичность, отсутствие связи между обществом и властью приводили к тому, что любое предложение обновления расценивалось как прямое покушение на социализм. В результате того, что открытая деятельность в этом направлении была невозможна, появилось широкое диссидентское движение, пытавшееся не только бороться с бюрократической системой, но и изменить отношение общества к существующему режиму. Некоторые историки не без основания утверждают, что возвращение нашей страны на парламентский путь имеет своим началом именно движение диссидентства. Наиболее яркими его представителями формулировались программные лозунги гласности, демократизации общественной жизни, реформ в экономике, многопартийности, парламент-

ской демократии. Постепенно они стали находить отклик в советском обществе и в умах некоторых лиц из высоких партийных и государственных кругов. Эти призывы фактически указывали на основные направления в реформировании существовавшей системы общества. Перед страной остро стояла задача политической модернизации, которая повлекла бы за собой изменения политической системы общества и в первую очередь представительных органов власти. Ибо именно законодательная власть, ее положение и функционирование являются важнейшим показателем уровня демократичности общества и государства.

Таким образом, наша страна проделала путь от попытки построения самого демократического государства в мире к жесткому авторитаризму в управлении жизнью общества. Индикатором этого процесса была деформация представительных органов власти. В середине 80-х годов перед страной встал выбор: либо вернуться к демократическим истокам и развивать демократию советского типа, либо повернуть на путь парламентаризма. Ни тот, ни другой путь не обещали быть легкими, однако этот выбор был определен временем и его необходимо было сделать.

Библиографический список

1. Бухарин, Н. И. Проблемы теории и практики социализма / Н. И. Бухарин. М.: Политиздат, 1989. 512 с.
2. Лазарев, Л. В. Конституционная реформа: первый этап / Л. В. Лазарев, А. Л. Слива. М.: Знание, 1989. 94 с.
3. Лукьянов, А. И. Развитие законодательства о советских представительных органах власти: (Некоторые вопросы истории, теории и практики) / А. И. Лукьянов. М.: Юридическая литература, 1978. 351 с.
4. Материалы XXII съезда КПСС. М.: Госполитиздат, 1962. 464 с.
5. Пихоя, Р. Г. СССР: история власти (1945–1991) / Р. Г. Пихоя. М.: Изд-во РАГС, 1998. 736 с.
6. Положение о выборах в Верховный Совет СССР. С приложением форм избирательных документов. М.: Партиздат ЦК ВКП(б), 1937. 48 с.
7. Соколов, А. К. Советы: от власти иллюзий к иллюзии власти / А. К. Соколов // Формирование командно-административной системы (20–30 гг.). Сб. М., 1992. С. 165–185.

СОЦИОЛОГИЯ

SOCIAL SCIENCE

УДК 35.076.5
ББК 60.82

КРЕАТИВНОСТЬ В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ (ПО ДОКУМЕНТАМ СТОЛЕТНЕЙ ИСТОРИИ ФИНАНСОВЫХ ОРГАНОВ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)²

Т. Б. Иванова

Аннотация. На основе анализа столетней истории финансовых органов Волгоградской области показано, что креативность должна быть составной частью компетенций государственного служащего. Без неё сокращаются возможности эффективного регионального управления - вплоть до его полной парализации в чрезвычайных социальных ситуациях. Обосновано, что дефицитность местных бюджетов является не естественной, а институциональной. При изменении движения финансовых потоков между уровнями бюджетов и/или привлечения в регион эффективной управленческой команды в большинстве случаев она может быть устранена.

Ключевые слова: креативность, региональное управление, финансовые органы, Волгоградская область, бюджетный процесс, дефицит муниципальных бюджетов.

CREATIVITY IN PUBLIC ADMINISTRATION (ON THE DOCUMENTS OF CENTURY HISTORY OF FINANCIAL AUTHORITIES OF THE VOLGOGRAD REGION)

T. B. Ivanova

Abstract. Based on the analysis of the centenary history of the financial authorities of the Volgograd region, it is shown that creativity should be an integral part of the competencies of a public servant. Without it, the possibilities of effective regional management are reduced, up to its complete paralysis in emergency social situations. It is proved that the deficit of local budgets is not natural, but institutional. If the movement of financial flows between the levels of budgets and / or the attraction of an effective management team to the region in most cases, it can be eliminated.

Key words: creativity, regional management, financial authorities, Volgograd region, budget process, deficit of municipal budgets.

В системе управления, как указывается в работе А. И. Бардакова и А. Н. Фомина [3], разделяется реализация двух видов работ: воли целостности общества и воли целостности некоего сообщества. То есть можно говорить об одновременном взаимодействии необходимости исполнения принятых нормативных актов как

механизма обеспечения целостности управляемой системы, так и креативности для нивелирования неурегулированных проблем. Как же реализуются эти противоположные начала в работе государственных служащих? Для ответа на этот вопрос проанализируем деятельность финансовых органов Волгоградской области,

² Работа выполнена при поддержке Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС в рамках исполнения научного проекта № 01-2018 ВИУ «Компетентностная модель государственного гражданского и муниципального служащего в условиях цифровизации общества (на примере Волгоградской области)»

столетний юбилей которых отмечался в 2018 году.

Начнем с традиционного и первостепенного – формирования и эффективного расходования доходов регионального бюджета. Какие примеры творческого отношения к этому аспекту бюджетного процесса показывает история?

Оказалось, что сбор налогов является одним из важнейших действий власти независимо от состояния общества (войны, революция, обычное течение жизни). Казалось бы, смена политического строя должна приводить к упразднению всех ранее существовавших налоговых обязательств. События 1918 года показали, что это неверно: Уездный Совет крестьянских и казачьих депутатов, а также комиссариат финансов Царицынского совдепа объявили о необходимости не только внести налоги текущего года, но и погасить недоимку предыдущих лет [11]. То есть власть изменилась, но от уплаты налогов это никого не освободило. Креативность проявилась в перенесении использования дореволюционных финансовых инструментов в новые условия хозяйствования.

В 1918 году появились новые формы потери бюджетных средств. Сохранились, несмотря на революционные действия, их перечисления российским регионам из центрального бюджета. Так, в 1918 году для поддержания лесопильных заводов центральными органами власти было выделено 15 млн рублей на приобретение леса. Специфичность их освоения стала проявляться в возможности осуществить и доставить на нужную территорию сделанные закупки. Специально посланные царицынские бригады закупили бревна в Казани, Перми, Вятке, но сплавить в Волгоградскую область не смогли. В Саратовской губернии плоты были национализированы, а бюджет потерял значительную денежную сумму. Пришлось обосновывать возможность списания бюджетных средств в связи с национализацией сделанных закупок, проведенной на других территориях.

В таких условиях неудивительно, что начинали использоваться нетривиальные методы пополнения бюджета. В начале 1918 года Царицынский исполком совдепа принял решение о тюремном заключении или наложении штрафов на лиц, появляющихся на улицах в нетрезвом виде. В соответствии с этим постановлением в марте такому штрафу в 25 тысяч

был подвергнут некто Смирнов [12, с. 94–95]. Величина выплаты по тем временам огромная. Для сравнения, председатель исполкома получал в месяц только 500 рублей. Сумма штрафа предназначалась для выдачи увеличенных пайков семьям мобилизованных в деревне и городе.

Для организации бюджетного процесса в условиях нехватки денежных знаков царицынско-волгоградские финансисты неоднократно эмитировали денежные знаки, выполняя тем самым функции Центрального банка. Так, в 1918 году были выпущены временные кредитные билеты Царицынского городского управления (боны) общим объемом на 11 млн рублей [8, с. 19]. Так как в этот период во главе Царицынской городской управой стоял С. К. Минин, то они получили название мининок. На несколько месяцев позже, чем в Царицыне, свои боны стал выпускать и Астраханский Совет народных депутатов. Между советами было достигнуто соглашение о взаимном обмене новых средств платежа. Это позволило преодолеть денежный голод. Уже в мае 1918 года газета «Борьба» писала: «... объявить всему населению г. Царицына и его уезда, что с девятого мая с.г. нового стиля Царицынское Отделение Народного (Государственного) Банка приступает к беспрепятственному обмену временных Царицынских Бонн на общие денежные знаки, имеющие хождение по всей Российской Советской Федеративной Республике» [9].

Вновь к практике выпуска собственных, правда, уже квазиденег, пришлось вернуться в 1994–1997 годы. По решению Администрации Волгоградской области были выпущены волгоградские областные векселя на сумму 616 млн деноминированных рублей, организовано их обращение. Это было чрезвычайно сложно, так как с векселями работала масса предприятий и поэтому в коридорах финансового управления постоянно собиравлись очереди их держателей. Когда в 1997 году выпуск векселей субъектами федерации был запрещен, стали использоваться векселя коммерческого Волго-Донского инвестиционного банка. Как и в далеком 1918 году, это позволило решать вопросы экономического и социального развития в условиях нехватки денежных знаков.

В последующие годы работники финансовых органов продолжали применять для пополнения бюджета и выявления недоимок новые креативные инструменты. Например, к ним

относилась методика сбора налогов, примененная уже после Второй мировой войны начальником отдела государственных доходов, участником Великой Отечественной войны Н. А. Бакумовым. Выезжая на ревизию в райфо, он вместе с местными работниками, по их воспоминаниям, «залегал в канаву возле дома, в котором был сепаратор», считал сколько человек прошло в дом с молоком, определял доход и исчислял налог. С помощью опросов выяснял кто ремонтировал дома, заборы, сколько взял за это денег. Полученные суммы налогов направлялись в казну [12, с.195].

Поистине, мужеством надо было обладать финансистам при проведении ревизий в районах области. Людмила Григорьевна Лунева, заместитель заведующего облфо с 1978 по 1991 год, вспоминала [12, с. 212–213], как дважды, чтобы попасть на ревизию в Среднюю Ахтубу, переходила Волгу по навесному мосту в районе строительства Волжской ГЭС, в первую командировку – в Светлый Яр – шла 18 км пешком, а зимой, в холод, гололед добиралась в Перелазовский район на открытой попутной машине, на колеса которой были намотаны цепи для лучшей проходимости.

Неоднократно финансовые органы области осуществляли эмиссию ценных бумаг. В 1918 году были выпущены облигации Займа Свободы [10]. Это была собственная инициатива царичинских финансистов. Эти облигации оставались в обращении до ноября 1921 года и использовались не только как средство платежа, но и в качестве разменной монеты. В последующие годы заимствования осуществлялись в соответствии с общегосударственным планом. Но уже в 1995 году вновь была проявлена инициатива по размещению Волгоградских ценных бумаг – областных облигаций. В отличие от государственных, они имели номинал, позволяющий приобретать их не только юридическим, но и физическим лицам, что расширяло круг потенциальных инвесторов. За прошедший более чем 23-летний период с момента первого выпуска Волгоградских долговых обязательств в области накоплен опыт их биржевого и внебиржевого размещения, документарной и бездокументарной эмиссии, апробированы различные условия выпуска (например, погашение в конце срока, с амортизируемым долгом) и т.д. Всего было размещено 35 выпусков рассматриваемых ценных бумаг общим объемом 41,04 млрд руб., в том числе 20

внутрирегиональных займов более чем на 2,2 млрд рублей [5, с. 112].

Дух инновационности был внутренне присущ работникам финансовых органов. Так, в ноябре 1945 года приказом по областному финансовому отделу была организована комиссия облфо под руководством его заведующего Николая Александровича Мельникова, которая, как принято говорить в современной терминологии, занималась аккумуляцией и внедрением инноваций. Комиссия просуществовала вплоть до 90-х годов XX века. Рационализаторские предложения финансистов рассматривались в районных, городских органах и при одобрении передавались в облфо. Если предложение и там одобрялось, то его пересылали в комиссию по рационализаторской работе при министерстве финансов РСФСР. Часть предложений были приняты для реализации по всей стране. Одним из таких направлений стала работа по централизации бухгалтерского учета в бюджетных учреждениях, которая проводилась в 70–80-е годы. Как известно, возвращение к такому подходу было осуществлено и несколько лет назад.

Одной из существенных проблем формирования и исполнения бюджета для Волгоградской области, как и других регионов, является изъятие значительной части доходов территории в федеральный бюджет. В ней ярко отражается соотношение между централизацией и децентрализацией всей общественной жизни. Эта проблема существует на протяжении практически всего столетия. Так, в 1923 году заведующий Ленинским УФО Т. И. Попов докладывал губисполкому, губернской бюджетной комиссии и губфо о плачевном состоянии местного бюджета. Предполагалось, что поступления доходов будут обеспечивать не более 1/15 всех предстоящих расходов, что было меньше даже необходимой для содержания аппарата заработной платы. В 1934 году Президиум крайисполкома своим постановлением обязал Калмыцкий облисполком, Сталинградский и Астраханский горсоветы, а также все райисполкомы обеспечить самостоятельность сельских бюджетов, имея в виду их громадное политическое значение.

В 1960 году бюджеты всех районов и городов были сведены без дотации из областного бюджета [12, с. 338–340]. Это было связано с тем, что в 50 – начале 60-х годов отчисления от налога с оборота производились в бюджет того

района, на территории которого реализовывались ликероводочные изделия. С середины 60-х годов такой порядок был отменен. Налог с оборота по ликероводочным изделиям стал зачислялся в государственный бюджет по месту производства, а не реализации ликероводочных изделий. Такие изменения в формировании районных бюджетов привели к их дефициту, который покрывался за счет дотаций из областного бюджета. Размер выделяемых сумм определялся исходя из смет, утвержденных областными Советом трудящихся, порождая иждивенчество. Стало выгоднее заниматься не увеличением налоговой базы, а обоснованием в момент распределения средств права на большую величину помощи.

По инициативе заместителя заведующего облфо того периода Александра Емельяновича Сорокина в 1968 году бюджетный отдел стал работать над вопросом о ликвидации дефицита бюджетов районов и городов. Было предложено передавать им часть отчислений от налога с оборота, поступающих в областной бюджет. Для снижения «иждивенчества» размер отчислений был поставлен в зависимость от выполнения плана розничного товарооборота организациями потребительской кооперации. По истечении квартала районы, перевыполнившие план, получали дополнительные суммы, не выполнившие – меньше запланированной. Повысилась заинтересованность местных Советов в выполнении плана розничного товарооборота. Таким образом, даже при изменении зачисления налога с оборота (по месту нахождения головного предприятия) был найден новый механизм обеспечения бездефицитности бюджетов. Из областного бюджета отчисления налога передавались в фиксированных размерах к розничному товарообороту. Вплоть до 1990 года дефицит бюджетов районов и городов, а следовательно, и дотации из областного бюджета в Волгоградской области были ликвидированы. К сожалению, с 1990 года отчисления бюджетам районов и городов налога с оборота были прекращены. Вновь появились дотации. Затем были введены субвенции и трансферты как в далекие 20-е годы [12, с. 340–342].

В настоящее время местные бюджеты являются преимущественно дефицитными, так как сейчас финансовая система похожа на перевернутую пирамиду. Внизу – доля доходов, приходящаяся на местные бюджеты, в середине

– субфедеральные, а большая их часть аккумулируется в федеральном центре. Между уровнями финансовой системы идет существенное перераспределение собранных средств, но механизма, который одновременно нацеливал бы каждую территорию на развитие собственного производства, пока так и не найдено, хотя эти вопросы становятся всё более злободневными. Так, совсем недавно, 12 апреля 2018 года, в Москве прошло совместное заседание Палаты муниципальных районов Общероссийского Конгресса муниципальных образований и Ассоциации малых и средних городов России [2]. Была обоснована необходимость выстраивания новой системы взаимоотношений между государством и муниципалитетами. Она должна создать возможности для активного и самостоятельного участия муниципалитетов в социально-экономическом развитии страны. Общий посыл принятых решений отражается в широко известном высказывании: «Нам не надо рыбы, дайте нам удочку».

Вновь идет поиск возможностей преодоления дефицитности бюджетов органов местного самоуправления, в который активно включились и волгоградские финансисты. В среднем можно говорить, что 50 % собираемых на территории доходов необходимо оставлять в местных бюджетах, 30 % – у субъектов федерации, то есть на втором уровне управления, и только 10 % аккумулировать в самой федерации. Это позволит создать устойчивую основу территориального развития, построенную на принципах восприимчивости к нуждам пользователей, компетентности, то есть обеспечения наилучшего соотношения между ценой и качеством государственных и муниципальных услуг, а также подотчетности широким слоям населения.

Анализ исторического опыта показывает, что не существует естественной дефицитности региональных бюджетов. Она связана с институциональными правилами формирования межбюджетных отношений и с эффективностью работы региональной управленческой команды. Если первое положение наглядно обосновывается развитием Сталинградской – Волгоградской области в XX веке, то последнее подтверждается двумя десятилетиями XXI века. Бюджет области за 2013 год командой действующего губернатора А. И. Бочарова был назван «бюджетом упущенных возможностей».

Он после долгих дебатов принимался с чрезмерно оптимистическим прогнозом, что привело к недополучению около 10 млрд руб., росту государственного долга, снижению бюджетных доходов на душу населения [4]. А. И. Бочаров на встрече с активом области 2018 года (проходила в Детском юношеском центре – ДЮЦ 4 декабря 2018 года) вспоминал, что в этот период совместно с А. В. Дорждеевым они вынуждены были определять, куда потратить буквально 10 тыс. руб. – настолько регион был стеснен в средствах, что даже перераспределение таких сумм было чрезвычайно болезненно. Была поставлена и решена задача: доходы максимально увеличить, а расходы – оптимизировать.

Прошло 6 лет. По сравнению с 2018 годом доходы выросли более чем на 45 %. Удвоилась финансовая поддержка области со стороны федерального центра. Была проведена беспрецедентная работа по оптимизации бюджетных расходов. Общий эффект от неё с 2014 года превысил 29 млрд руб. [6]. Ожидается, что бюджет 2019 года будет выполнен с профицитом в 300 млн руб. К 2021 году будет осуществлено благоустройство всех муниципалитетов. Объем государственного долга снизится с нынешних 88,9 % доходов казны до 79,8 % [1].

Таким образом, при одних и тех же естественных производительных силах за счет эффективности регионального воздействия могут быть получены различные уровни качества жизни, наполняемости бюджета, реализации социально-экономических программ. Причем это происходит практически в неизменных условиях внешнего окружения за счет увеличения креативности при выполнении функций государственного управления.

Проведенный анализ исторического опыта наглядно показывает, что креативность – одна из основополагающих компетенций государственного служащего. Она является незаменимым ресурсом в периоды нестабильности социально-экономического развития, неурегулированности «правил игры» со стороны федерального центра, что видно из опыта работы в 20-е и 90-е годы. В такие периоды это качество работников позволяет, принимая нетривиальные решения, обеспечивать саму возможность территориальной целостности государства, ведения хозяйственных операций, создания самих условий жизни для населения. В более стабиль-

ные времена (50–70-е годы XX века) разрешение проявить креативность и самостоятельно принимать управленческие решения тоже позволяет решать злободневные задачи, стоящие перед обществом, как это видно на примере разработки мер по сокращению дефицита местных бюджетов в 60-е годы. Причем изменения, произошедшие в социально-экономической ситуации Волгоградской области, показывают необходимость всё в большей степени формирования именно управленческих команд [7], позволяющих экспертно оценивать отдельные креативные инициативы и создавать возможности их внедрения.

Возвращаясь к сформулированному в начале статьи вопросу о соотношении воли целостности общества и воли целостности некоего сообщества в работе государственных служащих, можно обоснованно утверждать, что их креативность (её наличие, развитие, допустимость при принятии управленческих решений) – необходимое качество командной работы, позволяющее в любых условиях находить решения, способствующие дальнейшему развитию общества.

Библиографический список

1. Абрамов, А. Александр Дорждеев: «Бюджет 2019 года будет с профицитом в 300 млн.руб.» / А. Абрамов [Электронный ресурс] // Код доступа: <https://volga-kaspiy.ru/economics/aleksandr-dorzhdееv-byudzhет-2019-goda-budet-s-profitsitom-v-300-mln-rublej.html> (дата обращения 4.12.2018).
2. Ассоциации малых и средних городов России Совместное заседание Правления Ассоциации малых и средних городов России и Палаты муниципальных районов Общероссийского Конгресса муниципальных образований [Электронный ресурс] // Код доступа: www.amsgr.ru/news/show/sovместnoe-zasedanie-pravleniya-associacii-alyh-i-srednih-gorodov-rossii-i-palaty-municipalnyh-rayonov-obshcherossiyskogo-kongressa-municipalnyh-obrazovaniy-3 (дата обращения 4.12.2018).
3. Бардаков, А. И., Фомин, А. Н. Виды организации жизни людей современного общества / А. И. Бардаков, А. Н. Фомин // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: политология и социология. 2015. № 4. С. 4–11.

4. Дорждеев, А. В. Бюджет 2013 – бюджет упущенных возможностей [Электронный ресурс] // Код доступа: volga34.ru/news/social/228777/ (дата обращения 4.12.2018).

5. Дорога длиною в век: монография / А. В. Дорждеев (отв. ред), И. О. Тюменцев (ред.), Т. Б. Иванова (секр.) – Волгоград: Издательство Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС, 2018. 612 с.

6. Ермакова, Ю., Зубкова, Т. Андрей Бочаров: команде Волгоградской области за пять лет предстоит реализовать более тысячи проектов на сумму порядка 200 миллиардов рублей [Электронный ресурс] // Код доступа: www.volgograd.ru/gubernator/tekush/211825/ (дата обращения 4.12.2018).

7. Ленская, И. Ю. Значение командного менеджмента в процессе повышения уровня лояльности персонала / И. Ю. Ленская // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС.

Серия: политология и социология. 2016. № 2. С. 62–66.

8. Наша история: финансовым органам Волгоградской области 100 лет [Текст]: [авт.кол.: С. И. Веденнев, А. В. Дорждеев, И. Е. Кулькин, С. В. Подобрыв; под общ. ред. А. В. Дорждеева]. Волгоград: Издательство «Волга-Пресс», 2018. 288 с.

9. Объявление // Борьба (Царицын). 1918. 12 мая (109).

10. От комиссара финансов // Борьба (Царицын). 1918. 5 апреля (83).

11. Приказ Уездного Совета крестьянских и казачьих депутатов. Распоряжение комиссариата финансов Царицынского совета народных депутатов // Борьба (Царицын). 1918. 1 июня (№ 131).

12. Финансовые органы Волгоградской области: история и современность: Научное издание. Волгоград: Издатель, 2005. 552 с.

УДК 331.101.3

ББК 65.050

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ МОТИВАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

Н. С. Субочев, Е. Ю. Алексеева

Аннотация. В статье раскрывается понятие мотивационного управления персоналом и его значение для эффективной деятельности организации. Содержание мотивационного управления составляют процессы мотивирования и стимулирования трудовой деятельности, оптимальное сочетание которых повышает её результативность. Подчеркивается важная роль социально-культурных факторов в мотивационном управлении, которые формируются в определенной социальной среде и зависят от поколенческих параметров персонала. Формулируются основные принципы и методы мотивационного управления и обращается внимание на ключевую роль менеджмента организации в его успешной реализации.

Ключевые слова: трудовая мотивация, мотивационное управление, мотивирование, стимулирование, соционика, социальная культура, корпоративная культура, демотивация персонала.

SOCIO-CULTURAL ASPECTS OF THE NOTIVATION MANAGEMENT

N. S. Subochev, E. Yu. Alekseeva

Abstract. The authors consider the concept of the motivation management and highlight its important role in increasing efficiency of the company. The motivation management includes measures to encourage employees to work better. The combination of various intensives can increase the impact of the labor activity. The authors highlight the importance of socio-cultural factors emerging in certain social context and depending on the generation aspects of the staff. The main principles and methods of the motivation management have been developed. The research findings indicate the key role of the organizational development in its successful implementation.

Key words: motivation, motivation management, stimulation of work, social culture, socionics, corporate culture, demotivation

Трудовая мотивация персонала является одной из важнейших задач, стоящих перед руководителями и HR-менеджерами. Ее успешное

решение можно рассматривать как ключевой фактор эффективности управления в целом. Именно этим объясняется то обстоятельство,

что проблемы мотивации трудовой деятельности персонала коммерческих предприятий исследуются и обсуждаются в работах многих российских и зарубежных специалистов. Мотивация как функция управления персоналом организации рассматривается в работах М. Армстронга, В. Р. Веснина, О. С. Виханского, П. Дресслера, А. П. Егоршина, А. Я. Кибанова, Г. Минцберга, А. И. Наумова, С. Уиддета, С. А. Шапиро и других ученых. В результате к настоящему времени в системе управления персоналом организации оформился относительно самостоятельный компонент – мотивационное управление, которое можно определить как целесообразное управленческое воздействие на мотивационную сферу персонала в целях активизации, реализации и повышения трудового потенциала работников.

Теоретические основы мотивационного управления представлены в работах А. Л. Гапоненко, Ф. Герцберга, А. Маслоу, Ш. Ричи, М. В. Савельевой, Т. О. Соломанидиной и других ученых. В частности, А. Л. Гапоненко отмечает: «С точки зрения мотивационного управления результативность труда обусловлена тремя главными и взаимосвязанными факторами – готовностью, возможностями работника и условиями для результативной деятельности. Готовность к труду определяется тем, насколько конкретный сотрудник склонен выполнять данную работу. Она основывается на мотивационных составляющих личности работника: уровне потребностей и интересов; целевых установок; ценностных ориентаций; желания; удовлетворенности работой; ожиданий вознаграждения в зависимости от результативности и т.п.» [1, с. 118].

Содержание мотивационного управления персоналом составляют два взаимосвязанных процесса: мотивирование и стимулирование. Мотивирование представляет собой актуализацию потребностей и мобилизацию способностей человека к самореализации, самоутверждению и достижению личностно значимых результатов в трудовой деятельности. В качестве иллюстрации можно привести результаты исследований в области соционики. Специалисты выделяют несколько соционических типов личности (соционических квадр) в зависимости от доминирующей мотивации. В каждой соционической квадре есть ведущие мотиваторы, кото-

рые формируют предрасположенность человека к тем или иным видам деятельности и воздействуют на трудовое поведение в течение всей профессиональной карьеры независимо от других факторов. Так, для сенсорных логиков, яркими представителями которых считаются Жуков, Габен, Штирлиц, – это потребности в личном результате, успешной деловой карьере, власти и влиятельности. Для сенсорных этиков (Гюго, Дюма, Драйзер) важнейшими мотиваторами являются конкретная помощь и взаимоотношения в коллективе. Для интуитивных логиков (Дон-Кихот, Бальзак, Робеспьер) – это интересная работа и креативное разнообразие, а для интуитивных этиков (Гексли, Есенин, Достоевский) – социальные контакты, общение и общественное признание. По мнению О. В. Иванова, распределение работ с учетом указанных доминирующих мотивационных установок позволяет правильно планировать карьеру сотрудника, организовать ротацию на предприятии, повысить эффективность инвестиций в развитие персонала и т.п. [2, с. 45].

В отличие от мотивирования стимулирование представляет собой внешнее воздействие на трудовое поведение персонала и включает различные методы поощрения и наказания в зависимости от оценки трудового поведения персонала и целей организации. В целом процессы и результаты трудовой деятельности персонала находятся в зависимости от согласованности взаимодействия мотивов и стимулов в процессе мотивационного управления.

Формирование оптимального сочетания процессов мотивирования и стимулирования персонала является ключевым фактором успешного функционирования и развития организационных систем и целью мотивационного управления. Выбор конкретных методов мотивационного управления зависит от установленных принципов кадровой политики, стиля руководства и корпоративной культуры предприятия. Правильно выбранные методы мотивационного управления повышают производительность труда, качество продукции, профессиональную квалификацию работников и обеспечивают конкурентоспособность предприятия. При этом открываются возможности сверхнормативной трудовой, в том числе творческой активности работников, значимость которой возрастает в условиях обострения конкурентной борьбы и в форс-мажорных ситуациях.

Формирование позитивной трудовой мотивации как исходный пункт мотивационного управления представляет собой сложный процесс, поскольку здесь необходимо учитывать не только требования внешней среды, но и особенности личности работников. Причем, персонал выступает и как субъект, и как объект мотивационного управления. Активная роль личности проявляется, прежде всего, через личностные установки, которые являются аккумуляцией социального опыта индивида. Именно они определяют избирательность восприятия работником тех или иных внешних по отношению к нему факторов, формируя поведенческую матрицу. Трудовая мотивация формируется еще до начала профессиональной деятельности, в процессе социализации индивидуума. Сама же социализация как процесс усвоения социальных ценностей, норм и правил поведения, формирования специфических ценностных ориентаций и установок в труде, происходит под непосредственным воздействием социокультурной среды. Социальная культура в данной статье трактуется в широком смысле как регулятор поведения людей в социуме, в том числе в экономической сфере. Таким образом, механизм формирования трудовой мотивации во многом детерминирован социокультурной средой. Человек приходит на предприятие с более или менее сформированной трудовой мотивацией, детерминированной его личным опытом и традициями экономического поведения, что следует учитывать при разработке мотивационных программ. Однако на рубеже веков на многих отечественных предприятиях наблюдались попытки игнорирования специфики российской социальной и экономической культуры как регуляторов взаимодействия персонала, социальных групп в трудовой деятельности, что явилось следствием преобладания в этот период прозападных настроений среди представителей политической и экономической элиты, а также хозяйствующих субъектов. Это выразилось в попытках внедрить зарекомендовавшие себя в североамериканских и западноевропейских компаниях системы и методы мотивационного управления. Впрочем, следует отметить, что многие заимствования способствовали повышению культуры труда и управления на российских предприятиях. Однако некритическое восприятие и внедрение зарубежных моделей без учета особенностей российской культуры и со-

циально-экономической ситуации не дало ожидаемых результатов. По мнению одного из немецких менеджеров, работавших в нашей стране, россияне отличаются от людей, сформировавшихся в условиях западной культуры, тем, что «неоднозначно реагируют на однозначные стимулы. Рационально спланированные стимулы вызывают нерациональную мотивацию, то есть непредсказуемое поведение» [6, с. 12]. В этом оценочном суждении нашли отражение реальные различия в деловой культуре иностранного и российского персонала.

Справедливости ради надо отметить, что на многих отечественных предприятиях поиск и разработка методов эффективной мотивации остается серьезной проблемой, и её неудовлетворительное решение порождает такое явление, как демотивация персонала. К числу основных факторов трудовой демотивации следует отнести низкий уровень организации менеджмента. Недостаточная квалификация менеджеров предопределяет неэффективность, а порой и ошибочность принимаемых решений. В таких случаях у работников снижается уровень удовлетворенности важной потребности в целеобразной и полезной деятельности. Профессионалы высокого класса либо терпеливо переживают подобные неурядицы до лучших времен, либо увольняются. Как следствие, слабые управленцы предпочитают делать ставку на исполнительных и безропотных работников и для поддержания своего статуса создают либо информационный вакуум, либо распространяют искаженные представления о жизнедеятельности предприятия, целях и задачах, стоящих перед ним. Отсутствие достоверной информации замещается слухами, домыслами и в конечном счете порождает недоверие руководству и приводит к снижению лояльности персонала. Неуверенность персонала в устойчивости своего положения побуждает вести поиск «запасных аэродромов», что повышает текучесть кадров.

Другим фактором демотивации персонала является ослабление связи между трудовым вкладом и его вознаграждением вследствие применения неадекватных методов мотивационного управления, а также необоснованных существенных различий в оплате аналогичного труда в разных производственных отраслях. С низким уровнем мотивационного менеджмента связано и еще одно распространен-

ное в деловых организациях явление – отсутствие установленных и понятных критериев премирования, предоставления льгот и других преференций. Произвол руководителей в этой чувствительной сфере способствует распространению клиентарных отношений личной преданности персонала своему начальству в расчете на благосклонное отношение и покровительство, не связанные с достижениями в труде и участием в общественной жизни предприятия.

В настоящее время на многих российских предприятиях практикуются штрафные санкции за различные дисциплинарные и технологические нарушения, такие как опоздания на работу, низкое качество выпускаемой продукции. Следует, однако, заметить, что они оказывают двоякое воздействие на трудовое поведение персонала. С одной стороны, повышают уровень трудовой и технологической дисциплины, а с другой – принуждают работников уклоняться от проявления инициативы, принятия самостоятельных решений, изыскивать различные способы ухода от ответственности из-за угрозы наказания. В итоге основанное на страхе мотивационное управление блокирует инициативу, стремление к творчеству и самореализации и приводит к снижению качества человеческих ресурсов, что препятствует развитию предприятий и экономики в целом, и в конечном счете не позволит обеспечить заявленный президентом В. В. Путиным экономический прорыв. Отметим также, что в экономически развитых странах и на передовых отечественных предприятиях во избежание указанных негативных последствий наказательное стимулирование используется редко.

В условиях экономического кризиса, спада производства товаров и услуг менеджменту приходится идти на сокращение персонала. Впрочем, среди российских работодателей все реже встречаются те, кто ничтоже сумняшеся расстаются со ставшими излишними работниками. При сезонных перепадах объемов производства многие собственники и менеджеры предпочитают более гибкие методы высвобождения персонала, к которым относятся сокращение рабочего времени (рабочей недели, рабочего дня), направление высвободившегося персонала на курсы повышения квалификации, на переподготовку. Если такие воз-

можности ограничены, практикуются компенсации добровольного увольнения работников, так называемый аутплейсмент.

Вместе с тем незаслуженно редко в нашей стране используется такой метод, как дробление рабочего места, который заключается в том, что работникам, которые посменно обслуживали рабочее место в период полной загруженности, предлагается по договоренности выйти на работу в первую, либо во вторую половину дня. Другим вариантом является деление таким способом рабочей недели. Разумеется, здесь работники оказываются перед выбором: либо увольнение, либо потеря в заработке. Но для многих, в первую очередь для семейных женщин, тот или иной вариант дробления рабочих мест оказывается предпочтительным. Он обеспечивает поддержание профессиональной квалификации, продление трудового стажа, сохранение деловых и межличностных отношений с коллегами и руководством предприятия. Конечно, реализация метода дробления рабочих мест требует от менеджеров дополнительных усилий, однако выгоды в конечном счете превысят издержки. Во-первых, занятые частично в этот период работники составляют кадровый резерв, готовый без дополнительных затрат перейти на полную занятость. Во-вторых, снижается вероятность протестных выступлений трудящихся. И, в-третьих, предприятие сохраняет репутацию добросовестного работодателя.

В связи с изменением пенсионного законодательства особую остроту при найме приобрела проблема дискриминации работников по возрасту. В некоторых средствах массовой информации нередко публикуются советы, как отказать в работе возрастным кандидатам и нанять более молодой, подходящий, по мнению работодателей, персонал. Однако сторонникам, казалось бы, очевидных решений, следует иметь в виду проблемы, которые часто возникают в однородных по возрасту и полу трудовых организациях. Как показывает практика, разновозрастные коллективы в большинстве случаев оказываются более устойчивыми и работоспособными вследствие сочетания в них трудового и жизненного опыта старших коллег с энергией и современным образованием молодых сотрудников. Важно, что в таких организациях осуществляется обогащение коллективного трудового опыта и компенсация естественных возрастных и поколенческих особенностей людей, что особенно актуально при внедрении,

освоении и применении новых, в том числе информационных технологий.

Как уже отмечалось, эффективность мотивационного управления во многом зависит от социокультурных особенностей российского персонала. Учитывая большое значение в структуре мотивации отечественных работников таких факторов, как стабильность рабочего места, приверженность своему коллективу, менеджерам российских предприятий легче, чем их зарубежным коллегам, обеспечить стабильность кадрового состава и снизить риски вложений в персонал. В западных компаниях, основанных преимущественно на индивидуалистических регуляторах трудового поведения сотрудников, приходится применять довольно изощренные и более затратные способы удержания сотрудников.

При существующем сравнительно низком уровне оплаты труда российских трудящихся возрастает роль неэкономических мотивов и стимулов в управлении персоналом, а именно, возможностей удовлетворения потребностей в общении и уважении, в развитии и самореализации, в признании заслуг и справедливости, участия в управлении. Использование этих факторов открывает возможности построения весьма эффективной подсистемы нематериальных факторов мотивационного управления.

Приверженность многих отечественных работников к коллективным формам организации труда также является положительным моментом, поскольку современное производство в основном базируется на тесной функциональной взаимосвязи и взаимозависимости сотрудников. И если одной из проблем западного менеджмента является привитие персоналу коллективистского мышления, то перед российскими руководителями эта проблема не столь актуальна.

Разумеется, система мотивационного управления должна функционировать и развиваться с учетом целей предприятия, отраслевой специфики, социально-демографических и квалификационных характеристик персонала, а также характерных особенностей этого вида управленческой деятельности, которые обеспечивают его эффективность и заслуживают специального рассмотрения.

1. Мотивационное управление персоналом представляет собой постоянный процесс воздействия на сознание работников с целью

формирования и поддержания у них устойчивой трудовой активности. Эффективная система мотивационного управления строится поэтапно, на основе знания организации производства предприятия, особенностей персонала и представлений об оптимальных способах достижения приоритетных целей организации и реализации актуальных потребностей персонала. Здесь открываются благоприятные возможности для применения процессного подхода к управлению персоналом [3, с. 186–192].

2. Мотивационное управление должно быть направлено на сближение и согласование интересов персонала и целей предприятия, на повышение человеческого потенциала и наиболее полное его использование. Эта задача носит стратегический характер, и ее решение возможно при сохранении приемлемого уровня стабильности кадров, что в свою очередь требует включения в систему мотивации мероприятий, препятствующих чрезмерной текучести кадров.

3. Мотивирование и стимулирование персонала должны строиться с учетом базовой для россиян потребности в справедливости, т.е. на зафиксированном документально, обоснованном и понятном для персонала соотношении между трудовым вкладом и вознаграждением, проступком и наказанием.

4. Мотивационное управление необходимо ориентировать на удовлетворение максимального спектра актуальных потребностей персонала и обеспечение оптимального сочетания методов материального и морального стимулирования.

5. Мотивационное управление должно носить стратегический характер и обеспечивать баланс краткосрочных по воздействию и разнообразных по содержанию стимулов и долгосрочных, стабильных мотивов. Такой подход объясняется сравнительно быстрым привыканием персонала к методам стимулирования, которые со временем перестают быть активаторами трудовой деятельности и нуждаются в обновлении. Что же касается мотивирования, то оно оказывает долгосрочное воздействие на персонал, поскольку привлекательность содержания труда, понимание значимости своего участия в совместной деятельности, идентификация себя с трудовым коллективом и предприятием в целом образуют ядро мотивационной сферы трудящихся. Здесь важную роль играют

разработка и проведение активной и продуманной социальной политики предприятия, которая позволяет поддерживать привлекательный имидж компании на внешнем и внутреннем рынках труда [4, с. 53–56].

6. В системе трудовой мотивации важно сочетать мероприятия, направленные на повышение результативности групповой деятельности, с мерами поощрения индивидуальных достижений работников. Такой подход положительно воспринимается не только молодыми, но и опытными специалистами.

7. Мотивационное управление должно охватывать все уровни организации предприятия и включать рядовых сотрудников, руководителей подразделений и топ-менеджмент. Службы управления персоналом играют в этом деле роль разработчика и координатора взаимодействия всех звеньев процесса управления персоналом. На них возлагается также обучение всех руководителей предприятия теории и методам мотивационного управления, разъяснение особенностей мотивационных программ и методов их реализации.

Еще раз подчеркнем, что создание и обновление эффективной системы трудовой мотивации – процесс сложный по содержанию и непрерывный по времени, поскольку объектом управления являются различные социальные и профессиональные группы, имеющие индивидуальные особенности. К тому же необходимо учитывать динамику рынка труда, консерватизм определенных категорий российских работников. Поэтому эффективное мотивационное управление должно базироваться на прогрессивной корпоративной культуре предприятия, которая опирается на ценные нормы и правила сложившейся культуры и включает образцы и стандарты трудового поведения руководителей и подчиненных, адекватные новым условиям [5, с. 106–107].

В пользу важности корпоративной культуры для мотивационного управления говорит и то обстоятельство, что в структуре потребностей отечественных работников важное место занимают потребности, лежащие вне зоны прямого воздействия экономических стимулов: потребности в стабильности, в благоприятном мо-

рально-психологическом климате, в информации, в уважении и признании, в целесообразности своего труда, в объективности оценки индивидуальных достижений работников. Поскольку организационная структура российских предприятий предписывает ведущую роль руководителей в мотивационном управлении, то о создании сильной корпоративной культуры можно говорить лишь в том случае, когда топ-менеджмент предприятия, руководители структурных подразделений не только разъясняют целесообразность социокультурных нововведений, но и личным примером демонстрируют следование обновленным нормам и правилам организационного поведения.

Библиографический список

1. Гапоненко, А. Л. Теория управления: учебник и практикум для академического бакалавриата. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Издательство Юрайт, 2017. 336 с.
2. Иванов, О. В. Соционика и мотивация труда // Управление персоналом. 2005. № 18.
3. Проблемы и перспективы совершенствования регионального управления: проекты, платформы, процессы: монография / А. А. Огарков, Т. Б. Иванова и др.; Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС. – Волгоград: Изд-во Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, 2018. – 1 электрон. опт. диск (CD-ROM). – Систем. требования: IBM PC с процессором 486; ОЗУ 64 Мб; CD-ROM дисковод; Adobe Reader 6.0. – Загл. с экрана.
4. Субочев, Н. С., Ефимова Д. А. Социальная ответственность как компонент корпоративной культуры // Научный вестник Волгоградского филиала Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. Серия: политология и социология. 2016. № 2.
5. Субочев, Н. С., Чумак Н. А. Специфика формирования российской управленческой культуры // Социально-гуманитарные знания. 2016. № 6.
6. Шаповалов, Д. В поисках «золотого ключика» или особенности национальной мотивации // Управление компанией. 2006. № 1.

УДК 340.114.5
ББК 67.021

ПРАВОВЫЕ ЦЕННОСТИ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

Г. С. Працко, Е. Ю. Сапожникова, А. Б. Шумилина

Аннотация. В статье подчеркивается, что истинные ценности права как особого общественного феномена находят свое практическое проявление лишь в условиях становления и функционирования гражданского общества и правового государства. Обосновывается идея, что гражданское общество ограничивает проникновение структур государства в общественную и частную жизнь, а правовое государство посредством права формирует основу для реализации прав и свобод личности, опосредующих ее достойное существование.

Ключевые слова: право, естественное право, позитивное право, система права, ценности права, правовые законы, гражданское общество, правовое государство, права и свободы личности.

LEGAL VALUES AND FUNCTIONING OF CIVIL SOCIETY

G. S. Pratsko, E. Yu. Sapozhnikova, A. B. Shumilina

Abstract. The article emphasizes that the true values of law as a special social phenomenon find their practical manifestation only in the conditions of the formation and functioning of civil society and the rule of law. The author substantiates the idea that civil society restricts the penetration of state structures into public and private life, and the right state forms the basis by means of law for the realization of individual rights and freedoms that mediate its worthy existence.

Key words: law, natural law, positive law, system of law, values of law, legal laws, civil society, rule of law, rights and freedoms of the individual.

По мере внедрения демократических ценностей в ведущие сферы жизнедеятельности людей все более практическое значение приобретают перспективы и реальная возможность становления и функционирования гражданского общества. Приоритетом гражданского общества становится практическое признание каждой личности, ее прав и свобод в качестве высшей социальной ценности. Именно поворот общества к жизненно важным интересам и потребностям человека инициирует коренные преобразования сущностных сторон общественной и частной жизни.

Достигнутые в процессе формирования гражданского общества экономические, политические, культурно-образовательные, юридические и иные успехи дают личности реальную возможность активно участвовать в интересующих ее сферах социальной и правовой действительности. Только в условиях действительного гражданского общества каждый его член может обнаруживать и использовать в своих целях те благоприятные и многогранные жизненные условия, которые практически ведут к поиску и

удовлетворению личностных намерений, интересов, потребностей, приоритетное место среди которых занимают соответствующие права и свободы.

Назначение и сущность гражданского общества в решающей мере проявляются в инициативных и творческих акциях граждан и их объединений, которые обуславливают достижение каждой заинтересованной личностью определенных жизненных целей, укрепления своего социального и правового статуса. Участие широких слоев населения в жизнедеятельности гражданского общества в значительной степени усиливается и должным образом гарантируется реально складывающимся процессом становления и функционирования основ правовой государственности, структуры которой призваны активно взаимодействовать с соответствующими институтами гражданского общества.

Интеграция потенциала правового государства и институтов гражданского общества расширяет и усиливает возможности и инициативы каждой личности относительно реализации своих жизненно важных прав и свобод. При этом гражданское общество выполняет важную

функцию в том плане, чтобы ограничивать и исключать любые посползновения, направленные на «огосударствление» тех или иных сторон жизнедеятельности членов этого общества и их объединений. Тем самым гражданское общество проводит четкую грань между своими самоуправленческими началами и сугубо государственным функционированием.

Необходимое внимание со стороны учреждений гражданского общества к процессам и механизмам формирования и развития правового государства призвано сводить к практическому минимуму нецелесообразное и нелегитимное вмешательство структур государства во внутриорганизационную деятельность институтов гражданского общества и частную жизнь личности. Тем самым обеспечивается социальная, нравственная, правовая неприкосновенность гражданского общества, его учреждений и объединений и личности, как раз и призванной пользоваться всеми благами реального гражданского общества.

Ответственный подход гражданского общества к взаимосвязи с формирующимся правовым государством обусловлен тем, что данное общество по своей природе и сущности не может всецело подстраиваться под государственные структуры, дублировать не свойственные ему функции государства. Гражданское общество проводит условную линию, ограничивающую частную, личностную жизнедеятельность людей от функционального и произвольного воздействия государства и тем самым позволяет гражданам сосуществовать с государством, реализуя и охраняя свои интересы, не противопоставляя их государству.

Ценность гражданского общества находит свое подтверждение, прежде всего, в том, что его структурные подразделения в наибольшей степени ориентированы на обеспечение должного порядка, гармоничного состояния взаимоотношений между людьми во всех сферах общественной и частной жизни. Достойная жизнь и полноценное благополучие членов гражданского общества обусловлены характером тех общественных отношений, которые отражают в себе природу и специфику данного общества. В практическом плане гражданское общество признает, выражает и отстаивает естественные интересы и потребности каждого человека, которые не могут произвольно подпадать под глобальное воздействие государства, поскольку функции гражданского общества и

государства (даже правового) четко дифференцированы.

Будучи демократическим, легитимным и правовым явлением, государство соответственно своей сущности должно само (в соответствии с конституционно-правовыми принципами и нормами) ограничивать и пресекать любое произвольное проникновение своих структур в деятельность институтов гражданского общества и не допускать акций, направленных на умаление социального и правового статуса личности. Усилия правового государства должны иметь совершенно противоположную направленность, а именно – содействовать становлению благоприятных условий для поступательного развития гражданского общества, усиливать и укреплять те правовые позиции каждой личности, которые ведут к реализации ее естественных и неотчуждаемых прав и свобод. Такая миссия государства оценивается как правовая, справедливая, сугубо нравственная.

Сущность гражданского общества приобретает реальный смысл и находит свое истинное предназначение только тогда, когда его жизненное пространство наполняется многообразной, целенаправленной, социально значимой деятельностью свободных, раскрепощенных, инициативных людей, преследующих достижение собственных интересов и потребностей. Достижение указанных личностных параметров гармонически сочетается с процессом удовлетворения политических, социальных, культурно-образовательных, духовно-нравственных и иных жизненных притязаний большинством членов гражданского общества.

Гражданское общество – не только особая сфера взаимосвязи и взаимодействия граждан, но и активно функционирующая система разнообразных общественных объединений, корпораций, социальных слоев, действующих самостоятельно, в соответствии с целевой направленностью и вне ограничивающего влияния государственных структур.

По мере своего совершенствования и развития гражданское общество становится интегрирующей общественные и частные интересы и потребности системой. При этом гражданское общество не изолируется от государства, не отвергает его мощный потенциал, а находит выгодные для себя точки соприкосновения с государственными структурами, налаживает формы взаимосвязи с ними в интересах блага своих членов.

Будучи мощным властно-политическим феноменом, государство, обретающее качества государства правового, берет на себя ряд основополагающих функций. Указанные функции направлены на становление благоприятной социальной, политической, правовой среды, облегчающей и стимулирующей более поступательное и эффективное развитие институтов и учреждений гражданского общества – основы полноценного существования личности как носителя приоритетных прав и свобод.

Практика разнообразных форм взаимосвязи развивающегося гражданского общества и государства, обретающего параметры правового, влечет взаимовыгодные последствия. С одной стороны, укрепляется положение личности во всех ведущих сферах общественной жизни. Итогом этого становится все более устойчивая и предсказуемая реализация прав и свобод человека и гражданина. С другой стороны, государство, осваивающее качества правового государства, берет на себя миссию гаранта полноценного функционирования всех значимых учреждений гражданского общества.

Взаимосвязь соответствующих структур гражданского общества и правового государства обнаруживает не только единство их стратегических целей и задач, но и пути (механизмы) преодоления естественно возникающих противоречий и конфликтов, решения постоянно возникающих разнообразных и не всегда предсказуемых проблем. В итоге возникает потребность в поиске новых точек соприкосновения, форм компромиссных решений в процессе сотрудничества институтов гражданского общества и государственно-властных структур.

Функционирование и развитие гражданского общества основано «на многообразной, разветвленной социальной структуре, отражающей все богатство и разнообразие интересов множества социальных групп и слоев, их представителей. Причем это многообразие объективно стремится к постоянным изменениям, находится в динамике, образуя и прерывая вертикальные и горизонтальные связи» [2, с. 701].

Природа и сущность гражданского общества инициированы жизненными интересами и потребностями самостоятельных и свободных индивидов, многогранной деятельностью граждан и их соответствующих объединений. Поэтому функционирование разнообразных институтов гражданского общества наполнено

той целевой направленностью, которая обусловлена социальными, политическими, культурно-эстетическими, образовательными, духовно-моральными и многими иными жизненными устремлениями и притязаниями личности, объективными факторами социальной действительности.

По своей сущности гражданское общество призвано должным, позитивным образом реагировать на жизненно важные потребности своих членов и относиться к каждой личности, ее правам и свободам с ценностных позиций. Поэтому гражданское общество заинтересовано в налаживании самых тесных связей с развивающимся правовым государством, поскольку только оно может обеспечить, прежде всего, надежную правовую базу для реализации приоритетных прав и свобод личности – основы достойного существования человека в цивилизованном гражданском обществе.

Как самоуправляемая ассоциация гражданское общество регулирует основные общественные отношения посредством неюридических правил поведения, в ряду которых первостепенная роль отводится нормам морали (нравственности), нормам общественных объединений, политическим нормам и иным видам социальных норм. Но при разрешении самых существенных, значимых жизненных ситуаций институты и объединения гражданского общества и, соответственно, их члены, безусловно, прибегают к механизмам правового регулирования.

Поэтому необходимо констатировать, что для гражданского общества право и его компоненты (прежде всего правовые законы) имеют сугубо ценностное значение, поскольку адресованы приоритетным, жизненно важным интересам, потребностям, устремлениям личности, лежат в основе реализации ее прав и свобод. Правовое государство призвано обладать системой правовых законов, то есть тем нормативно-регулятивным резервом, который используется для полноценного упорядочения тех общественных отношений, которые лежат у истоков обретения личностью качественной жизнедеятельности.

Право как явление цивилизации и культуры, аккумулятор естественных и жизненно необходимых принципов и требований, обусловленных природой функционирования общества и существования человека, ни при каких

обстоятельствах не утрачивает свои ценностные качества. Оно «соответствует уровню развития общества, отражает глубинные процессы, происходящие в нем, является частью его культуры» [5, с. 208–209].

Ценностный потенциал права может быть деформирован лишь действующей системой права, если она содержит в себе нормативно-правовые акты, посягающие на права и свободы человека, искусственно навязывает обществу правовые запреты, в ущерб необходимым правовым дозволениям, предусматривает юридические санкции в отношении тех поведенческих акций, которые могут подпадать лишь под действие мер общественного порицания.

Гражданское общество при опоре на потенциал правового государства рассматривает и воспринимает право только как ценностное явление и отвергает систему права или ее отдельные компоненты, если они противоречат жизненным интересам и потребностям человека, ограничивают, тормозят, сводят на нет реализацию его естественных и неотчуждаемых прав и свобод.

Разумеется, ставка на право, как исключительно ценностное явление, во многом приближена к ориентации на правовой идеал, но и мириться с негативными аспектами действующей системы права гражданское общество никоим образом не может. Главное назначение гражданского общества – служить интересам каждой личности, отстаивать ее естественные права и свободы. Поэтому любые правовые перекосы, отвергающие и искажающие ценности права, не могут не находить осуждения со стороны развивающегося гражданского общества и его демократических институтов.

Даже при самой несовершенной, несправедливой системе действующего законодательства дух права как ценностного общественного феномена незримо присутствует в соответствующих общественных отношениях и дает их участникам надежду относительно того, что жизненное обстоятельство, подлежащее правовой регламентации, несмотря на всю его сложность и непредсказуемость, в конечном счете, будет разрешено не самым худшим образом. В этой связи интерес представляет следующий взгляд на понимание ценности: «Ценность не просто существует, но всегда обнаруживает некий плюс, потому она и ценность, что обладает предпочтительным правом на существование. Этот вопрос необходимо требует объяснения, и

отсутствие такого объяснения всегда чувствуется как некая пустота» [1, с. 99–100]. Применительно к праву это означает, что оно всегда противопоставлено злу, отстаивает человеческое достоинство, поэтому должно рассматриваться в качестве исключительно ценностной категории.

Право ценно не само по себе, а в связи с теми целями, посредством которых возможно достичь позитивных и значимых результатов. И, несмотря на то, что «возможности права, действительно, ограничены, без нормального права и здорового правосознания не может сложиться и здоровое общество, здоровое государство» [5, с. 211]. Признание гражданским обществом права как непреходящей ценности объясняется, прежде всего, тем обстоятельством, что правовое регулирование осуществляется главным образом ради достижения тех положительных результатов, которые коренным образом влияют на жизнедеятельность и самого общества, и его членов.

В условиях становления и развития гражданского общества и правовой государственности конкретное действующее законодательство определенным образом влияет на оценку состояния и потенциала права, но без какого бы то ни было ущерба для признания его ценностным явлением. Объяснение этому фактору заключается в том, что социальная и правовая действительность подтверждают наличие позитивных жизненных перемен, достигнутых не в последнюю очередь на основе правового воздействия на определенные общественные отношения.

О ценностной сущности права не следует судить, исходя лишь из характера и регулятивной направленности действующего законодательства в конкретных жизненных условиях. Право как ценность становится тем ориентиром, которому необходимо следовать с тем, чтобы придать упорядочению конкретных общественных отношений ту целевую направленность, которая ведет к позитивным переменам, итогам, результатам, признаваемым и обществом в целом, и большинством его членов. Подобное состояние социальной и правовой действительности может ассоциироваться лишь с функционированием гражданского общества, прибегающего при необходимости к услугам правового государства. Право – в конечном счете резерв тех ценностей, которые трансфор-

мируются в действующую систему права и используются в гражданском обществе и правовом государстве в целях разрешения многообразных жизненных проблем. При этом приоритетом остаются реализация прав и свобод личности, обеспечение ее достойного существования.

Важной особенностью функционирования гражданского общества является то, что правовая регламентация соответствующих общественных отношений сочетается с подключением к этому процессу других видов социальных норм, воспринятых потребностями данного общества. Особое значение в этой сфере имеет взаимодействие юридических норм и норм нравственности (морали). Именно этим видам социальных норм отводился наибольший удельный вес во всей системе нормативного регулирования. Привлечение к процессам правового регулирования потенциала принципов и норм морали, других видов социальных норм усиливает механизмы правового воздействия на регулируемые жизненные обстоятельства.

Указанное нормативное взаимодействие повышает эффективность разрешения самых сложных аспектов социальной и правовой действительности, поднимает на новый уровень ценностный авторитет права, расширяет сферы доверия к процессам нормативного регулирования со стороны все более значительной части членов гражданского общества. Члены общества как реальные и потенциальные субъекты права во все большей массе становятся носителями того правосознания, которое развивается на основе признания права и правовых законов той ценностью, которая естественным образом востребуется интересами гражданского общества, человека и гражданина.

Взаимодействие юридических норм и социальных норм иных видов предопределено тем существенным фактором, что такое взаимодействие основано на принципах социальной справедливости, духовности и нравственности, других общественно значимых ценностях, которые в полной степени воспринимаются и отражаются правом. Мысль о том, что право есть «нижний предел, или некоторый минимум

нравственности, равно для всех обязательный» [4, с. 535] характеризует ценностные аспекты права, которые проявляют себя в практическом плане в процессе регулирования многогранных общественных отношений, куда направляется и потенциал различных неюридических социальных норм. Ценностное призвание права состоит в том, чтобы «установить совместную жизнь людей так, чтобы на столкновения, взаимную борьбу, ожесточенные споры тратилось как можно меньше душевных сил» [3, с. 24]. Указанная миссия права усиливается и становится более эффективной при привлечении всего того нормативно-регулятивного потенциала, которым располагает гражданское общество.

Нормативные регуляторы гражданского общества при ведущей роли ценностей права предстают в качестве того универсального средства, которое содействует нормализации и полноценному функционированию всех жизненно значимых общественных отношений. Современная социальная и правовая действительность призвана использовать свой позитивный потенциал исключительно в интересах каждого члена гражданского общества, стремящегося практически использовать принадлежащие ему права и свободы.

Библиографический список

1. Алексеев, С. С. Основы философии права / С. С. Алексеев. М., 1999.
2. Гулиев, В. Е. Государство и гражданское общество / В. Е. Гулиев // Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права. М., 2005.
3. Ильин, И. А. Порядок или беспорядок? / И. А. Ильин. М., 1917.
4. Нерсесянц, В. С. Философия права / В. С. Нерсесянц. М. 1998.
5. Поляков, А. В. Общая теория права / А. В. Поляков. СПб., 2001.
6. Шумилина, А. Б. Политико-правовые технологии обеспечения корпоративных интересов в России А. Б. Шумилина // Ростов-н/Д, 2018.

УДК 32:342.7
ББК 66.2+67.911.11

ДВОЙНЫЕ СТАНДАРТЫ, ПОЛИТИКА И ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

А. В. Капранов, Ю. В. Капранова

Аннотация. В статье освещаются вопросы взаимосвязи политики и защиты прав и свобод человека в мире. Анализируются положения международных и национальных нормативных правовых актов, раскрываются особенности политики отдельных зарубежных государств, свидетельствующие о практике двойных стандартов в области обеспечения прав человека.

Ключевые слова: права человека, политика, гражданское общество, механизм защиты прав человека, обеспечение прав человека, ограничение прав, дискриминация.

DUAL STANDARDS, POLICIES AND HUMAN RIGHTS IN A MODERN SOCIETY

A. V. Kapranov, Yu. V. Kapranova

Abstract. The article highlights the relationship between politics and the protection of human rights and freedoms in the world. The provisions of international and national regulatory legal acts are analyzed, the policy features of individual foreign states are revealed, which testify to the practice of double standards in the field of ensuring human rights.

Key words: human rights, politics, civil society, mechanism for protecting human rights, ensuring human rights, restriction of rights, discrimination.

Очевидно, что недостаточно закреплять права человека в Основном законе государства, в иных нормативных правовых актах государства, необходим эффективный механизм их реализации и защиты, по целям и задачам отвечающий идеалам справедливости и равенства [1, с. 20–38], стремящийся к установлению безопасности и правопорядка в обществе и государстве. Анализируя происходящие в мире события, приходится констатировать, что права человека – это мера свободы, которую современное общество может себе «позволить», и чем авторитетней государство на мировой арене, реальнее его суверенитет, тем больше возможностей реализации свободы личности, выбора поведения, защиты от произвола, навязывания чуждых стереотипов оно может предоставить своим гражданам, а также всем лицам, кто на законных основаниях проживает на его территории.

В данном плане имеются свидетельства определенных успехов России. Речь идет о практике Конституционного Суда России, которая показывает, что более двух третей его решений посвящены защите прав и свобод человека и гражданина и их эффективному восста-

новлению. В последнее время все чаще появляются такие категории дел, которые становятся причиной конфликта между Европейским судом по правам человека и Конституционным судом России, выражающегося в том, что одни и те же дела по вопросам защиты либо ограничения прав человека рассматриваются в них по-разному. Это и вопросы предоставления декретного отпуска офицерам-мужчинам, высылки с территории России иностранцев с ВИЧ-заболеванием, а также, например, запрета на пропаганду нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних. Во всех этих делах Европейский суд принимал решения, осуждающие Россию, считая, что вправе навязывать российскому государству так называемую «европейскую систему ценностей» [2, с. 90].

Однако Россия в лице Конституционного суда России жестко отстаивает свою позицию, которую озвучил его председатель Валерий Дмитриевич Зорькин в своей статье «Предел уступчивости»: «Каждое решение Европейского суда – это не только юридический, но и политический акт. Когда такие решения принимаются во благо защиты прав и свобод граждан и развития нашей страны, Россия всегда будет

безукоснительно их соблюдать. Но когда те или иные решения Страсбургского суда сомнительны с точки зрения сути самой Европейской конвенции о правах человека и тем более прямым образом затрагивают национальный суверенитет, основополагающие конституционные принципы, Россия вправе выработать защитный механизм от таких решений» [3].

Следует здесь отметить, что решения Страсбургского Суда должны исполняться во всех странах, входящих в Совет Европы, ратифицировавших Конвенцию о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года. Россия вошла в Совет Европы в 1996 году, ратифицировала указанную конвенцию 30 марта 1998 года. Конвенция устанавливает неотъемлемые права и свободы человека и гражданина, согласно данной конвенции Россия взяла на себя обязательство гарантировать личные права граждан на своей территории каждому человеку, кто находится под юрисдикцией российского государства.

В преамбуле конвенции говорится о том, что ее целью является достижение единства политики государств в защите прав человека, основных свобод, которые являются основой справедливости и всеобщего мира, которые в свою очередь выступают основой демократических государств, движимых единственными стремлениями к демократическим идеалам и свободам, верховенству права. В первом разделе конвенции практически во всех статьях, посвященных праву на жизнь, правовую свободу и личную неприкосновенность, запрету пыток, принудительного труда, праву на справедливое судебное разбирательство и др. используются формулировки: «каждый», «никто», «каждому», что говорит о применении устанавливаемых правил одинаково к каждому человеку, то есть о равной мере к каждому, упоминается о равноправии полов, устанавливается запрет на дискриминацию, четко определены критерии ограничения прав, то есть основной акцент сделан на равенстве всех перед законом, о равных возможностях воспользоваться провозглашаемыми правами. Конвенция в главе второй предусматривает действенный международный судебный механизм защиты прав человека, то есть возможность обратиться в Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) для каждого, если жалобщиком были исчерпаны все внутренние национальные средства защиты.

В целом положения Конвенции должны в равной степени распространяться на все те государства, которые ее ратифицировали, то есть должны выработаться единые подходы по обеспечению прав человека, противодействия терроризму, единая политика. Однако далеко не во всех странах, подписавших Конвенцию и в государственной политике, и в законодательстве, в общественном мнении воплощаются единые подходы к пониманию равенства, к правам человека, единые представления о справедливости и соразмерности, исходя из смысла и сущности Европейской конвенции, в противном случае не было бы многочисленных случаев нарушения прав российских детей за границей в Норвегии, Финляндии и др., не было бы спокойного отношения к нарушениям прав человека, к тысячам погибших в Украине, Сирии, пренебрежительного отношения к гибели и памяти погибших в Аэробусе «Когалымавиа», к трагедии близких погибших, чему свидетельствуют отсутствие осуждающей реакции зарубежной прессы на карикатуры газеты Шарли Эбдо. Можно привести в пример в свое время набравшую оборот скандальную историю с допингом российских спортсменов, которых без суда признавали виновными, на основе чего делались попытки ограничить участие в международных соревнованиях уже не отдельных спортсменов, а всей страны.

Приведенные факты свидетельствуют, что в зарубежных странах – политика, общественное мнение, которое, как известно, является зеркалом гражданского общества, бесспорно, подходят к тем или иным общественно-правовым событиям, происходящим в мире, с разной мерой, хотя исходя из смысла Конвенции должны наоборот – с равной мерой, без каких ли бы то ни было дискриминаций, то есть налицо политика двойных стандартов в отношении сердцевины демократических отношений – прав человека.

О подрыве ценностей демократии, двойных стандартах в современной политике говорил в своем выступлении на 70-летней юбилейной ассамблее ООН в 2015 году Президент России Владимир Владимирович Путин. В выступлении он говорил и о уроках послевоенной истории, и о роли и миссии ООН, предупреждал о попытках расшатать ее авторитет и подорвать легитимность, о попытках разрушения архитектуры международных отношений, опасности уничтожения демократии, навязывания диктатуры, потери суверенитета национальными государствами и перехода от права закона к праву

сильного. Президент призывал, опираясь на советский опыт истории, не пытаться подстегнуть ход истории отдельных стран экспортом социальных экспериментов, основанных на идеологических установках. По его мнению, примеры из истории Советского Союза указывают на то, что вмешательство в жизнь тех или иных стран чаще приводит не к прогрессу, а к деградации, и, тем не менее, как он выразился, «... экспорт «демократических» революций продолжается» [4]. И если рассмотреть ситуацию на ближнем Востоке и Северной Африке, то получается, что вместо долгожданных реформ, активное, агрессивное вмешательство в политическую жизнь в данном регионе разрушило институты государства, сам уклад жизни, вместо процветания, торжества демократии и прогресса мы наблюдаем насилие, нищету, социальную катастрофу, а права человека, включая право на жизнь, – ни во что не ставится. Президент призывал к формированию пространства равной и неделимой безопасности, безопасности не для избранных, а для всех, к борьбе с терроризмом, создав широкую международную антитеррористическую коалицию наподобие антигитлеровской. Глава государства упомянул о том, что противостояния Запада и Востока уже нет, а блок НАТО все расширяет свое присутствие, свои военные инфраструктуры, у отдельных стран все также присутствуют стремления к освоению новых геополитических пространств, а то, что при этом массово нарушаются права человека, как например, в Украине, предпочитают не замечать, прикрываясь террористической риторикой [4].

Таким образом, как видим, и общественное мнение, и государственная политика зарубежных государств исходят зачастую из двойных стандартов, к сожалению, судебная сфера защиты прав человека не исключение. Судебные решения ЕСПЧ также становятся политическим инструментом, в связи с чем даже статистику по поводу нарушений прав человека в России по количеству обращений в Европейский Суд по правам человека необходимо рассматривать с учетом этого аспекта, во многих европейских странах нарушают права человека не меньше, чем в России, однако вследствие двойных стандартов грубое нарушение и игнорирование прав человека зачастую укрывается, не выносятся на обсуждение, не доходит до судебного рассмотрения, примером тому многочисленные обращения к Уполномоченному по правам ребенка в России по поводу отъема детей из семей социальными службами зарубежных

государств. Необходимо воспринимать критично и содержание самих решений, особенно в тех случаях, когда навязывается чуждая, противоречащая российским ценностям идеология.

Необходимо признать, что проблема обеспечения прав человека до сих пор актуальна в России, имеют место судебные, следственные ошибки, нарушения прав задержанных, обвиняемых по делу, нарушения процессуальных сроков, иные нарушения прав человека. В целях устранения имеющихся противоречий, установления режима законности, обеспечения социальной устойчивости и реальной защиты прав человека в стране последовательно проводится административная и судебная реформа.

В заключение хотелось бы отметить, что политика двойных стандартов отдельных зарубежных государств, порождающая нарушения прав человека, выступает политической конъюнктурой, инструментом в политической борьбе между государствами, что является недопустимым, так как попираются основы демократии – права человека. В этом смысле альтернативных механизмов защиты прав человека не должно быть, никакие международные механизмы защиты прав человека не заменят российского законодательства, соответствующего подлинным представлениям о справедливости, праве, основанном на собственном историческом опыте и учитывающем многовековую традицию жизненного уклада нашего государства, соединившего в себя представителей различных этнических общностей и представителей всех ведущих мировых религий.

Библиографический список

1. Бондарь, Н. С. Конституционное изменение равноправия граждан Российской Федерации / Н. С. Бондарь, Ю. В. Капранова. Монография. Ростов н/Д, 2002. С. 20–38.
2. Комкова, Г. Н. Модификация современной конституции России / Г. Н. Комкова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Экономика. Управление. Право. № 1. том 15. 2015. С. 90.
3. Зорькин, В. Д. Предел уступчивости. URL: <http://www.rg.ru/2010/10/29/zorkin.html>.
4. Путин В. В. Экспорт "демократических" революций продолжается. URL: <https://ria.ru/20150928/1288390833.html> (дата обращения 12.03.2019).

ББК 87.525.4
УДК 101.1.316.344.7

СОЦИАЛЬНОЕ ИСКЛЮЧЕНИЕ КАК ФОРМА ОТЧУЖДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

С. Г. Лагутин

Аннотация. Исследование проблем социального исключения становится всё более значимым в современном российском обществе. Социальное исключение определяется как форма отчуждения человека. Одним из результатов социального исключения выступает социальный конфликт. Преодоление негативных последствий социального исключения необходимо рассматривать в тесной связи с другими формами отчуждения человека в разрешении проблем социальных противоречий, такими как: социальная изоляция, социальная деградация, апатия, аномия.

Ключевые слова: отчуждение человека, социальное исключение, социальная изоляция, социальная деградация, социальное взаимодействие, социализация, социальный конфликт.

SOCIAL EXCLUSION AS A FORM OF ALIENATION IN MODERN SOCIETY

S. G. Lagutin

Abstract. Study of the problems of social exclusion is becoming increasingly important in the modern Russian society. Social exclusion is defined as a form of human alienation. One of the results of social exclusion supported social conflict. Overcoming the negative consequences of social exclusion must be considered in close connection with other forms of human alienation in resolving social contradictions, such as: social exclusion, social degradation, apathy, anomie.

Key words: human alienation, social exclusion, social degradation, social interaction, socialization, social conflict.

Проблема отчуждения человека в XXI веке приобретает экзистенциальное значение. Возникновение и развитие новых форм отчуждения человека приводит к усложнению и комплексированию способов преодоления и предупреждения негативных последствий отчуждения человека в современном обществе. Одной из распространённых форм отчуждения человека выступает социальное исключение. Под социальным исключением можно понимать отступление, в той или иной мере, от устоявшихся, сложившихся в последние десятилетия, по крайней мере, за последние 50–60 лет норм и правил социализации человека в обществе. Социальное исключение выступает коллективным феноменом, который затрагивает людей во всех сферах жизни общества. Социальное исключение выражается в нарушении процессов социализации. В результате этого человек оказывается отчуждённым, отстранённым от привычного образа жизни, общения, деятельности. Крайней формой социального исключения выступают социальная изоляция и самоизоляция как виды отчуждения человека,

оказавшегося в маргинальных условиях, без работы, средств существования, жилья.

Факторы социального исключения лежат в плоскости социально-экономических и социально-политических проблем. Развитие социально-экономических институтов, адаптированных к новым вызовам постглобальной концепции, укрепление национальных экономик в ущерб общепринятым на мировом уровне правилам экономического взаимодействия, односторонний пересмотр установленных норм мирового сотрудничества в условиях теснейшей кооперации приводит к изменению стратегической парадигмы. Причины социального исключения коренятся в различных факторах, которые вносят нестабильность на рынок труда, в боязни безработицы, в слабой включенности в коллективную жизнь.

Нестабильные экономические условия, участвовавшие кризисы, подчас невнятная экономическая политика вызывают социальную апатию, недоверие, крайние формы социальной реакции, в том числе социальный конфликт. Кроме того, нарастающие процессы нравствен-

ной девальвации ценностей значительно ускоряют наступление негативных процессов. Происходит трансформация видов и форм отчуждения человека. Они становятся более изощренными, массовыми, трагичными, что в свою очередь выражается в отклоняющемся поведении, агрессии, суицидальном поведении. В качестве примера можно назвать бурный рост экстремальных селфи, приводящих к смертельному исходу, увлечение сомнительными квестами с явной угрозой здоровью и жизни, распространением так называемых «групп смерти» в сети Интернет. Социальное исключение способно оказаться фактором социального конфликта.

Отклоняющееся от общепринятых норм поведение является формой болезни, которая приводит к нарушению внутренней гармонии социума и требует лечения силами социального контроля, порой в принудительном порядке. Положение людей, исключенных из общества, является критическим, их жизнь находится под постоянной угрозой, а их незащищенность можно сравнить с войной, несчастным случаем или катастрофой [1].

Социальная поляризация по уровню и качеству жизни населения, приводящая к углублению разрыва между доходами богатых и бедных и, как следствие, доступность к удовлетворению потребностей и самореализации, а самое главное – неспособность государства нести ответственность за преодоление социального исключения выступают одними из основных причин социального исключения.

Основой социализации личности в современном обществе является воспитание и влияние среды социума, который способен как повышать, так и снижать эффективность социализации, приводя к социальному исключению, социальной изоляции и отторжению. Человек, оказавшийся в ситуации социальной изоляции, может демонстрировать девиантное поведение. Он постепенно втягивается в социально неприемлемый стиль жизни, в связи с чем не может выбраться из сложившейся негативной ситуации, увеличивая пропасть между самим собой и другими, «нормальными» членами общества, посредством соскальзывания вниз. Формирование отклоняющегося поведения, как правило, проходит несколько этапов:

1) этап – семейное неблагополучие, неучастие в жизни человека ближайшего социума;

2) длительное отсутствие в семье и доме, общение с «уличной» субкультурой;

3) освоение предлагаемых субкультурой вариантов действий для достижения какой-то цели и новых способов решения конфликтных ситуаций.

В такой период может наступить кризис социальной идентичности. Новый образ жизни становится известным ближайшему окружению и человеку приходится делать выбор между нормальным миром с его ценностями и миром с ценностями субкультуры. Существенное влияние на выбор оказывает процесс социализации, качество её этапов [2].

Каждому этапу социализации (с детства до старости) свойственны свои трудности, конфликты, кризисы. На каждом этапе человек подвергается риску выпасть из привычных, которых называют нормальными условий, оказаться в изоляции или на дне общества. И поэтому трудно быть молодым, взрослым и старым. Серьезные проблемы, с которыми сталкивается индивидуум, определяются не только возрастом, но и особенностями социальной среды, в которой протекают процессы социализации.

В ситуации социального исключения личность сталкивается с двойными рисками:

во-первых, предупреждениями по отношению к себе по причине слабой социальной состоятельности;

во-вторых, идентификацией себя и своего социального статуса как бесперспективного, не способного обеспечить успех и повысить жизненные шансы на индивидуальном уровне. Указанные риски способны привести к социальной изоляции и самоизоляции и, как следствие, к социальному конфликту.

Одной из форм отчуждения человека, близкой к социальному исключению и социальной изоляции, выступает социальная деградация. К разновидностям социальной деградации как формы отчуждения можно отнести индивидуально-духовную и интеллектуальную деградацию человека [3]. Работа, которая требует большой эмоциональной отдачи, общения с людьми, переживаний, способна вызвать синдром «эмоционального выгорания», сопровождающегося апатией. Апатия как форма отчуждения человека может выражаться в отказе от общения с родными и близкими, отказе от интересов, увлечений, хобби, неспособности вы-

полнять даже самые простые действия по причине отсутствия сил, чувстве страха и общей тревожности. Может возникнуть состояние, при котором жизнь кажется пустой. Формируется стойкое длительное отсутствие интереса, практически ко всему. Апатия характерна тем, что возникает безразличие, и неважно, что в жизни происходят события различной значимости, никакая деятельность не вызывает интереса и внимания. При этом жизнь теряет для человека смысл, исчезает интерес к деятельности, и даже самые простые гигиенические действия кажутся ненужными [4].

Кратковременная утрата работы и связанные с этим временные трудности, как правило, не влияют на статус индивида и его семью, если через некоторое время он может найти равноценную по положению и доходу работу. В случае, если состояние безработицы затягивается и нет надежды на его скорое прекращение, нахождение равноценной, подходящей по квалификации, по другим параметрам работы, то может наступить утрата социальных качеств, которая предопределяет неудачу в поисках работы. Это в свою очередь может вызывать негативные последствия, приводить к социальной изоляции и самоизоляции. Кроме того, потеря профессиональной квалификации и навыков для человека не проходит бесследно, особенно для людей среднего возраста. Эти процессы могут сопровождаться утратой уверенности в себе, в своих силах, возможностях, что также провоцирует формирование таких видов отчуждения человека, как бессилие, абсентеизм, аномия [5]. Заниженная самооценка в дальнейшем уменьшает инициативу и предприимчивость, что мешает искать работу или другой вид обеспечения в жизни. Замыкаясь в себе, на своих проблемах, человек погружается всё глубже и процесс самоизоляции усиливается. Настроение человека можно охарактеризовать как подавленное. Жизнь перестает быть интересной. Для человека вдруг сразу перестают существовать ситуации, люди, которые могут быть достойны его внимания. Всё, что имело смысл в прошлом, становится неинтересным в настоящий момент. Нередко происходит так, что действительно в определенный жизненный период может исчезнуть интерес ко всему, что ранее казалось важным и привлекательным. Человек утверждает, что пропал интерес к жизни, и виной является апатия, состояние глубокой депрессии. Кроме того, в подобном состоянии люди уверены, что

сами являются причиной происходящих неудач. Ситуация значительно усложняется в условиях отсутствия поддержки родственников, друзей, равнодушных людей, которые могут оказаться рядом. Со временем происходит замыкание в себе, приходят мысли о безнадежности. Человек начинает думать, что им никогда никто серьезно не заинтересуется [6].

Разумеется, человек может ощущать себя одиноким. Мучительное чувство одиночества выступает своего рода адаптационным механизмом, который выработался у человека в процессе эволюции. Будучи социальными животными, в доисторические времена люди защищались и добывали пищу сообща. Исключение индивидуума из группы было равноценно смертному приговору. Одиноким человек погибал от голода или хищников. Поэтому ощущение одиночества, заставляющее человека искать компанию себе подобных, аналогично, например, чувству голода, вынуждающему животное отправляться на охоту. Вероятно, что организм человека считает чувство одиночества опасностью и расценивает его как предупредительный сигнал.

Дискомфорт, испытываемый из-за длительного одиночества, вместе с негативным физиологическим ответом были полезным приобретением в доисторические времена, когда человеку приходилось выживать среди враждебной природы. Однако в современном обществе ощутимой пользы от них нет. Напротив, одиночество выступает формой самоотчуждения человека [7]. Она искажает, ломает личность, может привести к преждевременной смерти из-за постоянного внутреннего стресса. Низкий уровень социального взаимодействия негативно сказывается на приобретении социального опыта, процессах обмена знаниями, навыками. Недостаток общения усугубляет требовательное, придирчивое отношение к самому себе, способствует дальнейшей закрытости, замкнутости. Кроме того, человек начинает ощущать одиночество, если он не имеет возможности быть абсолютно откровенным в общении. Человеку свойственно опасаться быть непонятым самыми близкими, что порой приводит к ухудшению отношений или даже к развалу семьи. Все это способствует медленному, но стабильному нарастанию чувства одиночества. Кажется, что Интернет способен исправить этот недостаток и поэтому становится желанным. Однако тем самым он провоцирует развитие и углубление негативных процессов, сопровождающих самоотчуждение человека от самого

себя и его дальнейшую изоляцию от социума [8]. Указанные формы отчуждения человека способны развиваться в самых разнообразных сферах человеческой жизнедеятельности. Выявление механизмов формирования разнообразных видов отчуждения человека в их взаимосвязи в современном обществе, определение условий и причин возникновения негативных последствий социального исключения, изоляции и иных форм отчуждения позволят в значительной мере приблизиться к выработке оптимальных способов предотвращения, профилактики и преодоления основных факторов, вызывающих отчуждение человека, приводящих к разрушению человеческой личности, утрате человеческих качеств.

Библиографический список

1. Водопьянова, Н. Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н. Е. Водопьянова, Е. С. Старченкова. М-СПб.: Изд-во «Юрайт», 2016. 336 с.
2. Комбаров, В. Ю. К определению концепции «трансотчуждения» как формы отчуждения инженеров российских промышленных предприятий / В. Ю. Комбаров // Вестник НГУ.

Серия: Социально-экономические науки. 2011. Т. 11. № 2. С. 152–162.

3. Кошарная, Г. Б. Проблема отчуждения труда работников в современных организациях / Г. Б. Кошарная, Л. Н. Мордишева // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. № 1. С. 78–86.

4. Морозова, В. Б. Социальная сущность апатии современной российской молодежи: дис. ... канд. филос. наук / В. Б. Морозова. Ростов-на-Дону, 2010. 167 с.

5. Осин, Е. Н. Смыслоутрата и отчуждение / Е. Н. Осин // Культурно-историческая психология. 2007. № 4. С. 68–77.

6. Погам, С. Исключение: социальная инструментализация и результаты исследования // Журнал социологии и социальной антропологии. Специальный выпуск: Современная французская социология. СПб., 1999. Т. 2. С. 140–155.

7. Ринчинова, Д. Н. Социальное исключение и бедность: соотношение понятий / Д. Н. Ринчинова // Вопросы гуманитарных наук. 2007. С. 365–372.

8. FlavioRizzo. Hikikomori: ThePostmodernHermitsofJapan. June 2016 – pp 12-19.

УДК 352.07(470.45)

ББК 67.400.73(2Рос-4Вог)

МЕСТНОЕ САМОУПРАВЛЕНИЕ В ВОЛГОГРАДЕ: ПРОБЛЕМЫ И ОСОБЕННОСТИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ С НАСЕЛЕНИЕМ

Д. В. Пахомов

Аннотация. В статье даётся оценка деятельности органов местного самоуправления в городе-герое Волгограде и определяется эффективность их взаимодействия с гражданским обществом. Проведённый автором опрос 80 жителей города позволил выявить ожидания граждан от деятельности органов муниципального управления и определить показатели их удовлетворённости от обращения к представителям власти. Были выделены политические установки и степень вовлечённости граждан в организационно-управленческий процесс. Предлагаются меры по повышению эффективности деятельности органов местного самоуправления в г. Волгограде.

Ключевые слова: власть, местное самоуправление, гражданское общество, мониторинг общественного мнения, взаимодействие органов местного самоуправления с населением, местное самоуправление в Волгограде.

THE LOCAL GOVERNMENT IN VOLGOGRAD: PROBLEMS AND INTERACTION WITH THE POPULATION

D. V. Pakhomov

Abstract. The article assesses the activities of local authorities in the hero city of Volgograd and determines their effectiveness in interacting with civil society. A survey conducted by the author of 80 residents of the city made it possible to identify citizens' expectations of the activities of municipal authorities and to determine indicators of their satisfaction

from contacting representatives of the authorities. Political attitudes and the degree of citizen involvement in the organizational and management process were highlighted. Measures are proposed to increase the efficiency of local government in Volgograd.

Key words: power, local government, civil society, monitoring of public opinion, interaction of local authorities with the population, local government in Volgograd.

Общественное мнение является неотъемлемым элементом политической системы в современной России – вовлечённость российских граждан в решение социально-экономических и политических вопросов выступает определяющим фактором на принятие политических решений на всех уровнях: от местного до государственного.

С целью определения демократического потенциала органов местного самоуправления в г. Волгограде автором статьи был проведён опрос 80 жителей, проживающих в Центральном районе города Волгограда. Респондентами выступили преимущественно молодёжь от 18 до 44 лет (91,2 %) и граждане от 45 лет (8,8 %), среди которых 63,7 % имеют высшее образование. Сбор и анализ оценок общественного мнения автором проводились во второй половине 2018 года. Полученные эмпирические данные позволяют провести оценку демократического потенциала органов местного самоуправления в г. Волгограде, определить отношение населения к представителям власти, а также выделить

ряд рекомендаций и мер по повышению эффективности деятельности местного представительного органа.

Поскольку важным элементом стабильности демократической системы является вовлечённость граждан в организационно-управленческий процесс, следует отметить, что поддержание локальной демократии «сверху» – только по желанию представителей власти, без гражданского участия, – не представляется возможным в отечественном политическом пространстве. Представители власти, решая вопросы местного значения, привлекая общественность, формирует о своей деятельности положительное мнение, что способствует повышению уровня доверия и нейтрализации недовольства со стороны общественности. Именно поэтому в российском научном сообществе всё чаще возникает необходимость определения политических убеждений и установок граждан посредством проведения общественных опросов с последующим анализом оценок и мнений.

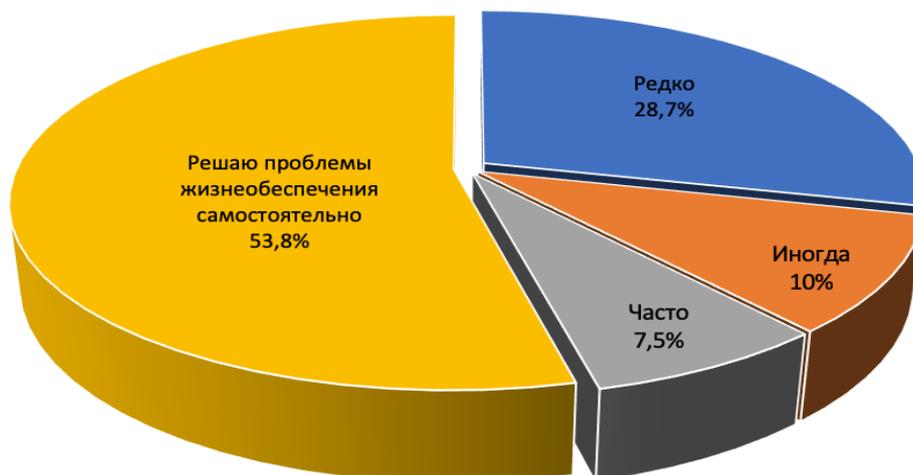

Рис. 1. «Как часто Вам доводилось обращаться в органы местного самоуправления г. Волгограда для решения конкретных вопросов жизнеобеспечения?»

Как видно из рис. 1, каждый второй респондент (53,8 %) «никогда не обращался в органы местного самоуправления» и решал вопросы жизнеобеспечения самостоятельно; 28,7 % опрошенных граждан «редко», в отдель-

ных случаях обращались за помощью в представительный орган; 10 % – «иногда»; и только 7,5 % «часто» взаимодействовали с представителями власти для решения вопросов жизнеобеспечения.

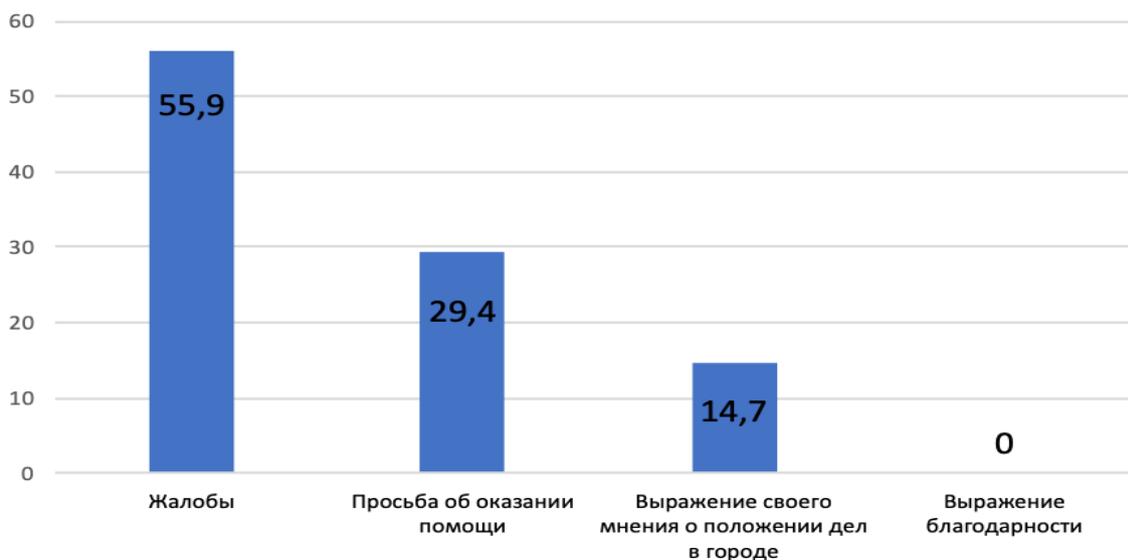

Рис. 2. «Какова цель Вашего обращения в органы местного самоуправления?»

Из рис. 2 следует, что основной целью обращения граждан к представителям власти в г. Волгограде являются «жалобы» (55,9 %); следом – «просьба об оказании помощи» (29,4 %); «выражение своего мнения о положении дел в городе» (14,7 %). Кроме этого, примечателен «нулевой» показатель обращения граждан в органы МСУ с целью «выражения благодарности» (0 %), что свидетельствует, во-первых, об

отсутствии обратной связи с населением о результатах проделанной работы, а во-вторых, о неудовлетворённости населением по решению личных вопросов.

В подтверждение данного суждения следует отметить, что эмпирические данные следующего вопроса наглядно демонстрируют высокий процент недовольных граждан от обращения в органы МСУ.

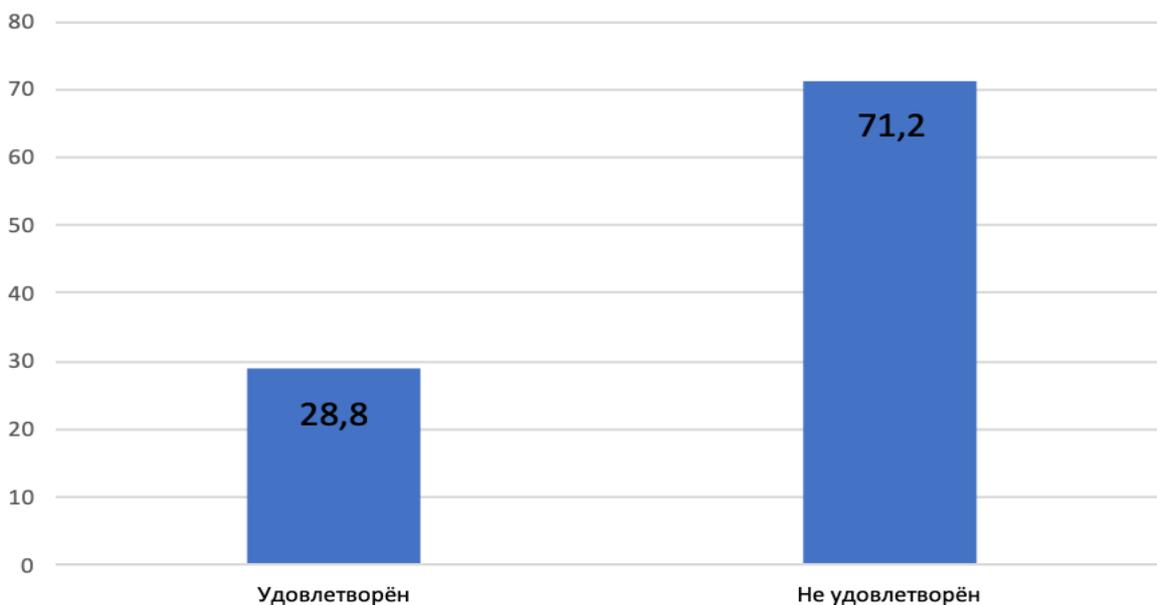

Рис. 3. «Удовлетворены ли Вы результатом обращения в органы местного самоуправления?»

Из графика можно заметить, что только 28,8 % граждан остались довольны результатом обращения в органы МСУ в г. Волгограде, остальным – 71,2 % граждан – предста-

вители власти не оказали содействие и должной поддержки в решении вопросов жизнеобеспечения, и, как следствие, те остались недовольны.

Рис. 4. «Как Вы оцениваете демократический потенциал деятельности органов местного самоуправления г. Волгограда?»

Исходя из полученных данных, мы видим, что результаты распределились следующим образом:

- **«Обладает реальным политическим весом»** – так, 5 % опрошенных граждан считает, что органы МСУ в г. Волгограде осуществляют эффективное управление, направленное на социально-экономический рост, повышение имиджа города с постоянным взаимодействием с населением по решению вопросов местного значения для формирования положительного облика города-героя;

- **«Обладает умеренным потенциалом»** – 15 % граждан считают, что в Волгограде наблюдается стремление к повышению социально-экономического благополучия с выстраиванием диалога с гражданами (но только для того, чтобы знать пожелания и предпочтения граждан), все решения местного значения принимаются самостоятельно;

- **«Обладает слабым потенциалом»** – 4 из 5 (80 %) считают, что за органами МСУ наблюдается выполнение стандартных обязательств, но их деятельность направлена скорее для поддержания работоспособности, а не стремительного развития, и носит скорее декоративный характер; все решения принимаются самостоятельно без опоры на общественное мнение.

Таким образом, полученные данные наглядно демонстрируют особенности взаимодействия представителей власти со своей целевой аудиторией. Так, 80 % граждан считает, что потенциал органов МСУ в г. Волгограде ниже среднего, и что важные решения в жизни города принимаются самостоятельно, без опоры на общественность. При этом, 20 % респондентов отмечают, что потенциал представительных органов выше среднего, и что действия местных властей направлены на социально-экономический рост с выстраиванием взаимодействия с общественным сектором посредством формирования диалоговых площадок.

Однако, примечательно, что среди респондентов, определивших потенциал деятельности органов МСУ как «слабый» каждый второй ранее отмечал, что никогда не обращался в органы МСУ и решал вопросы жизнеобеспечения самостоятельно.

Отсюда следует, что существует реальная проблема социально-политической интеграции общества, реализуемой через представительные органы в г. Волгограде: обращения населения за помощью в органы МСУ не оправдали ожиданий (как видно из ответов выше); власть не стремится расценивать общественность как равного партнёра, что в результате приводит к низкой вовлечённости общества в политический процесс.

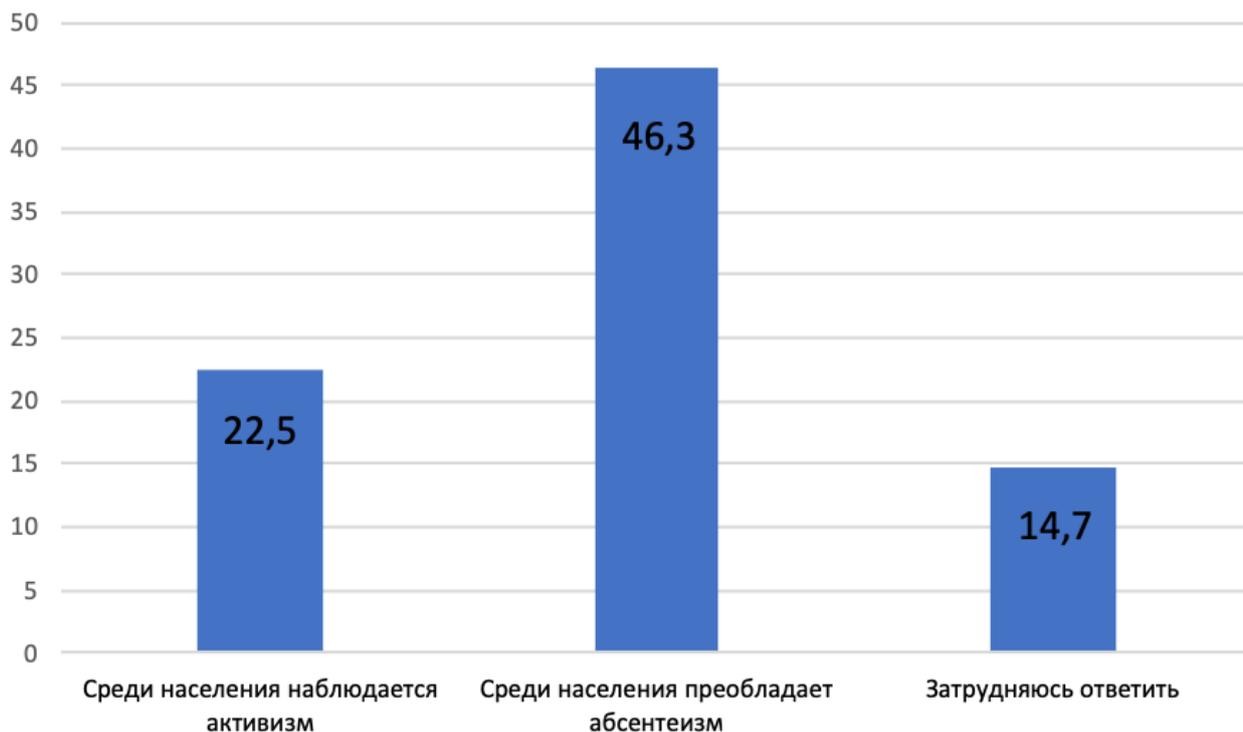

Рис. 5. «Как Вы считаете, повысился ли, за последнее время, интерес к политическому участию среди граждан г. Волгограда?»

Таким образом, из результатов видно, что практически каждый второй (46,3 %) считает, что «среди населения преобладает абсентеизм – явное нежелание участвовать в политическом процессе», что, в свою очередь, довершает изложенное выше утверждение о низкой гражданской ответственности населения, где основным предметом обращения в органы МСУ является выражение недовольства посредством жалоб.

Исходя из этого, основные проблемы коммуникативного взаимодействия власти и общества видятся прежде всего в апатичности российских граждан; нежелании принимать участие в решении политико-управленческих задач; низком уровне доверия к политической элите; воспроизводстве населением политической культуры советского периода развития; наличии абсентеизма и слабой развитостью гражданского самосознания.

Однако, несмотря на это, следует отметить, что 22,5 % уверены, что среди населения «наблюдается активизм – повысилась заинтересованность в политическом преобразовании и

появляются предложения проведения качественных реформ», что, в свою очередь, свидетельствует о положительной динамике развития демократической экосистемы на локальном уровне, т. е. в условиях тесной взаимосвязи общества с местной элитой.

Следует подчеркнуть, что ситуация может измениться только в том случае, если местное сообщество осознает деятельность по осуществлению местного самоуправления в форме непосредственного волеизъявления (прямой демократии) не только как право, инсценируемое государством (сверху), но и как свою обязанность решать вопросы местного значения, не перекладывая на других. Местное сообщество должно осознать свою ответственность за законность и целесообразность деятельности своих представителей в местных органах власти и управления [1].

Именно поэтому для закрепления результатов исследования, необходимо выделить основные черты органа МСУ как неотъемлемого демократического института власти.

Рис. 7. «Какие меры, по Вашему мнению, приведут к повышению эффективности деятельности органов местного самоуправления?» (можно выбрать несколько вариантов ответа)

Результаты распределились следующим образом: большая часть респондентов выделяет «укрепление социально-экономического потенциала (благополучие общества, качество жилищно-коммунального обслуживания, качество дорог и т. д.)» (66,3 %) и «повышение личной ответственности представителей власти за невыполнение обязанностей и поручений» (62,5 %) как два самых важных фактора повышения эффективности деятельности органов МСУ. Следом отмечают «усиление общественного контроля...» (51,2 %) и «обеспечение открытого диалога с обществом...» (48,8 %) как два неотъемлемых социально-коммуникативных аспекта взаимодействия гражданского общества с органами местного самоуправления. Так, Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации» [5] гласит, что одним из важнейших инструментов обеспечения взаимодействия общества и государства является система общественного контроля, осуществляемого в отношении органов публичной власти, аппарата управления и в системе защиты прав и свобод человека [3], а обеспечение диалоговых площадок для работы с населением, оценка общественного мнения, проведение референдумов способствуют консолидации российского общества для поддержания локальной демокра-

тии. Одним из показателей эффективности органов МСУ является удовлетворенность населения деятельностью власти, зависящая в том числе и от ее открытости [2]. Следует также отметить, что из предложенных мер граждане менее заинтересованы в «обеспечении быстрого и своевременного ответа на обращения граждан» (38,3 %) и «включении в управленческий состав молодых специалистов» (26,3 %).

Таким образом, оценка общественного мнения позволяет выявить основные ожидания российских граждан от деятельности органов МСУ в г. Волгограде – улучшение качества жизни с постоянной обратной связью о результатах проделанной работы. Реализация предложенных мер на практике позволит вывести представительный орган города-героя в глазах общественности на новый качественный уровень, что, главным образом, приведёт к трансформации парадигмы общественного мышления и модернизации российского общества.

Библиографический список

1. Везиничина, С. В. Взаимодействие общественного мнения и органов муниципальной власти: механизмы, проблемы, совершенствование / Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2013. Т. 13. Выпуск 1.

2. Мищенко, В. В., Лякишева В. Г., Бочкарева Е. А. О некоторых правовых, организационных и социально-экономических аспектах повышения эффективности деятельности органов местного самоуправления / Известия Алтайского государственного университета. 2016.

3. Носков, А. П. Общественный контроль как форма взаимодействия общества и государства: политико-правовые основы / Историческая и социально-образовательная мысль. 2018.

4. Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации: Федеральный Закон РФ от 6 октября 2003 г. №131-ФЗ (последняя редакция) URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (дата обращения: 23.03.2019 г.).

5. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный Закон РФ от 21 июля 2014 г. № 212 - ФЗ [Электронный ресурс] // URL: <http://ivo.garant.ru/#/document/70700452/paragraph/> (дата обращения: 09.01.2019).

УДК 32+ 316.334.3

ББК 66.04

ГОСУДАРСТВЕННАЯ СОЦИАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ПОДДЕРЖКИ МОЛОДОЙ СЕМЬИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ)³

Ю. Б. Прибытков, Р. С. Безбожнов

Аннотация. Устойчивость общественного развития прямо зависит от демографической реальности и проводимой государственной социальной политики в сфере поддержки молодой семьи. Переход от дисциплинарных обществ к обществам контроля обуславливает внедрение специфических форм, методов и технологий управления и контроля за различными социальными и государственными институтами, в частности семьи.

Авторы ставят целью раскрыть современную государственную социальную политику поддержки молодой семьи в Волгоградской области. Предметом анализа выступают нормативно-правовые и политические документы регионального и федерального уровней и социально-философской концепции общества контроля Ж. Делеза.

Государственная политика РФ постепенно обретает контуры социально-демократической модели семейной политики. Рассматриваются идеологические, социально-экономические и морально-психологические аспекты политики на региональном и федеральном уровнях, а именно: дефинирование поддержки семьи в посланиях Президента РФ, обеспечение молодых семей собственным жильем, финансово-материальное стимулирование рождаемости и психологическая поддержка с помощью социально-психологических центров.

Ключевые слова: государственная социальная политика; молодая семья; общество контроля; государство; идеология; модель семейной политики.

STATE SOCIAL POLICY IN THE SPHERE OF YOUNG FAMILIES IN MODERN CONDITIONS (ON THE EXAMPLE OF VOLGOGRAD REGION)

Ju. B. Pribytkov, R. S. Bezbozhnov

Abstract. The sustainability of the development of society depends directly on the demographic reality and the state social policy in the field of family support. The transition from disciplinary societies to control societies entails the introduction of specific forms, methods and technologies for the management and control of various social and public institutions, in particular families.

The author aims to reveal the modern state social policy in the sphere of support of a young family in the Volgograd region. The subject of the analysis is the normative-legal and political documents of the regional and Federal level and the social-philosophical concept of the society of control J. Deleuze.

The state policy of the Russian Federation is gradually gaining the contours of a socio-democratic model of family

³ Статья написана в рамках программы поддержки научной инициативы Региональным общественным движением Реализации общественных и гуманитарных инициатив Волгоградской области.

policy. The article deals with the most important socio-economic and moral-psychological aspects of policy at the regional and Federal levels, namely the provision of young families with their own housing, financial and material stimulation of fertility and psychological support through social and psychological centers.

Key words: state social policy; young family; society of control; state; ideology; model of family policy.

Обеспечение устойчивого развития общества и воспроизводства здорового населения страны является одной из приоритетных политических задач государства. В условиях современной социальности молодые семьи сталкиваются с множеством трудностей в процессе создания, становления и жизнедеятельности. Каждая семья должна удовлетворять свои потребности, которые только возрастают. Государственная политика должна быть направлена на наиболее осязаемые возникающие потребности, требующие обязательного удовлетворения в виде нового места жительства семьи, поддержки в обеспечении материальными и духовными потребностями членов семьи [13, с. 190].

Переход в общество контроля, открытости и самоуправления раскрыт в исследованиях Ж. Делеза как переход от дисциплинарных обществ, вызванный всеобщим кризисом пространств изоляции, в частности семьи. Семья как пространство изоляции было основано на соблюдении строгой дисциплины, подчинения и принуждения и представляло собой отдельные матрицы, модули и ячейки. Общество контроля же основано на ином принципе действия за счет постоянно меняющихся процессов, внешних по отношению к институту семьи, представляющем собой процесс модуляции и самодеформации [19, с. 3–4].

В обществе контроля характерно смещение контроля на «сознание». Идеологический инструмент государственной политики в рамках проведения социальной политики в отношении института семьи закреплен в части 2 статьи 7 Конституции РФ, в которой утверждается государственная поддержка семьи, материнства, отцовства и детства [18, с. 4], несмотря на существующий запрос патриотических сил к переходу к конституционному закреплению государственной идеологии с содержанием традиционных ценностей – ценностей, направленных на развитие страны [7, с. 33]. Из года в год в посланиях президента Федеральному Собранию в идеологическом контексте происходят упоминания о достигнутых результатах государственной социальной политики, в частности в области семьи, напоминания о направлении государственной социальной политики, ставятся стратегические и тактические задачи [10, 11, 12]:

- сбережение людей;
- умножение человеческого капитала;
- поддержка традиционных ценностей и семьи;
- создание и поддержка демографических программ.

Существуют идеальные модели семейной политики: 1) либеральная – это невмешательство государства, когда жизнь семьи считается частным делом граждан; 2) консервативная – поддержка традиционной патриархальной модели семьи; 3) социально-демократическая – формирование равных отношений между супругами и совмещение профессиональных и семейных ролей супругов [18, с. 120–124]. Социально-демократическую модель используют европейские страны, государственная социальная политика поддержки семьи которых направлена на вовлечение семьи в государственную политику в качестве равноправного самостоятельного субъекта [17, с. 184].

При переходе в общество контроля при быстро меняющихся условиях, потребительское отношение становится более важным для многих семей, чем собственное личностное развитие, рождение и воспитание детей [16, с. 31–32]. В таких условиях молодым людям приходится ставить первоочередные цели трудоустройства, материальной обеспеченности и строительства карьеры, откладывая создание семьи. К внешним объективным условиям добавляются психологическая незрелость молодежи и её лабильность, что способствует созданию новых форм союза, таких как «гражданский брак» или сожитительство, не позволяющих сохранять традиционные ценности семьи и искажающих результаты государственной социальной и демографической политики. Вместе с тем осуществляются законодательные попытки приравнять формы совместного проживания молодых людей к официальному браку по истечению определенного срока для более полного контроля за результатами проведения демографической и социальной политики и создания нормативной базы в новых условиях общества контроля.

Важной составляющей социальной политики в отношении молодой семьи является обеспечение жильем. Исследователи

О. М. Здравомыслова и М. Ю. Арутян на основе социологического опроса, в зависимости от материальных возможностей родительских семей и от степени материальной независимости каждого из супругов, выделяют три варианта образования молодой семьи:

а) наиболее распространенный вариант – молодые супруги проживают совместно с родителями одного из супругов;

б) молодая семья снимает жилье;

в) наиболее редкий вариант – молодая семья сразу имеет отдельную квартиру [4, с. 152].

Государственная помощь в приобретении жилья на льготной или безвозмездной основе является наиболее действенной поддержкой молодой семьи. Небольшая часть создаваемых российских семей имеет отдельную квартиру, что связано с отсутствием практики предоставления государственными и муниципальными органами жилья и ограниченной экономической доступностью жилья [5, с. 231].

В рамках применения социально-экономических инструментов государственной политики возможно три важных фактора повышения доступности жилья. Это рост доходов граждан, снижение ставок ипотечного кредитования и увеличение предложения на жилищном рынке. Дополнительной поддержкой по приобретению жилья, осуществляемой государством, является программа материнского капитала, предусматривающая адресность его выдачи при рождении ребёнка. Также предлагается льготная ипотека для семей с детьми.

На федеральном уровне происходит разработка и внедрение в образовательный процесс информационной системы ГИС «Контингент», помимо осуществления сбора, хранения и использования информации об обучаемых и членах их семей для повышения качества оказания населению государственных и муниципальных услуг, обеспечения перехода на качественно новый уровень работы и взаимодействия ведомственных информационных систем в области образования, здравоохранения, социального обеспечения, появляются риски использования информации в переходный период к обществу контроля [6]. На уровне Волгоградской области создано ГИС «Образование Волгоградской области» интегрированное в систему ГИС «Контингент» [1].

В настоящее время в Волгоградской области идет активный политический процесс возрождения идеологии в формах государственной

семейной и демографической политики, ориентированной на укрепление семейных ценностей, повышение авторитета института семьи, ответственного родительства, а также пропаганду здорового образа жизни, в частности у молодежи. Главной задачей деятельности региональных органов власти, депутатского корпуса и институтов гражданского общества является оказание помощи по сохранению семьи как основного института становления и развития личности ребенка.

Сегодня разрабатывается целый ряд мер, направленных на поддержку здоровой российской семьи, на жизнеустройство детей-сирот в замещающие семьи, на предупреждение семейного неблагополучия. Постоянно совершенствуются формы и методы работы учреждений по предоставлению социальных услуг. В Волгоградской области сформирована нормативно-правовая и информационно-методическая база для проведения комплексной работы с семьей и детьми.

Государственная социальная политика Волгоградской области реализуется с целью повышения адресности предоставляемой социальной помощи, роста социальной обеспеченности слаботзащищенных категорий граждан, расширения перечня видов социальных услуг и повышение их качества [3].

Согласно плану мероприятий по повышению рождаемости в Волгоградской области на 2016–2018 годы проведением комплексной работы с семьей и детьми в Волгоградской области занимаются 43 семейно-консультативных пункта, охватывающие все муниципальные образования региона. Работа семейно-консультативных пунктов направлена на формирование у молодой семьи осознанного отношения к брачному союзу и ориентации ее на деторождение, на профилактику абортот и отказов от новорожденных [9].

Стимулирование повышения рождаемости государственными и муниципальными органами в рамках проведения социальной политики в Волгоградской области производится за счет:

1. Выплат дополнительного единовременного пособия при рождении ребенка и родительского капитала за счет областного бюджета;
2. Предоставления родительского капитала;

3. Федеральной поддержки в виде ежемесячного пособия.

Меры социальной поддержки многодетных семей, включая приемные семьи с тремя и более детьми, осуществляются в виде [2]:

1. Ежемесячной денежной выплаты на оплату коммунальных услуг;

2. Ежеквартальной денежной выплаты на каждого ребенка;

3. Ежегодной дотации на детей школьного возраста (от 6 до 17 лет включительно) на подготовку к школе;

4. Ежемесячной денежной выплаты нуждающимся в поддержке семьям при рождении третьего или последующих детей до достижения ребенком возраста трех лет.

Назначение и выплата государственных пособий гражданам, имеющим детей, производятся в соответствии с Федеральным законом от 19.05.1995 № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» за счет субвенций из федерального бюджета, предоставляемых бюджету Волгоградской области [15].

Вышеуказанные меры, применяемые государственными и муниципальными органами в отношении института семьи, благоприятно влияют на поддержку молодых семей, имеющих детей. Предложенные меры наполняют идеологический вакуум и решают социально-экономические и морально-психологические проблемы молодых семей. Но встает вопрос, не борьба ли это с последствиями и возможна ли государственная политика, опирающаяся на работу с причинами?

Происходит процесс постепенного перехода в общество контроля и трансформация института семьи в условиях быстро меняющегося мира. Государственная социальная политика в отношении семьи приобретает всё большие черты социально-демократической государственной социальной политики, несмотря на декларирование поддержки консервативной модели семьи и выстраивания данной модели политики в отношении семьи. Для этого, с одной стороны, проводятся меры по укреплению традиционных ценностей семьи, с другой – происходит постоянное формирование и совершенствование нормативно-правовой базы государственными органами, регламентирующей предоставление мер социальной поддержки семьям, имеющим

детей. Вместе с тем необходимо постоянное индексирование с учетом реальных потребностей семьи и учетом реальных показателей инфляции в стране размеров пособий, выплачиваемых семьям Волгоградской области, и других стимулирующих выплат, направленных на социальную защиту молодой семьи.

Библиографический список

1. ГИС «Образование Волгоградской области». URL: <https://sgo.volganet.ru/> (дата обращения 28.10.2018).

2. Закон Волгоградской области от 21.11.2008 № 1775-ОД "О мерах социальной поддержки многодетных семей в Волгоградской области". // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/20165989/> (дата обращения 18.11.2018).

3. Закон Волгоградской области от 31.12.2015 № 246-ОД "Социальный кодекс Волгоградской области" (с изменениями от 25 декабря 2017 года) // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/24813566/> (дата обращения 15.11.2018).

4. Здравомыслова, О. М. Российская семья на европейском фоне (по материалам международного социологического исследования) / О. М. Здравомыслова, М. Ю. Арутянян. М.: Эдиториал УРСС, 1998. 176 с.

5. Зубкова, Т. С. Организация и содержание работы по социальной защите женщин, детей и семьи / Т. С. Зубкова, Н. В. Тимошина. 2-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия». 2004. 224 с.

6. Информационный портал о системе ГИС «Контингент» и подключению к ней // Портал ГИС «Контингент». URL: <http://gis-kontingent.ru/informatsiya-o-gis-kontingent.html> (дата обращения 15.11.2018).

7. Колесников, В. А. Политическая идеология – феномен общественного и государственного развития // «Теории и проблемы политических исследований» Том 6, № 1А, 2017. с 26-38.

8. Конституция Российской Федерации по состоянию на 2017 год. М.: Эксмо, 2017. 32 с.

9. План мероприятий по повышению рождаемости в Волгоградской области на 2016–2018 годы, утвержденного заместителем Губернатора Волгоградской области З. О. Мержоевой от 21 июля 2016 г.

10. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 01.12.2016 "Послание Президента Российской Федерации" // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/53379> (дата обращения 01.11.2018).

11. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 03.12.2015 "Послание Президента Российской Федерации" // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_189898/ (дата обращения 24.10.2018).

12. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 04.12.2014 "Послание Президента Российской Федерации" // Сайт Президента РФ. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/47173> (дата обращения 14.10.2018).

13. Семья в Российской Федерации: Статистический сборник. М.: Госкомстат России. 2008.

14. Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2012 № 606 "О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации". // Гарант. URL: <http://base.garant.ru/70170932/> (дата обращения 12.11.2018).

15. Федеральный закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ "О государственных пособиях гражданам, имеющим детей" // Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_docLAW_6659/ (дата обращения 04.11.2018).

16. Bauman Z. *The Individualized Society*. John Wiley & Sons, 272 p.

17. Bogenschneider K. *Family Policy Matters: How Policymaking Affects Families and What Professionals Can Do*. Third Edition. Routledge, New York, 2014. 312 p.

18. Esping-Andersen, G. *The Three Worlds of Welfare Capitalism* / G. Esping-Andersen // Polity Press. – Cambridge. 1990. 248 p.

19. Gilles Deleuze *Postscript on the Societies of Control* // JSTOR, 1992, October. № Vol. 59. pp. 3-7.

УДК 342.8(470.45)

ББК 66.3(2Рос-4Вог),131

ВНУТРИПАРТИЙНОЕ ГОЛОСОВАНИЕ ПЕРЕД ВЫБОРАМИ В ОРГАНЫ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВОЛГОГРАДА В 2018 г.

Е. В. Рыгина

Научный руководитель А. И. Бардаков

Аннотация. Проанализирована процедура проведения предварительного внутрипартийного голосования партии «Единая Россия». На основании анализа предложены механизмы совершенствования, позволяющие сформировать лояльность избирателей. Определена взаимосвязь праймериз и последующих выборов. Анализируется влияние праймериз на политическую грамотность населения и гражданскую активность молодежи.

Ключевые слова: предварительное голосование, избирательный процесс, праймериз, политическое участие, политические партии, выборы.

IN-PARTY VOTING BEFORE ELECTIONS TO LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES OF VOLGOGRAD IN 2018

E. V. Rygina

Scientific adviser A. I. Bardakov

Abstract. The procedure of preliminary internal party voting of the party "United Russia" is analyzed. Based on the analysis, improvement mechanisms are proposed that allow the formation of voter loyalty. The relationship of primaries and subsequent elections is determined. The influence of primaries on the political literacy of the population and the civic activity of youth is analyzed.

Key words: preliminary voting, election process, primaries, political participation, political parties, elections.

Предварительные выборы берут свое начало в США в 1842 году, когда Демократическая партия США провела выдвижение канди-

датов в графстве Крофорт (штат Пенсильвания). В нашей стране праймериз впервые провели местные отделения партий «Яблоко» и

«Союз правых сил» в мае 2000 года в Санкт-Петербурге перед выборами губернатора города. В 2007 году партия «Единая Россия» организовала уже всероссийский праймериз, а уже в ноябре 2009 года закрепила норму об обязательном проведении процедуры праймериз в Уставе партии. Таким образом, предварительные выборы можно разделить по масштабу на местные и федеральные [6].

Еще одной классификацией будут выступать закрытые и открытые праймериз. В первых принимать участие имеют право только члены соответствующей партии, открытые же доступны для всех зарегистрированных избирателей той или иной территории вне зависимости от партийной принадлежности. Так же в зависимости от характера результатов праймериз разделяют на обязательные, когда члены партии обязаны отдать свой голос за одержавшего победу кандидата, и необязательные, в которых отсутствует подобная директива [1, с. 4–5].

Предварительное внутрипартийное голосование партии «Единая Россия» на данный момент относится к открытым и обязательным. Процедура выглядит следующим образом: кандидаты после приема документов и официальной регистрации проводят агитацию, встречаются с жителями и приблизительно в течение двух месяцев до праймериз кандидаты нескольких районов города принимают участие в дебатах. Зачастую подобные мероприятия проводятся в вечернее время для удобства большинства избирателей – работающего населения. Например, на площадке Регионального информационного аналитического центра были представлены кандидаты из Центрального, Дзержинского и Ворошиловского районов, разделенных на 7 избирательных округов. Безусловно, предварительное голосование способствует повышению уровня гласности и свободы слова, поскольку начиная с 2016 года участие в не менее чем в двух дебатах является обязательной составляющей кампании по выдвижению кандидатов [4, с. 109].

Каждая встреча посвящена определенной теме, в 2018 году были представлены следующие:

- Справедливое ЖКХ: понизить платежи – увеличить эффективность.

- Эффективное и справедливое распределение бюджетных средств на дороги и благоустройство: приоритеты и антикоррупционный контроль.

- На выполнение задач Президента нужны средства. Как наполнить бюджет?

- Рост доходов граждан, что могут депутаты? Внутренние ресурсы и системные решения (рабочие места, бизнес, зарплаты).

- Продолжительность жизни «80+». Обеспечить здоровье и долголетие.

- Помощь социально незащищенным: реальность поддержки, адресность, своевременность.

- Образование, спорт и культура: качество и доступность для граждан.

- Экология и защита окружающей среды: что необходимо делать на местах?

Как правило, на каждой встрече выступают 5–6 кандидатов от различных районов и округов. Так называемые «дебаты» проходят в три этапа:

1. Вступительная речь кандидатов, в которой они, как правило, представляются и рассказывают вкратце о себе и своей программе;

2. Два круга вопросов из зала от зрителей каждому кандидату отдельно;

3. Заключительное слово.

В день голосования на избирательных участках проходит, по сути, репетиция выборов. Зачастую в тех же учреждениях, но в меньшем количестве, при предъявлении паспорта по спискам голосуют жители определенных округов. Таким образом, праймериз выступает еще и отличной возможностью набраться опыта новым членам избирательных комиссий перед грядущими выборами.

К тому же предварительное голосование не только выявляет партийных лидеров, достойных представлять народные интересы на выборах, но и является хорошей площадкой апробации сил и знаний для молодых политиков. Формирование молодежных совещательных органов (парламентов, правительств, советов и т.д.) и ответвлений от политических партий (Молодая гвардия Единой России, Молодежная организация ЛДПР и т.д.), популярность околополитических тем в СМИ и социальных сетях, участие в митингах свидетельствуют о значительном количественном показателе вовлечения молодежи в политическую жизнь общества.

В то время как предварительное голосование уже качественно повышает уровень правовой культуры у молодого поколения, позволяя ему исполнять не только совещательную функцию, но и улучшать свой социальный статус благодаря участию в демократических процессах. Помимо этого, молодое население страны может выявить и поддержать наиболее близкого по духу кандидата или инициировать его появление, консолидируясь вокруг тех лидеров, которые готовы представлять и защищать их интересы [8, с. 99]. Гарантия возможной конкуренции в партийных рядах мотивирует молодежь на последующее участие в выборной кампании.

По сути, праймериз – это еще один механизм, удовлетворяющий запрос общества на открытость и прозрачность процедуры выборов. Население способно повлиять на формирование программы кандидата, что сокращает дистанцию между электоратом и представителями власти.

Анализ всей процедуры предварительного голосования позволяет внести несколько предложений. Во-первых, в дебатах должны принимать участие только кандидаты по одному избирательному округу, что позволит:

- собирать в качестве зрителей непосредственно заинтересованных жителей конкретной территории;
- посещая всего одну встречу, познакомиться со всеми кандидатами и их программами одновременно.

Во-вторых, идея свободного микрофона на этапе вопросов из зала будет более результативной, если один вопрос будут задавать сразу всем кандидатам, так как это даст возможность и избирателям проводить наглядное сравнение представленных программ, и кандидатам показывать свои преимущества в честной конкурентной борьбе. В том числе подобное нововведение позволит дебатам действительно соответствовать своему названию, то есть стать публичной дискуссией между несколькими сторонами по актуальной теме.

В-третьих, необходимо популяризировать процедуру предварительного внутрипартийного голосования для увеличения числа избирателей. Например, конференц-зал РИАЦ вмещает примерно 70 человек, и проведение онлайн-трансляции совсем незначительно увеличивает аудиторию. Учитывая присутствие на дебатах сторонников каждого из кандидатов,

процент заинтересованных объективных зрителей приближается к нулю.

Соотношение статистики по явке на праймериз и последующих выборах тоже свидетельствует об аполитичности электората. Явка на предварительное внутрипартийное голосование в Волгоградской области в 2016 году составила 9,6 %, что превысило среднестатистический показатель по стране на 1,6 % [7]. В 2018 году превзойти среднероссийский показатель удалось только в Волгограде на 0,3 %, получив 11,5 % избирателей на участках, а в Волжском и Камышине показатели гораздо ниже – 7,6 % и 10,7 % соответственно [5].

Несмотря на то, что в голосовании имели право принимать участие как члены партии «Единая Россия», так и внепартийные жители Волгограда, лишь каждый десятый житель области принял участие в праймериз. Учитывая весомый вклад административного ресурса и сторонников кандидатов, получаются весьма низкие показатели заинтересованности россиян. Непосредственно на выборах в органы местного самоуправления Волгограда явка составила 24,1 %, что отражает реальную ситуацию: будущее города определяет меньшинство его жителей [2]. В целом ситуация по-прежнему указывает на катастрофический абсентеизм в России. Результативность же самой партии во взаимосвязи праймериз – выборы высока: 17 из 18 победителей праймериз получили мандаты в Волгоградской городской Думе.

Безусловно, предварительное внутрипартийное голосование положительно влияет и на имидж партии, которая правомерно заполняет информационное поле своими кандидатами задолго до основных выборов. Если праймеризы будут проходить в каждой партии, то границы избирательных кампаний будут расширены и российское общество еще на шаг приблизится к демократии.

В современных условиях большинство партий не заинтересованы в подобной процедуре, так как не видят смысла финансовых и временных затрат, учитывая, что по результатам выборов наберут минимальное количество голосов и получат 2–3 мандата. К тому же большинство непарламентских партий просто не имеют возможностей и ресурсов для проведения внутрипартийного голосования, что свидетельствует об определенном политическом неравенстве [3].

Библиографический список

1. Болховитина, Т. С. Праймериз как форма политического участия: история становления института / Т. С. Болховитина // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2017. № 2.

2. "Единая Россия" на выборах в гордуму Волгограда набрала более 50 % голосов. URL: <https://ria.ru/politics/20180910/1528163772.html> (дата обращения: 22.04.2019).

3. Камалов, Р. Н. Праймериз и политическое неравенство на выборах / Р. Н. Камалов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42).

4. Назаров, И. И. Праймериз «Единой России» как механизм обновления политической элиты (2007–2016 гг.) / И. И. Назаров // Pro nunc. 2016. № 1 (16).

5. Малых, Я. В Волгограде на праймериз победили действующие депутаты, партийные

функционеры и бизнесмены. URL: <http://fedpress.ru/news/34/policy/2060541> (дата обращения: 21.04.2019).

6. Первичные выборы – попытка обновления или повод для пиара. URL: <https://www.politanalitika.ru/russia/pervichnye-vybory-popytka-obnovleniya-ili-povod-dlya-piara/> (дата обращения: 21.04.2019).

7. Тимошенко, С. Явка на праймериз в Волгоградской области превысила среднероссийскую. URL: <https://v1.ru/text/gorod/169493318062080.html> (дата обращения: 21.04.2019).

8. Цюник, Д. А. Праймериз в России – возможность вернуть интерес молодежи к участию в политическом процессе PolitBook / Д. А. Цюник. 2016. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/praymeriz-v-rossii-vozmozhnost-vernut-interes-molodezhi-k-uchastiyu-v-politicheskom-protsesse> (дата обращения: 22.04.2019).

ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

HUMANITARIAN KNOWLEDGE

УДК 81.42
ББК 81.006.21

ЮРИДИЧЕСКИЙ ТЕКСТ В ИНОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ

С. В. Ракитина

Аннотация. В статье рассматриваются особенности представления профессионально ориентированного (юридического) текста в иноязычной аудитории с позиций когнитивного подхода, учитывающего специфику языка юриспруденции; факторы, влияющие на процесс порождения вторичного текста как показателя полноты понимания; оптимальные условия для обогащения концептосферы иностранного студента новыми концептами, способными заложить основы концептосферы будущего юриста.

Ключевые слова: профессионально ориентированный текст, когнитивный подход, вторичный текст, правовая коммуникация, юридическая картина мира, базовые концепты, концептосфера студента.

THE LEGAL TEXT IN FOREIGN-LANGUAGE AUDIENCE

S. V. Rakitina

Abstract. In article features of submission of professionally focused (legal) text in foreign-language audience from positions of the cognitive approach considering specifics of language of law are considered; the factors influencing process of generation of the secondary text as an indicator of completeness of understanding; optimal conditions for enrichment of sphere of concepts of the foreign student the new concepts capable to lay the foundation of sphere of concepts of future lawyer.

Key words: professionally focused text, cognitive approach, the secondary text, legal communication, a legal picture of the world, basic concepts, sphere of concepts of the student.

Значение юриспруденции в современном мире возрастает. Именно деятельность юристов связана с защитой жизни, чести, достоинства граждан, от неё зависит в значительной степени работа всех звеньев государственного механизма, системы государственных органов, призванных осуществлять государственную власть, задачи и функции, формирующие государственную политику. Одним из аспектов государственной политики сегодня является защита русского языка, что требует более пристального внимания к обучению иностранных студентов, в том числе и юридических специальностей. Что касается этой категории студен-

тов-иностранцев, то обучение их языку профессионального общения должно отличаться от занятий по научному стилю речи со студентами других специальностей, что связано с особенностями данной разновидности профессионально ориентированного дискурса. Продуктом такого дискурса выступает юридический текст.

Одним из приоритетных направлений исследования в современной лингвистике, позволяющим анализировать текст с точки зрения характера изложения информации и осмысления её читателем, является рассмотрение его как когнитивной сущности, вербализованного продукта дискурсивного мышления автора.

Специфику юридического текста, выступающего важнейшим условием правовой коммуникации, представляющего текстовые документы правовой тематики, часто соотносимые по форме с текстами инструкций, составляют нацеленность на познание правовой информации, выполнение предписывающей функции.

Среди языковых особенностей юридических текстов можно отметить наличие в них:

– юридической лексики, основную часть которой составляет юридическая терминология, несущая когнитивную информацию, обладающая всеми признаками терминов (однозначность, безэмоциональность, независимость от контекста): *обвинительный акт, средство судебной защиты, судебное доказательство, суд первой инстанции, особое производство* и др.;

– слов, отличающихся от общеупотребительных по значению (*возбуждение, производство, квалификация* и др.);

– фразеологических сочетаний, редко употребляемых в общелитературном языке (*судебный исполнитель, оспаривать иск, не являться в суд, причинить ущерб, обвинительное заключение, давать показания, презумпция невиновности, гражданский долг, присяжные заседатели, иметь состав преступления, конфискация имущества, тяжкое преступление, преступная группа, представитель защиты, совершить правонарушение*);

– собственных синтаксических конструкций (преимущественно простых предложений, чаще односоставных безличных и неопределенно-личных, однородных членов предложения, сложных конструкций с условно-следственными, определительно-уточняющими и другими связями, однородными придаточными и т.д.);

– латинских выражений типа: *staredecisis* – обязывающая сила прецедентов, *ababsurdo* – от противного (метод доказательства), *adinstantiam* – по ходатайству, *adnotanda* – следует заметить и т.д.);

– сокращений: АПК РФ; ГПК РФ; 1 14 ФЗ-99 «О лицензировании» (статья 1, пункт 14 федерального закона от 04.05.2011 3 99 ФЗ «О лицензировании отдельных видов деятельности» и др.;

– особых стилевых черт: точности, императивности, безличности;

– стандартизации изложения: редкое использование личных местоимений, ослабление

значения лица в глагольных формах, преобладание пассивных конструкций над активными (*обжалованию не подлежит, заявлен иск, причинен материальный ущерб*).

В рамках предлагаемой статьи нас интересует процесс понимания профессионально ориентированного (юридического) текста в иностранной аудитории. Данный процесс в когнитивной лингвистике рассматривается как особый вид обработки информации, закодированной языковыми средствами, как порождение вторичного текста, показателя полноты понимания, которое достигается адресатом под влиянием различных факторов: а) языковой компетенции (умения воспринимать знаковую форму текста); б) интеллектуального развития (соотнесения смысла читаемого с имеющимися пре-суппозициями); в) индивидуальных особенностей, связанных с концептосферой адресата, личными психологическими характеристиками, возможностью понять замысел излагаемого, увидеть имплицитные смыслы текста и т.д.; г) условий коммуникации.

Что касается коммуникации в юриспруденции, то она представляет собой проходящий в юридической сфере общественной жизни процесс передачи правовой информации, особую форму, состоящую в «правовом взаимодействии субъектов, которое возникает на основе социальной интерпретации правовых текстов, предоставляющих им коррелятивные правомочия и правообязанности, реализуемые в правовом поведении» [6, с. 4].

Текст в коммуникативном аспекте характеризуется как «функциональная иерархически организованная содержательно-смысловая целостность, соотносимая с коммуникативно-познавательным намерением субъекта общения», система коммуникативно-познавательных элементов, объединенных в единую замкнутую, иерархически организованную, содержательно-смысловую структуру общей концепцией или замыслом (коммуникативной интенцией) общения для реализации конкретной цели [6, с. 28].

При этом подчёркивается, что «наличие так называемого “эффекта диалога” обуславливается в конечном счете характером совмещения “конфигураций” систем смысловых опор в содержательно-смысловых структурах порождаемого и “встречного” или “производного” текстов» [6]. Важнейшими свойствами правовой коммуникации выступают:

– определённость содержания, единообразии толкования правовой информации всеми участниками акта правовой коммуникации;

– правильность составления текста конкретного правового акта, т.е. соблюдение системы норм при использовании языковых, структурных, прагматических характеристик.

С позиций когнитивного подхода понимание юридического текста выступает одним из показателей познавательной активности адресата, когнитивный процесс, ведущий к раскрытию смысла текста, восстановлению исходного концепта, что происходит в процессе анализа его грамматического, смыслового, концептуального строения. В результате перевода текстовых и языковых значений на язык смыслов складывается концептуальная картина мира, включающая базовые концепты, способная представить целостную юридическую картину мира как совокупность юридических знаний. Концептуальная картина мира юриста строится на концептосфере юридических наук, среди которых, к примеру, «История отечественного государства и права», «История политических и правовых учений», «Гражданско-процессуальное право», «Уголовное право», «Судебная экспертиза», «Криминалистика», «Юридическая психология» и др., служащие для формирования профессионально направленной концептосферы, объём которой зависит от составляющих её концептов. Концептосфера представляет собой ментальное образование, моделирующееся в сознании обучающегося, воспринимающего юридический текст, путём постепенного приобретения конституирующих её концептов, которые в своей взаимосвязи, переплетении отражают знания конкретной области (юриспруденции).

Задача обучения состоит в поиске наиболее оптимальных путей обогащения концептосферы иностранного студента новыми концептами, способными заложить основу концептосферы будущего юриста. Это может быть достигнуто, если в процессе работы с профессионально ориентированным текстом на занятиях по русскому языку учитывать:

– сферы деятельности и ситуации профессионального общения студентов-инофонов;

– опору на текстотеку профильных дисциплин, включая содержащиеся в них базисные понятия, фундаментальные категории, обобщающие термины;

– обращение к словарям, интернету, внеаудиторному профессиональному общению как резерву повышения языковой компетенции;

– особенности языка юридических текстов, связанные с правовой нормой, сущностью и назначением права как формы общественного сознания, в предлагаемых к тексту упражнениях в целях формирования языковой компетенции студентов-инофонов;

– привлечение алгоритмов вхождения в ценностно-смысловое поле учебно-научных текстов, составленных для работы над планом, конспектом;

– использование блока заданий деятельностной ориентации, позволяющих встраивать новые знания в свою семантическую сеть;

– информационную ценность частей текста: заглавия, абзацев, выводов – в создании профессионально важного контекста;

– работу с моделями предикативных конструкций, определяющихся типологическими особенностями русского языка, в нашем случае языка юриспруденции, обнажающих интенциональную сущность коммуникативно-значимых единиц, играющих «важную роль в становлении профессионально ориентированной речевой деятельности инофона, так как процессы порождения и восприятия осуществляются при помощи предикаций» [4].

Юридическая деятельность связана с применением специальных правовых знаний, решением различных юридических задач, осуществляемых во всех сферах жизни: правоохранительной, политической, экономической, социальной. Отсюда на занятиях по русскому языку необходима работа, нацеленная на осознание особенностей содержания (ряда постоянных элементов – реквизитов) и структуры (содержательно-композиционной схемы последовательности, взаимосвязи и расположения реквизитов) текстов законов, международных соглашений и актов, договоров, указов, распоряжений, доверенностей, заявлений, приказов и т.д. В связи с этим высказывается мнение о том, что обучать студентов-иностранцев юридических специальностей составлению тех или иных документов нет необходимости, потому что сфера их будущей деятельности еще недостаточно четко определена, а данная работа требует много времени и огромных усилий, хотя пополняется при этом лишь пассивный лексический и грамматический запас обучаю-

щихся. Более целесообразным считается предъявление образцов и обработка «оформления тех документов, которые могут понадобиться студентам в их повседневной жизни: написание объявления, заявления, расписки, доверенности, автобиографии, объяснительной записки и некоторых других». Такие задания нужно связывать не только с изучением речевых тем на занятиях по русскому языку, но и с основными лекционными курсами, которые в это время слушают студенты, что значительно повысит их мотивацию, подготовит к ситуациям в реальной жизни [1, с. 20]. Решение коммуникативных юридических задач в учебной сфере обучающиеся должны уметь реализовать в профессионально ориентированных текстах, продуцируемых на лекциях, семинарах, практических занятиях, зачётах, экзаменах; в учебно-научной сфере – на конференциях, научно-практических семинарах, в обсуждении и защите курсовых и дипломных работ.

Возможность языкового существования в профессиональной среде обеспечивается включением в занятия по русскому языку в качестве учебных материалов текстотеки профильных дисциплин, содержащей информацию об изучаемом объекте и отражающей особенности построения текстов по данной специальности. В этом случае преподаватель может брать тексты учебников по различным специальным дисциплинам, незначительно адаптируя их, делая акцент на основных языковых, содержательных, структурных составляющих текста.

Полнота понимания профессионально ориентированных текстов зависит от умений пользоваться словарями, справочниками, обращаться к интернету, активно использовать интерактивные методические технологии, обеспечивающие не только оптимальные условия для получения новой информации, но и возможности её аргументировать, расширять, анализировать. Среди таких технологий можно выделить проблемную, проектную, процесс решения речемыслительных задач, методику критического мышления. Сущность, к примеру, проблемной технологии заключается в применении обучающимся знаний в новой ситуации в ходе решения стоящей перед ним проблемы самостоятельно (или с помощью преподавателя), в разработке последовательности своих действий. Стимулируют работу проблемные ситуации, подводящие к противоречию и предлагающие найти

способ его решения; сталкивающие противоречия в практической деятельности; излагающие различные точки зрения на один и тот же вопрос; предлагающие рассмотреть явление с различных позиций; ставящие конкретные вопросы, связанные с необходимостью сравнения, обобщения, обоснования, конкретизации и т.д. [3].

Овладение профессиональной информацией зависит от условий восприятия текста, которые реализуются автором в подаче информации, в оформлении текста (в особенностях представления языкового материала, в структурно-композиционной организации). При работе с текстами по специальности важно учитывать информационную ценность частей текста.

Главным индикатором основной темы и эмотивного фона любого текста, как известно, служит *заглавие*, которое выступает сильной позицией в концептуальной структуре текста, особым элементом, содержащим ключ к его пониманию, отражает семантическую многомерность текста, конденсирует его смысл, направляет восприятие адресата, организует его познавательную деятельность, является ориентиром для дальнейших рассуждений. Именно заглавие служит средством именованности смысла, обобщения концептов текста, именованности его синергетической доминанты в концептуальном текстовом пространстве [7, с. 48–53]. Обладая прагматическим потенциалом, синергетическая сила концепта, представленного в названии текста направляет внимание адресата, организует мыслительные процессы, связанные с пониманием текста, распознаванием его основной темы. Отсюда заглавию как важной составляющей текста необходимо уделять должное внимание при его анализе. В частности, заглавие текста каждого параграфа учебника позволяет обучающемуся, ориентируясь в структуре подобных текстов, прогнозировать его содержание. К примеру, заглавия параграфов учебника «Гражданский процесс» «Право на судебную защиту и правосудие», «Гражданская процессуальная форма», «Стадии и виды гражданского судопроизводства» [2, с. 11–22] позволяют обучающимся продуцировать содержание текста: информацию о понятии представленного в названии предмета изложения, его месте в правовых документах (Конституции РФ, нормативных правовых актах и др.), субъектах данного процесса, содержании описываемой в тексте деятельности, её цели, назначении.

При работе с юридическим текстом важно акцентировать внимание на его морфолого-синтаксических особенностях, интенциональности включённых единиц, что наиболее явно проецируется в предикативных конструкциях. Например, при рассмотрении темы «Право на судебную защиту и правосудие» необходима акцентуализация следующих моделей предикативных конструкций:

что является чем = что – это что (Содержание правосудия по гражданским делам – это рассмотрение и разрешение гражданско-правовых споров и других дел, связанных с защитой прав и охраняемых законом интересов граждан и организаций в открытом гласном процессе с привлечением заинтересованных лиц);

что осуществляется чем (Правосудие осуществляется судами, учреждёнными в соответствии с Конституцией РФ и законом о судебной системе);

что составляет что (Судебную систему в Российской Федерации составляют федеральные суды, конституционные суды, мировые суды Российской Федерации);

что возложено на что (Обязанность по отправлению правосудия возложена на суды общей юрисдикции и на арбитражные суды);

что относится к чему = к чему относится что (К судам общей юрисдикции относятся Верховный суд РФ, верховные суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды) и т.п. [2, с. 11].

Работа с моделями предикативных конструкций позволяет при продуцировании собственного текста воспроизводить модели в конкретной ситуации, варьировать её компоненты, соединять несколько предикативных конструкций для выражения содержания высказывания.

Описание даже некоторых из заявленных выше направлений работы с профессионально

ориентированными текстами позволяет констатировать, что такие тексты представляют собой важнейшую единицу обучения, способную внести изменения в индивидуальную картину мира студента-юриста, создать условия для расширения его концептосферы, обеспечить целенаправленное вхождение в учебно-профессиональную коммуникацию.

Библиографический список

1. Афанасьева, Н. Д. Обучение культуре деловой речи иностранных студентов юридических специальностей: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 25 с.
2. Гражданский процесс: учебник / под ред. П.М. Филиппова. Волгоград: ВА МВД России, 2012. 448 с.
3. Замковая, Н., Моисеенко, И. Инновационные подходы к обучению русскому языку как иностранному // *Problems of education in the 21st – Volume 10*. 2009. P. 140–147.
4. Косович, Л. Ф., Ракитина, С. В. Профессионально ориентированные учебные материалы как инструмент формирования концептосферы будущего экономиста-инфомена // *Альманах современной науки и образования*. Тамбов: Грамота, 2013. № 1 (68). С. 75–77.
5. Лиховидов, В. П., Зайцева, Е. А., Крачинская О. В. Сайты юридических фирм как форма актуализации юридического дискурса // *Вестник Волгоградской академии МВД России*. Вып. 2 (41). 2017: науч.-метод. журнал: Волгоград: ВА МВД России. 2017. С. 123–127.
6. Поляков, А. В. Коммуникативная концепция права (генезис и теоретико-правовое обоснование): дис. ... д-ра юрид. наук в виде научного доклада. СПб., 2002.
7. Ракитина, С. В., Ефремова, Н. В. Заглавие как основной текстовый концепт (на материале книг Н. М. Амосова «Мысли и сердце» и Ф. Г. Углова «Сердце хирурга») // *Вестник Иркутского государственного лингвистического университета*. 2014. № 2 (27). С. 48–53.

УДК 81-13:316.324.8
ББК 81.055+60.521.2

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО: ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ⁴

И. И. Дубинина

Аннотация. В статье предпринята попытка определить составляющие понятия «цифровое общество» сквозь призму лексической сочетаемости слова «цифровой» в тематических статьях, посвященных рассмотрению данного явления. В результате проведенного исследования на основе анализа корпуса статей объемом более 400 000 знаков, были выявлены компоненты, передающие качественные характеристики цифрового общества, а именно эволюционный, пространственный, темпоральный, социальный, милитаристский, метафорический, аксиологический и предметный. Некоторые компоненты подразделяются в свою очередь на субкомпоненты, выделяющие и уточняющие специфические признаки, относящиеся как к актуальным, так и потенциальным реализациям концепта «цифровое общество».

Ключевые слова: цифровое общество, цифровой, анализ лексической сочетаемости, системообразующие характеристики, компоненты, субкомпоненты.

DIGITAL SOCIETY: LINGUISTIC ASPECT

I. I. Dubinina

Abstract. The author makes an attempt to define constituents of the notion “digital society” with the help of the method of co-occurrence range of the word “digital” in the articles devoted to the different issues of a digital society. Due to the carried out research at the base of the body of articles in the amount of sampling more than 400.000 characters, the following components conveying qualitative characteristics of a digital society were revealed: evolutionary, spatial, temporal, social, military, metaphorical, axiological and domain-specific. Some of them are divided into subcomponents specifying and clarifying specific features which refer to actual and potential realizations of the concept “digital society”.

Key words: digital society, digital, method of co-occurrence range, constituents, components, subcomponents.

Вступление

Данная статья написана в продолжение исследования, посвященного изучению концепта «цифровое общество». Слова, составляющие выражение «цифровое общество», в данном сочетании приобретают новый смысл, понятийное поле которого еще недостаточно изучено.

Мы полагаем, что место понятия «цифровое общество» в системе меняющихся реалий современного мира не может быть осознано без понимания других его связей, а потому считаем необходимым, используя метод лексической сочетаемости, исследовать всевозможные сочетания прилагательного «цифровой» в текстах, описывающих те или иные аспекты цифрового общества.

Описание метода

Мы солидарны с мнением О.О. Лешковой, считающей, что «в современной лингвистике утвердился подход, согласно которому значение слова можно охарактеризовать только через его сочетаемость». И далее «такой подход явился результатом последовательной реализации системной трактовки лексики. Слово нельзя рассматривать имманентно, в отрыве от его связей с другими лексическими элементами» [1, с. 1]. Анализ лексической сочетаемости может выступить как интегрирующая программа, которая позволяет определить составляющие данного понятия и выявить те общие знания, которые хранятся в языке и с помощью языка активизируются. С помощью данного метода возможно выяснить, какие элементы концептуального поля «цифровое общество» при-

⁴ Работа выполнена при поддержке Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС в рамках исполнения научного проекта № 01-2018ВИУ «Компетентностная модель государственного гражданского и муниципального служащего в условиях цифровизации общества (на примере Волгоградской области)»

влекают внимание исследователей. Мы предполагаем, что каждая составляющая занимает в понятии «цифровое общество» свою собственную позицию, имеет особый удельный вес, объективирует современные проблемы, преимущества и недостатки. Таким образом, данный метод выступает как способ, позволяющий придать поступающей информации упорядоченный характер и систематизировать элементы, входящие в концептуальное поле «цифровое общество».

Анализ

В своей работе мы опираемся на следующее определение сочетаемости – «свойство языковых единиц сочетаться при образовании единиц более высокого уровня; одно из фундаментальных свойств языковых единиц, отражающее синтагматические отношения между ними» [2, 483]. Именно поэтому, с нашей точки зрения, анализ лексической сочетаемости является универсальным способом выявления дифференциальных признаков.

Человек как познающий субъект активно участвует в формировании значений языковых единиц, отражающих новые реалии современного мира, а также в выборе языковых средств для описания той или иной ситуации.

При анализе выявленной совокупности языковых выражений «цифровой» + **актант** исследователь может получить представление о содержании концепта в сознании носителей языка. Данное представление нельзя считать полным, это всегда будет лишь часть этого концепта, так как никакой концепт не выражается в речи полностью. Особенностью нашего изыскания является тот факт, что прилагательное «цифровой» является константой, а актант – переменной. Наша задача рассмотреть реализованные в речи сочетаемости прилагательного «цифровой». Одним из положений, на которых выстраивается наше исследование, это тот факт, что значение прилагательного «цифровой» не меняется, но благодаря сочетанию с каждым новым актантом возникают новые единицы смыслов, особые новые значения, меняющие языковую картину мира и отражающие новые реалии существующего объективно окружающего мира.

Как было выявлено в процессе исследования, прилагательное «цифровой» имеет широкую сферу приложения и в сочетании с определенным актантом эксплицирует новые аспекты современного общества. Под влиянием лексического сочетания и вследствие этого нового наполнения образуются новые семантические модификации, происходит переосмысление содержания.

Исследуя лексическую сочетаемость ключевого слова, объективирующего концепт, мы получили набор признаков, характеризующих в значительной мере и сам мыслительный концепт «цифровое общество».

На первом этапе путем сплошной выборки мы составили список словосочетаний с прилагательным «цифровой». Список включил более 220 словосочетаний.

На втором этапе начался скрупулезный процесс выработки критериев классификации актантов путем тщательного анализа их основного значения. Критерием группировки выступила архисема или сема, общая для актантов. При этом для нас не было важно, какой характер и иерархический статус имеет сема как конструктивный компонент значения. В данном исследовании нас интересовали отражаемые семой объективные свойства предметов и явлений, имеющие значимость для систематизации и различения понятийного поля внеязыкового объекта – цифровое общество. Впоследствии это позволило определить важные составляющие понятийного поля «цифровое общество».

Эволюционный компонент

Первая группа актантов содержит архисему эволюции, процесса «постепенного и непрерывного изменения кого-, чего-л. от одного состояния к другому; вообще развитие» [3, АВ-ВУУ Lingvo]. Однако эволюция также может рассматриваться как «форма развития природы и общества, состоящая в постепенном количественном изменении, подготавливающим качественное изменение» [3, АВВУУ Lingvo]. Исходя из этих двух определений эволюции нами были выделены субкомпоненты: синхронический (сема – «указывающий на синхронизм, одновременность чего-л.») и диахронический (сема – «последовательность появления и развития каких-л. явлений во времени») [3, АВ-ВУУ Lingvo].

Синхронический субкомпонент	Диахронический субкомпонент
революция	развитие
эпоха	путь развития
эра	модель развития
	фаза развития
	процессы
	преобразования
	трансформация
	переход
	оборот

К особенностям диахронического субкомпонента можно отнести тот факт, что представлены самые разнообразные аспекты развития, начиная от его вектора и заканчивая формой и этапами.

Пространственный компонент

Вторая группа актантов содержит архисему пространства, являющуюся одной «из основных форм существования материи, характеризующаяся протяжённостью и объёмом» [3, АBBYU Lingvo].

Указанные характеристики позволили выделить субкомпоненты на основе признака чело-

веческого вмешательства, представляющие организованное и неорганизованное пространство. Далее в организованном пространстве можно выделить подгруппу актантов, которых объединяет сема – «система, как форма организации», в основе дифференциации другой подгруппы сема – форма «способ существования содержания, неотделимый от него и служащий его внешним выражением; тип, устройство, способ организации чего-л» [3, АBBYU Lingvo].

Судя по количеству актантов, содержащих архисему пространства, данный компонент является одним из системообразующих, маркерных для понятийного поля «цифровое общество».

Субкомпонент – организованное пространство		Субкомпонент – неорганизованное пространство
система	форма	
хранилище	следы	среда
экосистема	образы	мир
инфраструктура	форма	вид
мироустройство	модель	пространство
распорядок	проект	ресурсы
среда доверия	профиль	
	барьеры	

Социальный компонент

Третья группа актантов содержит архисему социума – «человеческой общности как результата исторически сложившихся форм деятельности людей» [3, АBBYU Lingvo]. В отношении этого компонента обнаружено большее количество дифференциальных сем. Вполне логично, что выделяется субкомпонент, представляющий группу актантов, содержащих сему субъекта, некоего цифрового «лица» в цифровом обществе. Следующий субкомпонент – и

новая дифференциальная сема «действие», которая содержится в словах: управление, контроль, взаимодействие.

Другими немаловажными, исходя из параметра представленности, являются семы «отношения» и «формы организации», определившие два других субкомпонента. Таким образом, социальный компонент занимает значительный сегмент в понятийном поле «цифровое общество».

Субъект	Действия	Отношения	Системы (формы организации)
лидер	государственное управление	возможности	общество
граждане	контроль	демократия	государство
правительство	взаимодействие	согласие	СМИ
комиссар		кодекс	университет
имя			резидентство
данные пользователя			

Предметный компонент

Четвертая группа содержит архисему деятельности – «работа, занятие кого-л. в какой-л. области» [3, АBBYU Lingvo]. Актанты относятся к разным сферам человеческой деятельности, которые и были выделены в процессе классификации, а именно: экономическая, информационно-коммуникационная, образовательная, здравоохранительная, проектная.

В процессе классификации словосочетаний с прилагательным «цифровой», отражающих самые разнообразные реалии экономической сферы, мы выделили следующие субкомпоненты: субъект, объект, система, процесс.

Сема субъекта – «лицо или группа лиц, коллектив, организация, выступающие активным деятелем в каком-л. акте, процессе» [3,

АBBYU Lingvo] выявлена в одном словосочетании «цифровой работник».

Сема объекта – «явление, предмет, лицо, на которое направлена чья-л. деятельность, чье-л. внимание и т.п.» [3, АBBYU Lingvo] содержится в целом ряде словосочетаний, описывающих новые реалии в цифровой экономике.

Важное место занимает сема системы как «форма организации, общее устройство чего-л.» [3, АBBYU Lingvo].

Сема процесса как «совокупности последовательных действий, направленных на достижение определенного результата» [3, АBBYU Lingvo] также представлена довольно широко.

Экономическая сфера			
Субкомпоненты:			
Субъект	Объект	Система (формы организации)	Процесс
работник	активы	экономика	предпринимательство
	дивиденды	инфраструктура	рынок
	услуги	экономическая модель	транзакция
	рента	отрасли	распределение,
	товары	рынок	эксплуатация
	продукты	предпринимательство	торговля
	ресурсы	транспортные коридоры	промышленная кооперация
	материалы		прослеживаемость
	ваучер от государства		регулирование
	деньги		
	финансы		

Следующая сфера также содержит сему объекта «явление, предмет, лицо, на которое направлена чья-л. деятельность, чье-л. внимание и т.п.» [3, АBBYU Lingvo]. Каждый из объектов представляет систему – «система как

«форма организации, общее устройство чего-л.» [3, АBBYU Lingvo]. Объекты = системы подразделяются на материальные и нематериальные. Также словосочетания данной сферы заключают в себе сему процесса.

Информационно-коммуникационная сфера		
Субкомпоненты:		
Объекты / системы		Процессы
Материальные	Нематериальные	
проектор	платформа	связь
интеллектуальные системы	технологии	идентификация
устройство	алгоритмы	аутентификация
данные	платформенные решения	дистанционные коммуникации
идентификатор	контент	
досье	профиль гражданина	
профиль юридического лица	профиль	
	инспектор	
	платформа электронного правительства	

Субкомпоненты образовательной сферы подразделяются на характеристики, качества, результат и средства.

Образовательная сфера			
Субкомпоненты:			
Характеристика	Качества	Результат	Средства
аспекты	грамотность	оценка	информация
феномен	навыки	аналог нормативов ГТО для всех возрастов	учебно-методический комплекс
тематика	компетенции	культуры	инструменты учебной деятельности
	образование	сертификат	книга
			образовательные ресурсы
			информационная среда
			рассказ
			университет

В исследуемых статьях по сфере здравоохранения и проектной сфере представлено ограниченное количество словосочетаний с прилагательным «цифровой».

Сфера здравоохранения
медицина

Проектная сфера
повестка, риск, проект, инновации

Аксиологический компонент

Пятая группа актантов объединена по принципу наличия архисемы ценности, «которая включает предметы и явления культуры, морали, нравственности и т.п.» [3, АБВУ Lingvo]. Данные словосочетания обозначают доминантные ценности, отражающие объективные реалии цифрового общества, представленные как со знаком плюс, и таких большинство, так и со знаком минус.

безопасность, права, свободы, суверенитет, ценность, неравенство
--

Милитаристский компонент

Шестая группа актантов содержит архисему агрессии – «вооружённое нападение государства или нескольких государств на какое-л. государство с целью захвата его территории, уничтожения или ограничения его независимости, изменения его политического или общественного строя и т.п.» [3, АBBYU Lingvo]. Данные словосочетания идентифицируют возможную характеристику цифрового общества, которая не нашла отражения в определениях. Выявленные с помощью анализа лексической сочетаемости потенциальные угрозы новой цифровой формы общества расширяют понимание его понятийного поля.

экспансия, поглощение, порабощение, защита

Метафорический компонент

Восьмая группа словосочетаний представляет собой метафору – «употребление слова или выражения в переносном значении, основанное на сходстве, сравнении, аналогии; слово или выражение таким образом употреблённое [3, АBBYU Lingvo]. Образность выступает в качестве эффективного средства речевого воздействия на адресата информации за счет усиления экспрессии. Наличие метафор с термином «цифровой» свидетельствует не только и не столько о словотворческом стиле автора статьи о цифровом обществе, но и о метафорическом потенциале самого термина. Емкие метафоры – цифровая игла, цифровая копилка, цифровой мозг – не требуют интенсивных интерпретативных усилий, однако явления, стоящие за ними, получают более сильное звучание.

игла, мозг, копилка,

Темпоральный компонент

Девятый компонент был обозначен на основании одного актанта – «будущее». Однако, основываясь на частотности его употребления, мы можем сделать вывод о значимости данной составляющей в понятийном поле «цифровое общество», как минимум в русскоязычной картине мира.

В процессе выборки словосочетаний с прилагательным «цифровой» основное внимание уделялось актантам, однако мы не могли не заметить широко представленный ряд распространенных словосочетаний, где присутствовали другие прилагательные. В результате анализа были выявлены идентичные критерии классификации прилагательных, сочетающихся со словом «цифровой», – пространство, эволюция, время, ценность, деятельность. Полученные данные анализа атрибутивных сочетаний «прилагательное +цифровой+актант» верифицируют описанные выше результаты исследования.

Пространственный компонент		
национальная	цифровая	платформа
национальный	цифровой	суверенитет
национальные	цифровые	технологии
государственный	цифровой	суверенитет
глобальный	цифровой	лидер
глобальная	цифровая	платформа
глобальные	цифровые	технологии
глобальная	цифровая	трансформация
глобальное	цифровое	распределение
глобальное	цифровое	общество
объединенные распределенные	цифровые	хранилища
единый	цифровое	пространство
единый	цифровой	рынок
европейский	цифровая	экономика
тотальный	цифровой	контроль

Эволюционный компонент		
новые	цифровые	возможности
новые	цифровые	ценности
новая	цифровая	национальная культура
новое	цифровое	мироустройство
новое	цифровое	общество
новая	цифровая	информация
формирующееся	цифровое	общество
Темпоральный компонент		
грядущая	цифровая	трансформация
современные	цифровые	технологии
актуальные	цифровые	следы
будущая	цифровая	модель
Аксиологический компонент		
собственные	цифровые	технологии
безопасная	цифровая	платформа
личный	цифровой	суверенитет
бракованный	цифровой	контент
человеко-ориентированная	цифровая	эпоха
надежные и бесполезные	цифровые	ресурсы
Деятельностный компонент		
активные	цифровые	интеллектуальные системы

В результате исследования лексической сочетаемости прилагательного «цифровой» семантическое наполнение концепта «цифровое общество» можно представить в виде следующей схемы:

1. Эволюционный компонент												
субкомпоненты:												
синхронический						диахронический						
2. Пространственный компонент												
субкомпоненты:												
организованное пространство							неорганизованное пространство:					
система				форма								
3. Социальный компонент												
субкомпоненты:												
субъект				действия			отношения			системы		
4. Предметный компонент												
экономическая сфера				Информационно-коммуникационная сфера			Образовательная сфера				Сфера здравоохранения	Проектная сфера
субъект	объект	система	процесс	объекты / системы		процессы	характеристика	качества	результат	средства		
				материальные	нематериальные							

5. Аксиологический компонент
6. Милитаристский компонент
7. Метафорический компонент
8. Темпоральный компонент

Выводы:

Анализ классов слов, с которыми сочетается исследуемое прилагательное «цифровой», послужил основой расширения состава важнейших системообразующих характеристик понятия «цифровое общество». В результате анализа лексической сочетаемости слова «цифровой» были идентифицированы следующие семантические признаки, дифференцирующие понятийное поле цифрового общества: эволюционный, пространственный, темпоральный, социальный, милитаристский, метафорический, аксиологический и предметный.

На основе анализа лексической сочетаемости была выявлена сложившаяся система взаимосвязей, соотношение и соположение объектов, а также их влияние друг на друга. Сферы деятельности, в которых происходят наибольшие изменения в цифровом обществе, выявленные в процессе классификации актантов, включают экономическую, информационно-коммуникационную, образовательную, проектную сферы и сферу здравоохранения.

Дифференциальная сема «системы, как формы организации», была обнаружена в процессе анализа и классификации словосочетаний, содержащих архисемы пространства, социума, деятельности.

Рассмотрение сочетания «прилагательное + цифровой» выступило дополнительным аргументом в пользу истинности полученных ранее

результатов в процессе исследования лексической сочетаемости «цифровой+актант».

В связи с изменением значения слова «цифровой» под влиянием лексического наполнения, употреблением его как характеризующего новую форму общества у него появляются новые нетривиальные реализации сочетаемости, происходит переосмысление феномена «цифровое общество».

Анализ лексической сочетаемости языковых реалий предоставил возможность получить ответ о способах и специфике мировосприятия и ментальных процедурах, присущих представителям современного общества.

Библиографический список

1. Лешкова, О. О. К вопросу о метафорической сочетаемости лексем (на материале польского языка) URL: <http://dogmon.org/issledovanie-slavyanskih-yazikov-i-literatur-v-visshej-shkole.html?page=34> (дата обращения 7.04.2019)
2. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. 2-ое изд. М.: Большая Российская энциклопедия, 2000. 688 с.: ил.
3. Электронный словарь АBBYY Lingvo. <http://www.abbyy.ru>

УДК 572.08
ББК 63.4

ПАЛЕОПАТОЛОГИЯ НАСЕЛЕНИЯ ЭПОХИ СРЕДНЕЙ БРОНЗЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ МОГИЛЬНИКОВ НИЖНЕГО ПОВОЛЖЬЯ)⁵

Е. В. Перерва

Аннотация. Работа посвящена изучению костных останков, датирующихся эпохой средней бронзы и происходящих из подкурганых захоронений с территории Волгоградской области. Всего было исследовано 169 индивидов в различной степени сохранности. В результате изучения сборной серии удалось установить, что для населения эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья характерно незначительное количество детских захоронений, в погребениях доминируют мужчины старше 30 лет. У взрослого населения эпохи средней бронзы присутствует специфический комплекс патологий зубочелюстной системы, который характеризуется отсутствием кариеса и высоким процентом встречаемости зубного камня, пародонтоза, патологической стертости зубных коронок, дегенеративных изменений нижнечелюстного сустава, что вероятнее всего, связано с особенностями рациона, который характерен для большинства кочевых групп Нижнего Поволжья. Высокие частоты встречаемости васкулярной реакции костной ткани, маркеров эндокринных нарушений и практически полное отсутствие следов воспалительных процессов на костях, низкий процент эмалевой гипоплазии и маркеров эпизодического стресса, также сближает население средней бронзы с группами предыдущей эпохи бронзового века и кочевниками раннего железного века, по комплексу проявления патологий костной системы.

Ключевые слова: палеопатология, эпоха средней бронзы, катакомбная культура, маркеры стресса, Нижнее Поволжье.

PALEOPATOLOGY OF THE POPULATION OF THE MIDDLE BRONZE AGE (ACCORDING TO THE ANTHROPOLOGICAL MATERIALS OF LOW VOLGA REGION)

E. V. Pererva

Abstract. The work is devoted to the study of bone remains dating from the Middle Bronze Age and originating from the burial mounds of the Volgograd region. A total of 169 individuals with deferent degrees of conservation were examined. As a result of studying the group, was found that the population of the Middle Bronze Age of the Lower Volga Region is characterized by a small number of children's burials, men older than 30 years dominate in the burials. The adult population of the Middle Bronze Age has a specific complex of pathologies of the tooth system, which is characterized by the absence of caries and a high incidence of tartar, periodontal disease, pathological abrasion of dental crowns, degenerative changes in the mandibular joint, which is most likely associated with the features of the diet, which is typical for most nomadic groups of the Lower Volga. The high frequencies of the vascular reaction of skull bone tissue, markers of endocrine disorders and the almost complete absence of traces of inflammatory processes on the bones, the low percentage of enamel hypoplasia and markers of episodic stress also bring the population of middle bronze closer to the groups of the previous Bronze Age era and the early Iron Age nomads, according to the complex manifestations pathologies of the skeletal system.

Key words: paleopathology, Middle Bronze Age, catacomb culture, stress markers, Lower Volga Region.

Материал и методика исследования. Изучались 127 взрослых индивидов эпохи средней бронзы (III тыс. до н.э.) из курганных могильников с территории Нижнего Поволжья (рис. 1). Из них 81 костяка мужских и 37 женских, у 9 взрослых индивидов пол не определен, 42 скелета принадлежало, новорожденным, де-

тям и подросткам до 15 лет. Весь костный материал доступен для изучения и находится в хранилище Волгоградского государственного университета. Из 169 исследованных индивидов у 158 были доступны для изучения черепа, а у 99 человек сохранились кости посткраниального скелета.

⁵ Работа выполнена при поддержке гранта РНФ "18-18-00137 "Контакты и взаимосвязи населения Урало-Поволжских и Казахстанских степей в период бронзы и раннего железа".

При проведении исследования применялась стандартная методика изучения патологических состояний на костных останках [1; 2].

Результаты.

Искусственная деформация черепа. Из 158 исследованных черепных коробок на 37 были обнаружены следы преднамеренной искусственной деформации. У мужчин деформирована 21 черепная капсула, 7 у женщин, остальные признаки деформации зафиксированы на черепных коробках неполовозрелых индивидов. На материалах эпохи средней бронзы были выделены такие способы деформации как кольцевая (циркулярная), башенная, лобно-затылочная (подразумевающие использование специальных прессов с плоской поверхностью) и конусовидная.

Половозрастные особенности исследованной группы. Как было указано выше, исследованы костные останки от 169 индивидов. Из них 81 скелет принадлежал мужчинам и в 37 случаях останки были женские. Когорта подросткового возраста (12–16 лет) представлена 6 индивидами. Один скелет принадлежал новорожденному ребенку, в 15 случаях изучались костяки детей в возрасте от 2-х до 4-х лет, в 12 случаях от 5 до 9 лет. Грудные дети в погребениях были обнаружены 8 раз.

Средний возраст смерти без учета детей в суммарной серии составляет 34,9 лет. Данный показатель у мужчин достигает уровня в 36,5 лет, а у женщин 33,7 года.

Соотношение полов в пользу мужчин в 2,2 раза.

Патология зубочелюстной системы. Кариез на зубах людей из погребений эпохи ранней бронзы Волгоградской области зафиксирован только однажды у мужчины 30-35 лет из одиночного кургана близ хутора Водяновский. Чаще всего на зубах индивидов исследуемой серии встречается такое отклонение как зубной камень. Причем это патологическое состояние в одинаковой степени характерно как для взрослых, так и для неполовозрелых индивидов (табл. 1).

Несколько реже у населения эпохи средней бронзы наблюдаются признаки развития пародонтоза в виде оголения корней зубов и рассасывания твердых тканей альвеолярного отростка верхней и нижней челюсти (табл. 1).

Такой признак эпизодического стресса как эмалевая гипоплазия также была выявлена

на исследованных материалах. Данное патологическое состояние в одинаковой степени часто встречается как у мужчин, так и у женщин, присутствует оно также и на зубах детей и подростков.

Следы воспалительных процессов в виде развития абсцессов сравнительно редки в особенности в женской серии.

Обратим внимание, что на зубах населения эпохи средней бронзы были зафиксированы случаи встречаемости интерпроксимальных желобков (табл. 1). Данные патологические отклонения искусственного происхождения выявлены исключительно у взрослого населения.

Признаки холодового стресса. На черепах взрослых индивидов, исследуемой серии, обнаружены признаки васкуляризации костной ткани по типу «апельсиновой корки». Данное состояние костей свода черепа, ассоциирующееся рядом исследователей с воздействием низких температур. В изучаемой группе, в два раза чаще данная патология наблюдается в мужской серии (табл. 2). Интенсивность развития изменений надкостницы различные от 1 до 3 баллов.

Пальцевидные вдавления. В исследуемой выборке частота встречаемости пальцевидных вдавлений на внутренней поверхности костей свода черепа в серии взрослых индивидов достигает 43%, а в выборке неполовозрелых индивидов 37% (табл. 2). Истончение костей свода, выражается в углублении пальцевидных вдавлений (*impressiones digitatae*) окаймляющих их мозговые гребни, расширении каналов диплоических вен и венозных выпускников, усилением борозд менингеальных сосудов, и возникает у человека в результате повышение внутричерепного давления. Проявление такого рода отклонений, может происходить при развитии синдрома внутричерепной гипертензии, внутричерепных опухолях, субэпидуральных гематомах, краниостенозе и гидроцефалии, паразитарных кист и абсцессов [4, с. 222; 7, р. 370; 5, р. 55; 8, р. 223].

Признаки эндокринных нарушений. В группе выявлено 21 наблюдение внутреннего лобного гиперостоза. Пять раз патология фиксировалась у женщин и 16 раз у мужчин (табл. 2). В подавляющем большинстве случаев (15 наблюдений) костные образования на лобной кости со стороны эндокрана выявлены у взрослых индивидов в возрасте 35-45 лет, что в целом не противоречит современным клиническим наблюдениям. По три случая внутреннего

лобного гиперостоза обнаружено на черепках молодых мужчин не старше 30 лет и индивидов в возрасте за 60 лет. Степень развития патологического состояния не превышает типа «В» по I. Hershkovitz [6].

Ушной внутренней экзостоз. Выявлено 4 случая экзостоза ушного канала у мужчин в возрасте от 30 до 45 лет (могильники Аксай I, Орешкин I, Авилковский II, Майеровский). Случаи ушного экзостоза, обнаруженные на остеологических материалах катакомбного времени, является заболеванием, которое имеет средовую (прибрежную), а в ряде случаев и профессиональную специализацию. Поэтому, основываясь на данных палеоэкологии, отоларингологии, палеопатологии, археологии и краниологии, можно предположить, что зафиксированные случаи ушного экзостоза у ряда индивидов эпохи средней бронзы Нижнего Поволжья маркируют переселенцев с территории Кавказа или Северного Причерноморья, где данное патологическое состояние более характерно для представителей культур эпохи средней бронзы в силу средовых и климатических факторов [3, с. 53–65].

Маркеры нарушения обмена веществ. Случаи фиксации «Cribra orbitalia» и поротического гиперостоза костей свода черепа у взрослых индивидов единичны – всего 4 наблюдения (табл. 3). Признаки развития анемии, как и случаи пороза костей свода и лицевого отдела черепа в подавляющем большинстве случаев характерны для неполовозрелых индивидов (табл. 2).

Воспалительные процессы. Случаи воспалительных процессов на материалах эпохи средней бронзы также, как и в случае с маркерами нехватки микроэлементов редки для половозрелых индивидов и в основном характерны для детей и подростков (табл. 2, 3).

Травмы. На материалах эпохи средней бронзы травматические повреждения были зафиксированы только у взрослых индивидов (табл. 4). Серьезных различий в частотах встречаемости травм лицевого отдела черепа, костей свода черепа и костей посткраниального скелета в разнополых выборках не обнаруживается. На черепках фиксируются в основном травмы, нанесенные тупым предметом и округлым в сечении. Дефекты лицевого отдела черепа представлены в основном зажившими переломами носовых костей. Все травмы костей посткраниального скелета, вероятнее всего, являются результатом случайных или бытовых

повреждений, представлены переломами верхних и нижних конечностей.

Дегенеративно-дистрофические изменения на костях скелета. В связи с тем, что по независящим от исследователей причинам для изучения были доступны посткраниальные скелеты 99 индивидов, осуществить полноценные заключения о характере распространения различных заболеваний опорно-двигательной системы оказалось затруднительно. Тем не менее, у 24 % исследованных индивидов присутствуют признаки развития деформирующего артроза суставов скелета (табл. 4). Причем половых различий в частоте проявления патологий суставов практически нет, но в целом дегенеративно дистрофические изменения чаще фиксировались у женщин. В подавляющем большинстве случаев признаки заболеваний суставов наблюдались в локтевых, тазобедренных, коленных и крестцово-подвздошных суставах.

Достаточно часто у населения эпохи средней бронзы наблюдаются дегенеративные изменения в области позвоночника (32 %), в виде остеофитозов, остеохондрозов, спондилезов и хрящевых грыж.

Заключение

В результате проведенного палеопатологического анализа серии костяков из подкурганых захоронений эпохи средней бронзы и происходящих из могильников Волгоградской области, удалось установить следующее.

Средняя продолжительность жизни в группе 34,9 года, что в целом близко показателям, характерным синхронной выборке с территорий Ростовской и Самарской областей.

У населения эпохи средней бронзы Волгоградской области наблюдаются схожие показатели половозрастных критериев в погребениях, проявляющиеся и в других синхронных сериях, характеризующиеся низким числом детей, в особенности в возрасте до года, меньшим количеством женских погребений по сравнению с захоронениями мужчин. Можно сделать предположение, что на Нижнем Поволжье погребению в эпоху средней также как и в предыдущий период бронзового века удавались только привилегированные слои древнего общества. Вполне вероятно, что существовали и иные способы избавления от покойника. Дети могли погребаться только по достижению определенного возраста или совершения обряда перехода, что в целом характерно для древних обществ.

Близость демографических значений характерных для населения эпохи средней бронзы населению ямного периода с этой же территории, а также кочевым группам более поздних исторических эпох, скорее всего, объясняется схожим образом жизни (кочевое скотоводство) и идентичностью экологической ниши.

Подтверждение этому являются результаты палеопатологического исследования. Низкий процент встречаемости маркеров воспалительных процессов, признаков эпизодического стресса, практически полное отсутствие кариеса, наличие специфического комплекса патологий зубной системы (высокие частоты зубного камня, пародонтоза, сильной стертости эмали зубов), высокие показатели маркеров развития холодового стресса и эндокринных нарушений, свидетельствуют о том, что палеопатологический комплекс населения эпохи средней бронзы очень близок к набору признаков, который характерен для кочевников эпохи раннего железного века степной зоны Нижнего Поволжья.

У населения эпохи средней бронзы, погребенного в могильниках Волгоградской области, распространен боевой травматизм. В исследуемой группе по сравнению с выборками эпохи ранней и поздней бронзы, выявлены случаи смертельных компрессионных переломов костей свода черепа, а также травмы лицевого отдела черепа.

Наиболее мобильной и социально значимой группой населения в эпоху средней бронзы, вероятнее всего, были мужчины, что подтверждается фиксацией высоких частот встречаемости признаков холодового стресса и маркеров систематической физической перегрузки организма у мужчин, что характерно не только для исследуемой группы, но и для синхронных серий с сопредельных территорий.

В плане культурной адаптации наиболее яркими особенностями для населения эпохи средней бронзы можно считать факты распространения преднамеренной искусственной деформации черепа, а также случаи использования примитивных методов индивидуальной гигиены ротовой полости, вероятно зубочисток, что проявляется в фиксации интерпроксимальных бороздок на молярах и премолярах верхней и нижней челюсти.

Из патологических состояний, которые выделяют население эпохи средней бронзы на

фоне синхронных групп, следует указать внутренний лобный гиперостоз и внутренний ушной экзостоз. В первом случае – это маркер распространения эндокринных нарушений, который имеет самые высокие частоты по сравнению с другими сериями эпохи бронзы Нижнего Поволжья, а во втором – заболевание, имеющее географическую приуроченность, маркирующее переселенцев, пришедших в Нижневолжские степи, с территории Кавказа или Северного Причерноморья.

Библиографический список

1. Бужилова, А. П. Древнее население: (Палеопатологические аспекты исследования) / А. П. Бужилова. М.: ИА РАН. 1995. 189 с.
2. Бужилова, А. П. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях / А. П. Бужилова // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М., «Старый Сад», 1998, 260 с.
3. Перерва, Е. В. Дискретно-варьирующие признаки на костях посткраниального скелета: на примере антропологических материалов из некрополя Водянского городища / Е. В. Перерва // Вестник волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2014. № 4 (28). С. 51–70.
4. Руцкий, А. В. Рентгено-диагностический атлас: атлас. Ч. 1. Болезни опорно-двигательного аппарата / А. В. Руцкой, А. Н. Михайлов. Минск, Высш. шк. 1987, 288 с.
5. Biewer, U. Medizinische und zahnmedizinische Untersuchungen der spät-römischen Bestattungen aus den Grabungen am Abteiplatz St. Matthias und der Schöndorfer Straße zu Trier // Dissertation zur Erlangung des Grades eines Doktors der Zahnheilkunde 2007. 127 p.
6. Hershkovitz, I. Hyperostosis Frontalis Interna: An Anthropological Perspective / I. Hershkovitz, Ch. Greenwald, B. M. Rothschild, B. Latier, O. Dutour, L. M. Jellema, S. Wish-Baratz // American Journal of Anthropology. 1999. no. 109. P. 303–325.
7. Jankauskas, R. History of human tuberculosis in Lithuania: possibilities and limitations of paleoosteological evidences // Bull. Et Mem. De la Societe d Anthropologie de Paris, n.s., t. 10, 1998, no. 3-4, P. 357–374.
8. Pospíšilová B., Procházková O. Paleopathological Findings of Dry Skulls with Plagiocephaly // ACTA MEDICA (Hradec Králové) 2006, no. 49(4), P. 219–226.

ТАБЛИЦЫ

Таблица 1. Частоты встречаемости зубочелюстных патологий у населения из подкурганых захоронений эпохи средней бронзы

	Взрослые	Мужчины	Женщины	Дети
	N,%	N,%	N,%	N,%
s	117 ⁶	76	34	41
Кариес	1(0,8%)	1(1%)	0(0%)	0(0%)
Абсцесс	13(11%)	12(16%)	1(3%)	0(0%)
Зубной камень	85(73%)	57(75%)	25(74%)	18(44%)
Эмалевая гипоплазия	38(32%)	25(33%)	12(35%)	7(17%)
Потеря зуба	21(18%)	16(21%)	5(15%)	0(0%)
Пародонтоз	51(43,6%)	39(51%)	12(35%)	0(0%)
Слом коронки, сколы эмали	21(17,9%)	16(21%)	5(15%)	0(0%)
Патологическая стертость зубов	14(12%)	11(14,5%)	3(8,8%)	0(0%)
Интерпроксимальные желобки	13(11%)	9(12%)	4(12%)	0(0%)
Дегенер. изм. нижнечел. суст.	45(38%)	32(42%)	13(38%)	0(0%)

Таблица 2. Частоты встречаемости некоторых индикаторов стресса

	Взрослые	Мужчины	Женщины	Дети
	N,%	N,%	N,%	N,%
s	117	76	34	41
Васкулярная реакция костной ткани (VIP)	61(52%)	50(66%)	11(32%)	0(0%)
Поротический гиперостоз орбит (Cribra orbitalia)	3(3%)	1(1%)	2(6%)	13(32%)
Поротический гиперостоз костей свода черепа	1(1%)	0(0%)	1(3%)	5(12%)
Пороз костей черепа	4(3%)	2(3%)	2(6%)	18(44%)
Лобный гиперостоз (HFI)	21(18%)	16(21%)	5(13%)	0(0%)
Пальцевидные вдавления на костях черепа со стороны эндокрана	50(43%)	34(45%)	16(47%)	15(37%)
Воспалительные процессы на черепной коробке	4(3%)	1(1%)	3(9%)	6(15%)

Таблица 3. Показатели встречаемости периоститов посткраниального скелета у населения из погребений эпохи средней бронзы

	Взрослые	Мужчины	Женщины	Дети
	N,%	N,%	N,%	N,%
s	⁷ 73	41	25	26
Воспалительные процессы на костях посткраниального скелета	3(4%)	3(7%)	0(0%)	4(15,3%)
Периостит голени	3(4%)	3(7%)	0(0%)	4(15,3%)
Следы специфических инфекций	0(0%)	0(0%)	0(0%)	0(0%)

⁶ Указано количество исследованных черепов.

⁷ Указано количество исследованных индивидов с костями посткраниального скелета.

Таблица 4. Частоты встречаемости травматических повреждений и заболеваний суставов у населения из подкурганых захоронений эпохи средней бронзы

Локализация повреждений	Взрослые			Мужчины			Женщины		
	S	N	%	S	n	%	S	n	%
Свод черепа	117	13	11	76	9	13	34	4	12
Лицевые травмы	117	12	10	76	8	11	34	3	9
Артроз	73	24	33	41	14	34	25	10	40
Артрит	73	3	4	41	2	5	25	1	4
Посткраниальный скелет травмы	73	9	13	41	5	12	25	4	16
Посмертные изменения	73	5	7	41	2	5	25	3	12

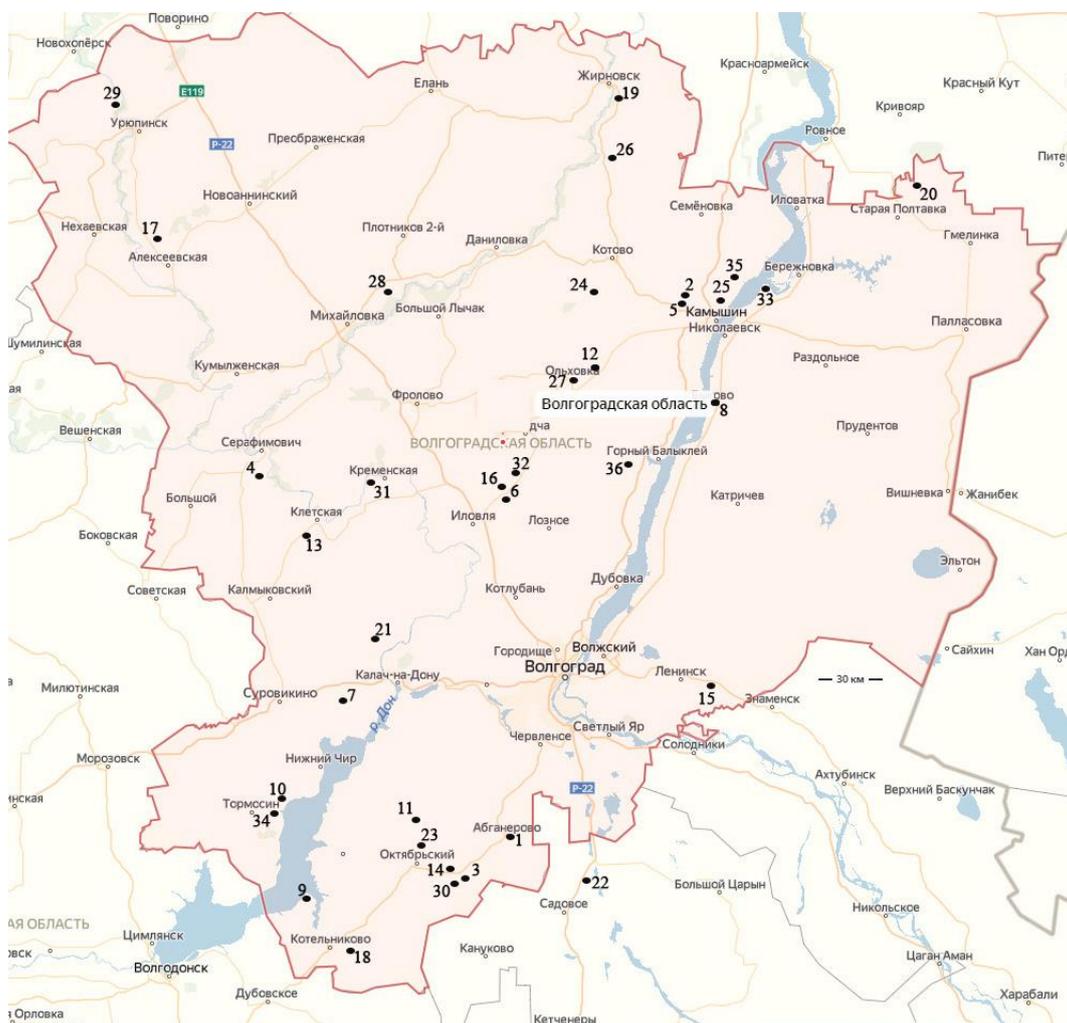

Рис. 1. Расположение могильников, из которых происходит материал исследования: 1. Абганерово; 2. Авиловский; 3. Аксай; 4. Базки; 5. Барановка; 6. Бердия; 7. Ближняя Осиновка; 8. Быково; 9. Веселый; 10. Водяновский хутор; 11. Громославка; 12. Гусевка; 13. Евстратовский; 14. Ковалека; 15. Колобовка; 16. Кондраши; 17. Красновский; 18. Ленина од. Курган; 19. Линево; 20. Лятошинка; 21. Майеровский; 22. Малые Дербеты; 23. Мариновка; 24. Моисеево; 25. Мучной; 26. Недоступов; 27. Ольховка; 28. Орешкин; 29. Первомайский; 30. Перегрузное; 31. Перекопка; 32. Писаревка; 33. Политотдельское; 34. Попов; 35. Почтарский; 36. Усть-Погожье.

СЛОВО – МОЛОДОМУ УЧЕНОМУ

THE WORD FROM YOUNG SCIENTISTS

УДК 351.855.3
ББК 67.401.122

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ В СФЕРЕ ФИЗКУЛЬТУРЫ И СПОРТА: ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ТЕНДЕНЦИИ

М. А. Опалев

Аннотация. Физическая культура и спорт – это часть социальной политики государства, одна из граней общей культуры человека, его здорового образа жизни. Уровень развития физической культуры и спорта в обществе определяет поведение человека в учебе, на производстве, в быту, в общении, способствует решению социально-экономических, воспитательных и оздоровительных задач. В связи с этим одной из важных задач социальной политики современного государства является развитие сферы физической культуры и спорта, как для укрепления здоровья нации, так и для формирования позитивного отношения к здоровому образу жизни. В статье анализируется политика Российского государства в сфере формирования спортивного резерва, и проблемы государственного управления и регулирования в данной области.

Ключевые слова: государственная политика, физкультура, спорт, тенденции развития, государственное регулирование, спортивный резерв.

STATE REGULATION IN THE FIELD OF PHYSICAL EDUCATION AND SPORTS: MAIN PROBLEMS AND TRENDS

М. А. Opalev

Abstract. Physical culture and sport are part of the social policy of the state, one of the facets of the general culture of a person, his healthy lifestyle. The level of development of physical culture and sports in society determines the behavior of a person in school, at work, at home, in communication, contributes to the solution of socio-economic, educational and health-improving tasks. In this regard, one of the important tasks of the social policy of the modern state is the development of the sphere of physical culture and sports, both to strengthen the health of the nation and to form a positive attitude towards a healthy lifestyle. The article analyzes the policy of the Russian state in the field of formation of a sports reserve, and the problems of public administration and regulation in this area.

Key words: state policy, physical education, sports, development trends, government regulation, sports reserve.

В последнее время в российском обществе заметно вырос интерес к здоровому образу жизни. По сути дела, можно говорить о том, что в России возникает новый социальный феномен, выражающийся в острой заинтересованности людей в сохранении здоровья.

Такая позиция граждан все чаще связывается с материальным благополучием и имеет выраженный экономический подтекст. Интересы общества и интересы государства здесь

совпадают, так, экономическое и социальное развитие страны не в последнюю очередь определяется здоровьем граждан [3, с. 133].

Совершенствование системы управления в сфере физической культуры и спорта находится в фокусе внимания Президента и Правительства РФ. Так, Президент В. В. Путин в своем ежегодном Послании Федеральному собранию Российской Федерации не раз отмечал, что развитие страны определяется не одними

лишь экономическими успехами, но не в последнюю очередь – духовным и физическим здоровьем нации. Владимир Путин в своем обращении к участникам и гостям VI Международного спортивного форума «Россия – спортивная держава» заявил, что развитие физической культуры и спорта в стране входит в число национальных приоритетов. «В России развитие физической культуры и спорта – в числе национальных приоритетов. Мы строим современную, удобную спортивную инфраструктуру. Все большей популярностью пользуются массовые мероприятия и возрожденный комплекс ГТО. Особую роль здесь играют регионы, муниципалитеты, поскольку путь к успеху, победам и рекордам начинается с дворовых спортивных площадок, с районных детско-юношеских сессий и любительских клубов» [5].

Важнейшая задача государственной политики в сфере физической культуры и спорта – формирование оптимальной отраслевой модели управления, в которой будут четко распределены и согласованы компетенция и полномочия, функции и ответственность всех субъектов физкультурно-спортивной деятельности как на федеральном уровне, так и на уровне субъектов Российской Федерации и местных органов власти.

Благодаря принятым в последние годы в Российской Федерации комплексу мер по поддержке развития физической культуры и спорта, решениям о поддержке спортивных организаций и другим проектам удалось преодолеть тенденцию неуклонного снижения потенциала отрасли. Однако дальнейшее эффективное решение задач возможно только на основе развитой спортивной инфраструктуры с применением современных методологических решений. При этом область физической культуры и спорта многогранна, охватывает различные сферы деятельности, отличающиеся содержанием реализуемых внутри них мероприятий и целевыми аудиториями.

Эти сферы, включающие массовую физическую культуру и спорт, детский спорт, формирование и подготовку спортивного резерва, а также подготовку спортсменов сборных команд Российской Федерации, образуют единое целое. Нерешенность проблем отдельных направлений приводит к отсутствию стабильного результата у всей отрасли. Соответственно, комплексное решение возможно

только на основе инфраструктурных решений по всем соответствующим направлениям.

Государственная власть в программных документах по развитию физической культуры и спорта в России четко определила свое видение национального приоритета здесь. В Стратегии развития физической культуры и спорта в РФ, принятой еще в 2009 году и рассчитанной до 2020 года, говорится что «...расходы государства на занятия граждан физической культурой и спортом являются экономически эффективным вложением в развитие человеческого потенциала и улучшение качества жизни граждан России» [8].

Задачи по реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта в субъектах Российской Федерации решаются органами представительной и исполнительной власти и утверждаются в соответствии с законодательством Российской Федерации. Координация деятельности федеральных органов исполнительной власти по реализации государственной политики в сфере физической культуры и спорта в Российской Федерации осуществляется уполномоченным федеральным органом исполнительной власти с учетом межведомственного подхода.

Таким органом в Российской Федерации является Министерство спорта Российской Федерации. Именно Минспорт создает в спортивной сфере действующий механизм, который обеспечивает целый ряд важных функций государства, связанных с разработкой и внедрением государственных программ физического воспитания населения, подготовкой и повышением квалификации специалистов; осуществление организационных, научно-информационных, методических и пропагандистских мероприятий, связанных с развитием массовой физической культуры; руководство развитием науки и внедрением научных исследований в физкультурно-спортивную практику. Общая государственная политика в сфере физической культуры и спорта складывается из нескольких направлений. Это государственная политика в сфере спорта и международного сотрудничества, олимпийского движения, спорта высших достижений, адаптивной физкультуры и спорта, физической культуры и спорта, и подготовки олимпийского резерва [4]. По каждому из направлений в Минспорта разработан ряд программ с конкретными целями и задачами.

Еще одной структурой, курирующей рассматриваемую отрасль, является Комитет по физической культуре, спорту туризму и делам молодежи, действующий в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации, который призван способствовать эффективному управлению сферой физической культуры и спорта на законодательном уровне.

Президент Российской Федерации уделяет большое внимание развитию физической культуры и спорта. В 2002 году с целью информирования главы государства о положении дел в сфере физической культуры и спорта, обеспечения его взаимодействия с физкультурно-спортивными объединениями, физкультурными, спортивными организациями и деятелями физической культуры и спорта, выработки предложений по актуальным вопросам государственной политики в области физической культуры и спорта был создан консультативный орган – Совет при Президенте Российской Федерации по физической культуре и спорту.

На реализацию общей стратегии развития физической культуры и спорта в стране при тесном взаимодействии с государственными органами управления направлена деятельность Олимпийского комитета России, федераций по видам спорта, различных ассоциаций, союзов, обществ.

Олимпийский Комитет России – это общественная организация, перед которой стоят следующие основные задачи:

- всемерное развитие олимпийского движения в стране;
- содействие распространению спорта для всех;
- пропаганда физической культуры и спорта среди народа, используя все средства массовой информации;
- повышение престижа российского спорта на международной арене;
- защита интересов спортсменов, тренеров, спортивных судей, ветеранов спорта;
- содействие внедрению достижений научно-технического прогресса в практику работы спортивных организаций.

В современном мире спорт стал не только заметным социальным, но и политическим фактором. Привлечение широких масс населения к занятиям физической культурой, состояние здоровья населения и успехи на

международных состязаниях являются бесспорным доказательством жизнеспособности и духовной силы любой нации. В связи с этим стратегической целью в этой сфере является создание условий, обеспечивающих возможность для граждан страны вести здоровый образ жизни, систематически заниматься физической культурой и спортом, получить доступ к развитой спортивной инфраструктуре, а также повысить конкурентоспособность российского спорта [8].

Понимание того, что будущее любой страны во многом определяется здоровьем членов общества, привело к усилению роли физической культуры и спорта в деятельности государства и общества и активному использованию физической культуры и спорта в поддержании и укреплении здоровья населения. Однако в долгосрочном периоде развития данной сферы выделяют несколько ключевых проблем. Во-первых – фиксируемое с 1990-х гг. ухудшение здоровья, физического развития и физической подготовленности населения; во-вторых, отсутствие эффективной системы детско-юношеского спорта, отбора и подготовки спортивного резерва для спортивных сборных команд страны; в-третьих, усиление глобальной конкуренции в спорте высших достижений [8].

Для решения последних двух проблем особое значение имеет создание спортивного резерва. Спортивный резерв – лица, проходящие спортивную подготовку в целях включения их в состав спортивных сборных команд, в том числе спортивных сборных команд Российской Федерации [1].

В настоящее время при поддержке государства, идет активное формирование спортивного резерва по разным видам спорта.

Ранее в СССР спортивные школы создавались и действовали в системе профсоюзов, ведомств и добровольных спортивных обществ, которые в полном объеме осуществляли материально-техническое обеспечение спортсменов и их участие в тренировочных сборах и спортивных соревнованиях. [3].

В 90-х годах XX века были утрачены действовавшие ранее рычаги государственного управления подготовкой спортивного резерва. Территориально-ведомственная организация подготовки спортивного резерва, обеспечивающая как массовость, так и высокий уровень качества подготовки, уступила место территориальной организации.

Спортивные федерации не могли в полной мере влиять на процессы подготовки спортивного резерва на региональном уровне, а полномочия муниципалитетов и субъектов Российской Федерации по подготовке спортивного резерва для спортивных сборных команд были закреплены законодательством Российской Федерации только в 2015 году.

Сложилась практика, при которой в подготовке спортивного резерва принимало участие множество физкультурно-спортивных организаций с различными целями и задачами, ведомственной подчиненностью и источниками финансирования, подходами к оценке эффективности их деятельности, так как эта деятельность регулировалась разным законодательством. Отсутствие четко обозначенной роли и места каждой физкультурно-спортивной организации привело к дублированию функций, неэффективному использованию имеющихся ресурсов, не позволяло выстроить единые, прозрачные механизмы управления системой подготовки спортивного резерва в Российской Федерации.

В связи с этим назрела необходимость модернизации системы подготовки спортивного резерва, направленной на оптимизацию и систематизацию указанных организаций в части их наименований, статуса и видов деятельности [1]. В рамках проводимой модернизации часть организаций дополнительного образования физкультурно-спортивной направленности, ориентированных на подготовку спортивного резерва и имеющих высококвалифицированный тренерский состав, была переведена в организации, осуществляющие спортивную подготовку, – спортивные школы и спортивные школы олимпийского резерва [6].

Активная фаза формирования отраслевой сети организаций, осуществляющих спортивную подготовку, пришлась на 2016–2017 годы.

На основании информации, представленной органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области физической культуры и спорта, в 2018 году 2672 физкультурно-спортивные организации перешли на программы спортивной подготовки, что составляет 84,6 % численности физкультурно-спортивных организаций ведомственной принадлежности в сфере физической культуры и спорта [1, 2].

Общая численность лиц, занимающихся в

системе подготовки спортивного резерва, составляет 3 385 855 человек, из них 3 290 626 человек являются спортсменами и 95 229 человек – тренерами [4]. Принятие в субъектах Российской Федерации, осуществляющих подготовку спортивного резерва, дорожных карт, направленных на доведение уровня финансирования услуг по спортивной подготовке по базовым видам спорта до уровня, предусмотренного федеральными стандартами спортивной подготовки, позволило в 2017 году увеличить (по сравнению с предыдущим годом) объемы финансирования организаций, осуществляющих спортивную подготовку, на 13,5 млрд руб. (со 132,1 млрд руб. до 145,6 млрд руб.) за счет средств бюджетов всех уровней и средств внебюджетных источников (в том числе на заработную плату – на 8 млрд руб., спортивную подготовку – на 1 млрд руб.). [3]. Также были введены отраслевые корректирующие коэффициенты, направленные на сокращение в первую очередь региональных и муниципальных расходов на спортивную подготовку на этапе начальной подготовки в 4 раза, а на тренировочном этапе – в 2 раза [7]. Данная мера позволяет субъектам Российской Федерации набирать дополнительные группы или увеличивать финансирование уже существующих групп.

Развивается система проведения спортивных мероприятий, которые являются эффективным механизмом отбора спортивно одаренных детей. При этом субъекты Российской Федерации имеют недостаточное ресурсное и финансовое обеспечение, что негативно отражается на эффективности деятельности субъектов Российской Федерации по подготовке спортивного резерва.

Ключевым вопросом для успешной реализации государственной поддержки в сфере спорта является кадровое обеспечение отрасли. В целом по Российской Федерации в 2017 году число тренеров с высшим профессиональным образованием в области физической культуры и спорта составило 71,6 % штатной численности тренеров, число тренеров, имеющих среднее профессиональное образование, – немногим больше 10 %, а 18,3 % штатных тренеров не имеет профессионального физкультурного образования. При этом наблюдается тенденция к увеличению количества тренеров, имеющих профильное высшее образование, благодаря внедрению отраслевых профессиональных стандартов [4].

Повышение требований к качеству подготовки спортивного резерва диктует необходимость изменения процесса подготовки специалистов отрасли, формирования новой генерации тренеров, обладающих знаниями особенностей взросления детского организма, соответствующих нагрузок с учетом сенситивных периодов без форсированной подготовки.

Кроме того, необходимо совершенствовать систему дополнительного профессионального образования тренерских кадров с ориентацией на совершенствование их прикладных профессиональных компетенций.

Важным механизмом мотивации специалистов и роста профессионального мастерства тренерских кадров является совершенствование системы оплаты труда на основе единых подходов с учетом необходимости стимулирования тренеров к переходу спортсмена на более высокий этап спортивной подготовки, в том числе в иную организацию, осуществляющую спортивную подготовку. Требуют решения вопросы социальной защиты работников отрасли физической культуры и спорта.

В связи с усилением конкуренции в спорте необходимо постоянное совершенствование качества методического, научно-методического, медико-биологического обеспечения, развитие экспериментальной и инновационной деятельности в системе подготовки спортивного резерва.

Начало 2018 года стало периодом стабилизации в системе подготовки спортивного резерва, когда большинство субъектов Российской Федерации провели плановые мероприятия по формированию региональных систем подготовки спортивного резерва с учетом специфики региона, привели законодательство субъектов Российской Федерации в соответствие с законодательством Российской Федерации и теперь готовы к дальнейшему интенсивному развитию. Таким образом, можно говорить о сформированной спортивной отрасли как самостоятельной отрасли социальной сферы, имеющей сложившуюся структуру управления, нормативно-правовую базу, финансовое обеспечение по разделу «Физическая культура и спорт» классификации расходов бюджетов, а также отраслевую сеть организаций, осуществляющих спортивную подготовку.

В настоящее время необходимо сохра-

нить и улучшить традиции отечественного физкультурно-спортивного движения и продолжить поиск новых высокоэффективных физкультурно-оздоровительных и спортивных технологий, направленных на максимальное вовлечение всех слоев населения в активные занятия физической культурой и спортом.

С учетом вышеизложенного назрела необходимость разработки единого механизма взаимодействия различных министерств и ведомств, общественных организаций, ученых и специалистов. Такая политика взаимодействия субъектов должна быть направлена на создание максимально благоприятных условий для оздоровления людей в целом, а также на местах: в трудовых коллективах, в образовательных учреждениях, по месту жительства, в местах отдыха и т.д. Консолидация усилий позволит привести в четкую систему и укрепить нормативную правовую базу осуществления государственной политики в области физической культуры и спорта.

Библиографический список

1. Вырупаев, В. К. Актуальные вопросы формирования системы подготовки спортивного резерва в Российской Федерации / В. К. Вырупаев, Д. П. Антонов, Н. А. Титова, Б. Н. Найданов // Наука и спорт: современные тенденции. 2018. № 3(20).
2. Доклад заместителя Министра спорта Российской Федерации Ю. Д. Нагорных «Развитие системы подготовки спортивного резерва на период до 2020 года и совершенствование государственного регулирования деятельности организаций, осуществляющих спортивную подготовку». URL: https://www.minsport.gov.ru/sport/podgotovka/arkhiv/7510/?sphrase_id=692096 (дата обращения 10.12.2018).
3. Курамшина К. С. Ситуация в области массового спорта промышленного региона сквозь призму социологии / К. С. Курамшина // Вестник Казанского технологического университета. 2011. № 24.
4. Министерство спорта Российской Федерации. URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/> (дата обращения 10.02.2019)
5. Путин, В. В. Развитие физкультуры и спорта является одним из национальных приоритетов URL: <https://www.gazeta.ru/sport/>

news/2016/10/10/n_9202541.shtml (дата обращения 03.12.2018)

6. Распоряжение Правительства РФ от 17 октября 2018 г. № 2245-р «Об утверждении концепции подготовки спортивного резерва в РФ до 2025 г. и плана мероприятий по ее реализации» URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71985098/> (дата обращения 14.12.2018).

7. Сводный отчет 5-ФК за 2017 год, раздел 8 URL: <https://www.minsport.gov.ru/sport/podgotovka/82/1452/> (дата обращения 21.01.2019).

8. Стратегия развития физической культуры и спорта в Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена распоряжением правительства Российской Федерации от 7 августа 2009 г. № 1101-р URL: <https://www.minsport.gov.ru/activities/federal-programs/2/26363/> (дата обращения 12.02.2019).

9. Федеральный закон от 04.12.2007 N 329-ФЗ (ред. От 28.07.2012, с изм. от 03.12.2012) «О физической культуре и спорте в Российской Федерации»

10. Экономико-правовые аспекты физической культуры и спорта. М.: Национальный юридический центр, 2009. 135с.

УДК 32.019.51

ББК 66.09

ТЕХНОЛОГИИ КОНСТРУИРОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПОВЕСТКИ ДНЯ В МЕДИАСФЕРЕ

Н. И. Кривошеева

Аннотация. В статье обоснованы актуальность изучения политической повестки дня, её формирование и функционирование в современной медиасфере; уделено внимание научно-теоретическому анализу концепта «медиасфера», принципам теоретического и методологического обоснования политической повестки дня; охарактеризованы технологии и условия её конструирования

Ключевые слова: политическая повестка дня, медиасфера, СМИ, политическая коммуникация, технологии конструирования.

TECHNOLOGIES OF CONSTRUCTING THE POLITICAL AGENDA IN THE MEDIA SPHERE

N. I. Krivosheeva

Abstract. The article substantiates the relevance of the study of the political agenda, its formation and functioning in the modern media sphere; focuses on the scientific and theoretical analysis of the concept of "media sphere", the principles of theoretical and methodological justification of the political agenda; describes the technology and conditions of its construction.

Key words: political agenda, media sphere, mass media, political communication, construction technologies.

В современной политической науке Запада и России динамично развивающимся направлением является исследование формирования политической повестки дня (agenda-setting) в процессе принятия политических решений. Данный рост исследовательского интереса объясняется латентностью процесса принятия решений для общества и экспертов, что делает затруднительным его исследование. Отсюда внимание исследователей концентрируется на процессах, структурирующих повестку дня для принятия политических решений.

В этой связи актуализируется потребность в научно-теоретическом анализе разнообразия социально-политических проблем, составляющих повестку дня, динамики конкуренции между ними, механизмов и способов внесения общественной проблемы в публичную политическую повестку дня, а также объяснение того, чем обуславливается внимание политиков, журналистов и общественности к тем или иным проблемам, и недооценка, игнорирование других проблемных ситуаций.

Необходимым условием для коммуникации участников политического процесса является наличие медийного пространства, в котором каждый из участников стремится стать субъектом формирования повестки дня. Актуальность данной темы обусловлена характером современной медиасферы, усиливающейся медиатизацией политики, возрастанием новых медиа, аккаунтов статусных фигур в сети Интернет (блогеров, лидеров мнений), воздействующих на деятельность СМИ в конструировании национальной и региональной повестки дня в России и в мире и, следовательно, возрастанием политической субъектности самих акторов коммуникации. Данный научно-теоретический анализ позволит выявить и обосновать условия и технологии, определяющие попадание одних общественных проблем в политическую медийную повестку дня, в то время как другие остаются вне её.

Анализ концепта медиасферы позволяет объяснить, как её можно применять в исследовании процесса конструирования политической повестки дня. Анализ зарубежной и отечественной литературы показывает, что понятие «медиасфера» на сегодняшний день не является строго концептуализированным, но некоторые представления о ней уже сложились. «Это массовые коммуникации, журналистика, искусство, церковь, политические институты – все, что собирает аудиторию, обращается к ней, вторгается в общественное сознание и само в нем функционирует. Это медиареальность, которая образуется в процессе коммуникации. Так что в социально-философском представлении теория медиасферы, видимо, является синтезом теорий культуры, политики, журналистики и массовых коммуникаций» [5, с. 17]. Данное понятие анализируется в контексте теории коммуникаций, журналистики, философии, культурологии, политологии, экономики, социологии.

Принимая к сведению тот факт, что понятие медиасферы находится на этапе становления, охарактеризуем его сегодняшнее развитие в современной теории коммуникаций. Значение медиа для политической сферы выражается в том, что современная политическая коммуникация демонстрирует две тенденции: аблакировка СМИ и политических технологий; главенствующая роль социальных медиа, которые обезличивают СМИ как традиционного канала и взаимодействуют с аудиторией непосред-

ственно. Функционирование СМИ, журналистов, связанных с властными структурами и полномочиями, и политических субъектов можно охарактеризовать термином «медиакратия». Классическая схема функционирования медиакратического взаимодействия включает интеракцию политических акторов, журналистики и аудитории (потребители) СМИ. В узком смысле медиакратия – это власть СМИ, с которыми политики вынуждены считаться по поводу социальных тем и проблем. Относительно политической повестки дня, интересно то обстоятельство, что медиакорпорации могут влиять на её формирование, вовлекаясь в процесс принятия политических решений.

По утверждению М. Кастельса, политика в современном сетевом обществе – «есть медиаполитика, сконцентрированная на политике скандалов и связанная с глобальным кризисом политической легитимности, оспаривая тем самым принципы демократии в мире» [4, с. 45]. В формирующемся медиакратическом обществе происходит процесс преобразования парламентско-представительной системы в медиапредставительную.

Функционирование медиасферы иллюстрирует процесс трансформации информационного повода (инфоповода) в медиатекст. Роли (актор, коммуникационные агентства, СМИ) могут меняться. В частности, СМИ становятся актором, а не каналом, если они являются причастными к событию, ставшему инфоповодом. Аудитория в данной концепции не является отдельным элементом медиасферы. Критерием значимости информации выступает количество аудитории, интересующейся данной информацией.

Проанализируем структуру медиасферы, её функционирование и факторы. В структуру медиасферы входят следующие элементы, связанные пространством медиатекстов и совокупностью регуляторов (нормативно-правовых и этических):

Производители и распространители медиатекстов (институциональные и не институциональные акторы):

- традиционные СМИ (печатные и аудиовизуальные);
- новые медиа;

Средства массового воздействия (кино, театр, массовые зрелища, художественная литература и т. д.);

Потребители медиатекстов (аудитория);

Взаимосвязи и отношения между СМИ и аудиторией.

Охарактеризуем функционирование медиасферы, в которой конструируется и функционирует политическая повестка дня. В качестве актора выступает субъект и объект коммуникации, который «запускает» (инициирует) информационный повод или повод возникает независимо от действий актора. Когда инфоповод создан искусственно, актер (политик, общественная организация, коммерческая компания и т. п.) скорее всего обращается к услугам коммуникационных агентств и формирует поводы вместе с ними. В итоге сформированный информационный повод попадает к аудитории с помощью СМИ.

Важно подчеркнуть двойственную роль СМИ: с одной стороны – это только лишь медиаканал, опосредующий подачу информации от отправителя к адресату (месседж в социальных сетях, пост в блоге и т. п.). В этом случае информация не изменяется. С другой стороны, СМИ являются полноценным актором процесса коммуникации, создающим информационный повод.

Выделим следующие факторы, оказывающие влияние на формирование повестки дня в медиасфере:

Социальный фактор заключается в уровне медиапотреблении аудитории, доверии к СМИ, в возможности каждого компонента медиасферы (СМИ, инфоповода, аудитории) инспирировать запуск информации в коммуникативно-информационном процессе;

Экономический фактор означает следующие показатели: число СМИ на медиарынке, их структурная презентация (тиражи газет, диапазон радио, телевидение, новые медиа; массмедиа и элитарные СМИ);

Технологический фактор определяет степень инфильтрации интернета, позиции новых медиа и социальных сетей в конструировании повестки дня в сфере современных медиа;

Политический фактор: законодательство, централизованность / децентрализованность медиасферы. В. А. Филиппова обозначает данное свойство как «федерализм в формировании повестки дня». При исследовании государств с федеративным устройством с помощью данного фактора можно изучать самостоятельность и автономность регионов, а также влияние их локальной повестки дня на национальную.

Итак, под медиасферой в широком смысле можно понимать сферу общественной жизни, связанную с функционированием любых коммуникационных посредников (СМИ, новых медиа) и включающую процесс производства, распределения, обмена и потребления медиатекстов.

Политическая повестка дня в медиасфере функционирует как совокупность отобранных и внесенных в публичный дискурс сообщений; как заказ медиа политической элиты; как поле смыслов аудитории, фильтрующей информацию на важную и второстепенную. В системе политической коммуникации СМИ способствуют смещению политических процессов в медиасферу и являются главным инструментом презентации политических акторов и повестки дня.

Политическая повестка дня представляет собой ряд актуальных вопросов, по поводу которых сформировано или формируется общественное мнение; это «совокупность актуальных социальных проблем, отражающих те потребности общества или отдельных групп интересов, на которые политики и администраторы готовы и способны реагировать» [3, с. 164].

С нашей точки зрения, исходя из анализа основных теоретико-методологических направлений изучения повестки дня наиболее перспективным представляется конструкционистский подход, представленный Г. Блумером, М. Спектором и Дж. Китсьюзом, а также концепция публичных арен С. Хилгартнера и Ч. Боска, разработанная в рамках указанного подхода. Целесообразность применения конструкционизма для исследования политической повестки дня можно объяснить следующим образом. Представления людей о значимости каких-либо проблем, событий являются сконструированными. Термин «конструирование» (от латинского слова *construere*) понимается как процесс создания устройства, модели, построение, проектирование, соотнесение частей, предметов, компонентов. Конструирование политической повестки дня в данном исследовании можно интерпретировать как процесс наделения каких-либо условий или ситуаций статусом политической проблемы, признания и идентификации их таковыми.

Данный подход позволяет: 1) интерпретировать политическую повестку дня не как сово-

купность объективных проблем, а с точки зрения её определения и восприятия в обществе; как формирование проблематизирующей риторики, то есть процессов определения людьми каких-либо ситуаций как нежелательных, опасных, угрожающих; 3) объяснить почему одни проблемы попадают в политическую публичную повестку дня, а иные остаются вне фокуса публичности. Следовательно, «строительство» (конструирование) политической повестки дня реализуется на пересечении «публичных арен»: традиционных и новых СМИ, социальных, политических институтов, гражданских организаций, групп влияния, политиков и администраторов. На этих аренах социальные проблемы конкурируют за первенство попасть в публичную политическую повестку дня.

Таким образом, в контексте нашего исследования политическая повестка дня интерпретируется как совокупность предполагаемых условий или ситуаций, на которые повесткообразующие субъекты «наклеивают ярлык» социально-политических проблем, выражающих потребности общества, на которые субъекты государственного управления готовы обратить внимание и способны реагировать. Политическая повестка дня включает проблемы, для разрешения которой мобилизуются государственные ресурсы, и также совокупность вопросов, отобранных политиками и администраторами.

Чтобы обеспечить восприятие аудиторией предложенных сведений, привлечь внимание, в медиасфере используются определенные способы и алгоритмы. Охарактеризуем основные технологии конструирования политической повестки дня в медиасфере:

1. Первая технология – коммуникационная, «чаще всего применяемая в ходе избирательных кампаний, заключается в создании событий, позволяющих ньюсмейкеру подчеркнуть свои преимущества в сравнении с потенциальными конкурентами» [1, с. 8]. Например, в случае если медиаповестка государства фокусирует внимание аудитории на проблемах в области экономики, то вероятно избиратели предпочтут кандидата, который успешен в экономике (бизнесмена или главу процветающего региона). Если в СМИ главной темой является угроза безопасности со стороны международного терроризма или внутреннего сепаратизма, то, может быть, избиратели выберут сильного

лидера, представителя силовых ведомств. Вместе с тем, в коммуникационной технологии выделяются стратегии конструирования повестки дня, в основе которых лежит учет массовой психологии и специфика профессиональной деятельности средств массовой коммуникации: презентация новой проблемы как варианта старой, которая аудитория уже знакома; персонализация проблемы;

2. Вторая технология представляет собой смещение коммуникативных акцентов с интерпретаций на факты. Создание событий, претендующих на новостной статус – это одна из главных функций в коммуникации. Аудитории необходимы не просто факты, а новости. Политики, медиа-контролеры, корпорации, желая завладеть и сохранить положение в публичной повестке, вынуждены непрерывно производить новостные события;

3. Третьей технологией конструирования повестки дня является непрерывное отслеживание изменений повестки дня посредством методов эмпирических исследований. Например, к данной технологии можно отнести оценки и рейтинги престижных международных рейтинговых агентств и аналитических центров. Мониторинг средств массовой информации и акцентирование самых актуальных тем является повседневной работой специалистов в сфере коммуникации. С помощью современных компьютерных технологий этот процесс автоматизируется. Сегодня на рынке функционируют программы, отслеживающие повестку дня в медиасфере. Одна из наиболее популярных программ называется «Agenda»;

4. Четвертая технология конструирования повестки дня заключается в форсировании «негативного фильтра», пропускающего в повестку дня негативную информацию. Современная повестка дня наполнена в большей степени негативными сюжетами, инициирующими благодаря психологическим особенностям наибольший интерес аудитории. Следовательно, существует возможность целесообразности диффузии в повестку дня политических субъектов и корпораций, имеющих целью формирование и презентацию своего позитивного имиджа. Данная технология состоит из двух дополняющих друг друга стратегий:

- Первая стратегия заключается в том, чтобы увязать имидж организации с разрешением какой-либо социально-политической проблемы, распространенной в медийной повестке

дня посредством негативных тем и сюжетов. Например, компания занимается производством экологических товаров и имеет возможность употребить преимущества соответствия повестке дня с темой загрязнения окружающей среды. Она также может предложить проекты законов по регулированию вопросов защиты природы. Следовательно, партиям, организациям получается сохранить соответствие отрицательной повестке дня и свой положительный имидж;

- Вторая стратегия заключается в использовании лоббистских возможностей для влияния на правительственную повестку дня. СМИ не могут пренебрегать месседжами ньюсмейкеров, имеющих государственно-властные полномочия. Такая стратегия «проницания» в медийную политическую повестку может быть проще и продуктивнее, нежели непосредственное взаимодействие со СМИ;

Специфика пятой технологии связана с спецификой рутинной деятельности СМИ по производству информационного контента, новостных сюжетов и заключается в большей зависимости процесса создания информационного продукта от источников информации. Следовательно, «источники», своевременно обеспечивающие актуальной информацией, имеют возможность воздействовать на медийную повестку дня. Также, из многочисленных случающихся событий на статус новостей, заслуживающих внимания СМИ, имеют притязания те, которые отвечают их «формату». Постепенно образовался слой посредников (медиаторов) между теми, кто производит новости (в том числе представители различных элит) и журналистами, редакциями. Данная деятельность обозначается специальным понятием «спин-докторинг» (англ. spin doctoring). На русский язык это слово переводят как медиа-манипулирование или менеджмент новостей. Спин-докторинг – это технология корректирования освещения и интерпретации в массмедиа события, имеющего неблагоприятный оттенок; подача события в более благоприятном свете. Западные исследователи так определяют понятие «спин-доктор» – это специалист по связям с общественностью, в основном из политической сферы, стремящийся повлиять на общественное мнение путем искажения информации, которую аудитория получает в СМИ. Объект воздействия спиндоктора – общественное мнение, главный инструмент – средства массовой коммуникации, через которые он

влияет на образ события, персоны в сфере медиа. Этапы освещения события спиндоктором заключаются в следующем порядке: отбор – событие – освещение – общественный резонанс. Спин-доктор (менеджер новостей) предлагает СМИ свой вариант интерпретации события, также он «готовит ожидания» аудитории. Основная черта спин-докторинга – способность обставить ситуацию таким образом, чтобы сделать отбор наиболее эффективного и «успешного» контента, предоставив их значимым каналам, определив лучшее время. Спин-доктор фактически «конструирует» проблему, событие, сюжет, фокусируя внимание на умалчивании или обнаружении вопросов, тем. Например, показ засыпающего во время выступления политика, закадровые комментарии, вытаскивание некоторых цитат могут существенно оказать манипулятивное воздействие и изменить отношение аудитории к событию либо персоне.

Среди условий, определяющих конструирование политической повестки дня в медиасфере можно выделить: социально-экономическое положение; устойчивые демократические/авторитарные традиции; информационная открытость/закрытость; подчинение медиaproстранства административным интересам; преобладание одной/нескольких политических сил в пространстве медиасферы; возможное преобладание среди повесткообразующих субъектов медиасферы государственных акторов и СМИ, медиа-организаций; монополизм властвующей политической партии в политическом пространстве; присутствие НКО и иных общественных организаций в демонстрациях и презентациях, новостях и репортажах СМИ; медийное присутствие оппозиционных политических структур и др.

Библиографический список

1. Ачкасова, В. А. Принцип повестки дня как доминанта медийного пространства // Журналистский ежегодник. 2012. № 1.
2. Буряк, М. А. Медиасфера: концептуализация понятия // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Вып. 2. 2014. С. 200–212.
3. Дегтярев, А. А. Процесс принятия и осуществления решений в публично-государственной политике динамический цикл и его основные фазы // Полис. Политические исследования. 2004. № 4.

4. Кастельс, М. Власть коммуникации / пер. с англ. Н. М. Тылевич; под науч. ред. А. И. Черных; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2016. 565 с.

5. Сидоров, В. А. Публичный дискурс и медиасфера: условия и субъекты функционирования // Журналистский ежегодник. Раздел I. Журналистика и вызовы времени. 2013. С. 65–77.

6. Спектор, М., Китсьюз, Дж. Конструирование социальных проблем / М. Спектор, Дж. Китсьюз. Контексты современности – II. Казань, 2001. С. 160–164.

7. Филиппова, В. А. Формирование политической повестки дня в современных медиасферах (на примере России и Бразилии 2010–2014 гг.): дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02 / Филиппова Виктория Александровна; [Санкт-петербургский государственный университет]. СПб., 2016. 204 с.

8. Хилгартнер, С., Боск, Ч. Л. Рост и упадок социальных проблем: концепция публичных арен // Социальная реальность. 2008. № 2.

УДК 336.14.01

ББК 65.261

ПОДХОДЫ К ОПРЕДЕЛЕНИЮ КАТЕГОРИИ «БЮДЖЕТ» И ЕГО ФУНКЦИОНАЛЬНОЕ НАЗНАЧЕНИЕ

Ю. С. Савельева

Аннотация. В статье рассмотрены подходы различных авторов к пониманию категории «бюджет», а также особенности построения законодательной дефиниции данного понятия. Определены роль и место бюджета в рыночной экономике через совокупность его функций. Установлена взаимосвязь бюджета с социально-экономическими процессами и направлениями реализации бюджетной политики.

Ключевые слова: общественные финансы, бюджет, бюджетный план, бюджетный фонд, функции бюджета, бюджетная политика.

APPROACHES TO DEFINING THE CATEGORY OF «BUDGET» AND ITS FUNCTIONAL PURPOSE

Y. S. Savelyeva

Abstract. The article deals with the approaches of different authors to the understanding of the category «budget», as well as the peculiarities of the legislative definition of this concept. Defined role and place of budget in the market economy through a set of its functions. The article also defines the relationship of the budget with the socio-economic processes and directions of the budget policy.

Key words: public finance, budget, budget plan, budget Fund, budget functions, budget policy.

Бюджет является главным звеном финансовой системы государства. Динамическое развитие и перестройка финансовых отношений выдвигают новые требования к построению и устройству бюджетной системы и управлению бюджетным процессом. Следовательно, бюджет должен превратиться в весомый инструмент управления общественными финансами и социально-экономическими процессами в целом. Несмотря на то, что в последние годы отмечается активизация законодательного нормотворчества в сфере бюджетных отношений и

управления общественными финансами, теоретические и методологические вопросы в данной области не получают достаточного освещения.

Теоретическим и методологическим вопросам организации общественных финансов посвящены работы А. М. Бабич, С. В. Барулина, О. В. Врублевской, А. М. Година, Л. А. Дробозиной, А. С. Колесова, Т. Г. Нестеренко, И. К. Подпориной, Г. Б. Поляка, В. М. Родионовой, М. В. Романовского, Б. М. Сабанти, Н. М. Сабитовой и др. Несмотря на наличие ши-

рокого круга работ, посвященных общественным финансам, следует отметить, что не все аспекты их функционирования и совершенствования нашли должное отражение в научных исследованиях.

Большая часть научных работ, равно как и правовых актов, акцентирует внимание на прикладных вопросах. Так, среди ученых нет единого мнения относительно понимания сущности категории «бюджет», его роли и значения в социально-экономической жизни и места в общественных финансах, что и предопределяет актуальность исследуемой проблемы.

Бюджеты публично-правовых образований являются центральным элементом общественных финансов. Следовательно, особенности использования бюджетного механизма для распределения ВВП, качество бюджетного планирования, исполнение бюджетных обязательств оказывают прямое воздействие на состояние общественных финансов конкретной территории и определяют результативность проводимой государственной социально-экономической политики.

Несмотря на существование законодательной регламентации и существовании легального определения бюджета, данная категория в научной литературе имеет дискуссионный характер. Как отмечают многие ученые-экономисты, закрепленное в Бюджетном кодексе РФ определение бюджета не является полным и не раскрывает в достаточной степени его сущность. Бюджет представляет собой многогранную категорию, которую возможно рассматривать с различных точек зрения. Большинство авторов считает, что содержание бюджета необходимо рассматривать в двух основных аспектах – экономическом и правовом. Кроме того, данная категория может быть раскрыта также с организационной и политической точки зрения, с позиций влияния бюджета на общественное воспроизводство.

По мнению М. В. Романовского, бюджет как экономическая категория представляет «совокупность экономических (денежных) отношений органов государственной власти и местного самоуправления с физическими и юридическими лицами, связанных с перераспределением ВВП и национального богатства в связи с необходимостью удовлетворения социально-экономических потребностей и исполнения властно-политических функций государства» [2, с. 51].

С точки зрения правовой науки, бюджет понимается как основной финансовый план, который имеет нормативно-правовую форму и утверждается с соблюдением установленной процедуры. «По способу существования бюджет – жестко регламентированная форма образования и использования централизуемых государством финансовых ресурсов для обеспечения расходных обязательств бюджетов всех уровней власти и управления» [2, с. 63].

Л. А. Дробозина трактует бюджет как центральную финансовую категорию, объединяющую налоги, государственный кредит, государственные расходы в их действии, и основное средство перераспределения национального дохода. Термин «бюджет», по мнению Л. А. Дробозиной, может использоваться для обозначения основного финансового плана государства, имеющего юридическую силу, и «основного централизованного фонда денежных средств», а также формы его образования и использования [9].

По мнению Т. Г. Нестеренко, бюджет имеет политическое, правовое и экономическое содержание. Политическое содержание данной категории состоит в том, что бюджет «является средством проведения государственной политики», правовое – в том, что «бюджет – это акт, устанавливающий план поступлений по доходам и ограничения по осуществлению расходов, а также предельный объем государственного долга на конец планируемого периода». С экономической точки зрения «бюджет – это поток денежных средств, возникающих в процессе управления активами и обязательствами публично-правового образования» [5].

Н. И. Рымарская и М. В. Корягин рассматривают бюджет как экономическую категорию с трех позиций:

- по экономическому содержанию;
- по материальному содержанию;
- по форме проявления.

В точки зрения экономического содержания авторы определяют бюджет как сложную систему финансовых отношений, которые формируются между государством и физическими и юридическими лицами в отношении формирования и использования централизованного фонда денежных ресурсов, предназначение которого заключается в обеспечении выполнения функций и задач общегосударственного масштаба. По материальному содержанию – как

централизованный финансовый фонд государства, который по количественным параметрам соответствует сумме фактически мобилизованных государственных казначейством источников доходов и источников финансирования. По форме проявления бюджет – основной финансовый план государства, в котором отражают поступления и расходы государственного аппарата и местных органов власти [7].

В то же время ряд авторов считает, что один термин должен обозначать одно общественное явление. Из этого следует, что неправомерно рассматривать понятие бюджета в нескольких аспектах и понимать его как финансовый план, централизованный фонд финансовых ресурсов и инструмент экономической политики государства. В данном случае целесообразно осуществить четкое разграничение таких понятий, как «бюджет», «бюджетный план», «бюджетный фонд» и т.д. Ученые, которые придерживаются данной позиции, под бюджетом понимают часть денежных отношений, обладающих рядом специфических признаков, позволяющих выделить их в качестве самостоятельного звена финансовой системы [9].

В качестве одного из элементов общественных финансов бюджет можно охарактеризовать двумя основными признаками: денежным и распределительным характером экономических отношений. Можно также выделить ряд отличительных черт рассматриваемой категории как самостоятельного звена финансовой системы.

Во-первых, это субъектный состав отношений, обязательным участником которых должно являться публично-правовое образование.

Во-вторых, имеют специфику сферы возникновения и функционирования бюджетных отношений. В частности, они возникают в процессе перераспределения первичных доходов, которые создаются в сфере децентрализованных финансов.

В-третьих, бюджет как экономическая категория обслуживает только процессы перераспределения ВВП и части национального богатства.

В-четвертых, бюджет имеет важное общественное значение, которое заключается в необходимости удовлетворить общественные потребности как в рамках текущей социально-экономической ситуации, так и с учетом

средне- и долгосрочной перспективы развития территории.

В-пятых, бюджетные отношения имеют более жесткую законодательную регламентацию по сравнению с другими элементами государственной финансовой системы [9].

Изучение действующего российского законодательства в сфере регулирования бюджетных отношений показывает, что бюджетом является «форма образования и расходования денежных средств, предназначенных для финансового обеспечения задач и функций государства и местного самоуправления» [1]. Стоит отметить, что данное определение в Бюджетном кодексе РФ было введено Федеральным законом от 26.04.2007 № 63-ФЗ «О внесении изменений в Бюджетный кодекс Российской Федерации в части регулирования бюджетного процесса и приведении в соответствие с бюджетным законодательством Российской Федерации отдельных законодательных актов Российской Федерации». Ранее понятие бюджета было сформулировано как «форма образования и расходования фонда денежных средств...». Таким образом, законодатель исключил из рассматриваемой дефиниции слово «фонд». По нашему мнению, данное изменение является справедливым, так как считаем, что в современных условиях бюджетные отношения имеют свое материальное воплощение не только в качестве централизованного денежного фонда, но и денежных средств, которые поступают в распоряжение публично-правовых образований и используются для финансового обеспечения их обязательств.

Таким образом, сводить всю совокупность бюджетных ресурсов исключительно к денежному фонду не является корректным ввиду многообразия источников их формирования и направлений их использования. Данная позиция наилучшим образом отражена в определениях бюджета, сформулированных М. В. Романовским, Т. Г. Нестеренко, а также некоторыми другими авторами.

Фонды денежных средств представляют собой часть бюджетных ресурсов наряду с бюджетными средствами. Согласно положениям Бюджетного кодекса РФ публично-правовые образования в состав бюджета могут включать резервные фонды, за счет которых можно осуществлять финансирование различных непредвиденных расходов, поддерживать финансово-бюджетную устойчивость, компенсировать

влияние негативных экономических явлений и пр.

В теории финансов общественное значение бюджета как экономической категории определяется через функции, которые он выполняет и рассматривается с точки зрения его роли, которую он играет в процессе воспроизводства. Проблема определения совокупности функций бюджета как экономической категории не имеет однозначного решения в российской экономической науке. Например, по мнению представителей Московской экономической школы бюджет выполняет две основные функции – распределительную и контрольную [3]. Представители Санкт-Петербургской экономической школы традиционно выделяют функцию формирования общегосударственного денежного фонда, его использования, а также контрольную функцию [2].

По мнению ряда авторов, бюджету также присущи следующие функции:

- фискальная (А. М. Годин, Н. С. Максимова) [4]; аналитическая, критическая (В. А. Парыгина, К. Браун) [6];

- функция государственного регулирования и стимулирования экономики; функция финансового обеспечения бюджетной сферы и осуществления социальной политики (Г. Б. Поляк) [3];

- функция институционализации общественных предпочтений и информационная функция (М. В. Романовский) [2].

Основным аргументом в пользу выделения дополнительных функций бюджета (например, информационной или аналитической) является необходимость конкретизации характера проявления функции распределения (перераспределения), представляющейся ряду авторов несколько абстрактной. Мы разделяем позицию представителей Московской школы экономистов и полагаем, что регулирование экономики, реализация социальной политики, решение приоритетных задач развития государства посредством бюджетного механизма отражает роль бюджета, которая может быть различной в зависимости от широкого круга факторов, но не может рассматриваться в качестве функции.

Попробуем раскрыть роль и место бюджета в рыночной экономике, его взаимосвязь с социально-экономическими процессами и направлениями реализации бюджетной политики.

Современный квазирыночный механизм хозяйствования направлен на развитие экономической стороны деятельности человека и почти не затрагивает социального. Он не в состоянии обеспечить решение таких проблем, как финансирование социальных гарантий населению, содержание учреждений социально-культурной сферы, развитие наукоемких технологий, осуществление фундаментальных исследований в малорентабельных, но общественно важных сферах деятельности, поддержание функционирования сложных и рискованных программ (океанографические, космические исследования) и тому подобное. Такие вопросы, которые не способна решить рыночная среда, берет на себя государство, используя различные методы. Регулирование бюджетных вопросов осуществляется государством посредством бюджетной политики.

Бюджетная политика – это совокупность государственных мероприятий, направленных на укрепление доходной части государственного бюджета, усиление социальной направленности расходов бюджета, создание условий макроэкономической стабилизации [2]. Разрабатывается и реализуется бюджетная политика органами законодательной и исполнительной власти соответствующего уровня.

На современном этапе бюджетную политику целесообразно оценивать по следующим направлениями:

- содействие процессу сбалансированности макроэкономической стабилизации, преодолению инфляции и структурной перестройке экономики;

- осуществление налоговой политики в направлении стимулирования отечественных товаропроизводителей и уменьшение налоговой нагрузки на них;

- осуществление структурных реформ по критерию экономического роста;

- формирование взаимоотношений в бюджетной сфере в направлении обеспечения самостоятельности местных бюджетов;

- оптимизация уровня бюджетного дефицита, государственного долга и поиск источников их финансирования;

- поиск дополнительных источников доходов бюджета.

Практическая реализация бюджетной политики осуществляется через бюджетный механизм, под которым понимают совокупность

форм, методов, средств, которые применяет государство с целью организации бюджетных отношений и обеспечения надлежащих условий для экономического и социального развития [8, с. 19].

Главными элементами бюджетного механизма являются: бюджетное планирование и регулирование, финансовые показатели, нормативы, лимиты, резервы, система управления средствами бюджета (см. табл. 1).

Таблица 1

Составные элементы бюджетного механизма

Элементы бюджетного механизма	Сущность
Бюджетное планирование и регулирование	Определяются финансовые возможности государства по финансовому обеспечению развития социально-экономической сферы
Финансовые показатели	Обобщающие показатели: доходы и расходы, государственный долг, уровень инфляции. Индивидуальные: уровень расходов бюджета на одного жителя, величина налогов, которые платит один работник
Нормативы	Характеризуют определенный уровень обеспечения расходов, различных видов затрат финансовых ресурсов
Лимиты	Являются определенными ограничениями на расходы в интересах государства, предприятий, населения страны
Резервы	Имеют целью нейтрализовать действие непредвиденных обстоятельств в будущем, временные кассовые разрывы во время исполнения бюджета
Система управления средствами бюджета	Государство в лице его законодательных и исполнительных органов власти устанавливает методы распределения национального дохода, формы денежных сбережений, регулирует виды платежей, определяет принципы и направления использования бюджетных средств

Таким образом, бюджет на основе разработанной бюджетной политики, используя бюджетный механизм, влияет на социально-экономические процессы в обществе. Бюджет играет важную роль в сфере реализации социальных функций государства, поскольку через бюджет финансируются такие составляющие социальной сферы, как образование, культура, здравоохранение, подготовка кадров, физическая культура и спорт, социальная защита населения и др.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 N 145-ФЗ (ред. от 03.08.2018, с изм. от 11.10.2018) // Собрание законодательства РФ, 03.08.1998, N 31, ст. 3823.
2. Бюджетная система РФ: учебник / под ред. М. В. Романовского. М.: Кнорус, 2007. 412 с.
3. Бюджетная система России: учебник / под ред. Г. Б. Поляка. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2007. 526 с.
4. Годин, А. М. Бюджетная система Российской Федерации: учебник / А. М. Годин,

- И. В. Подпорина, Н. С. Максимова. М.: Дашков и Ко, 2007. 640 с.
5. Нестеренко, Т. Г. Практика и результаты внедрения изменений в бюджетный процесс // Финансы. 2006. № 4.
6. Парыгина, В. А. Бюджетная система России: учебник / В. А. Парыгина, К. Браун, Дж. Э. Стиглиц, А. А. Тедеев, С. И. Мельников. М.: Эксмо, 2006. 470 с.
7. Рымарская, Н. И. Смысл и значение понятия бюджет как экономической категории в рыночной экономике / Н. И. Рымарская, М. В. Корягин // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. Серия: Экономика и управление. 2011. Т. 24 (63). № 2.
8. Соломко, И. М. Бюджетная система и бюджетный процесс в РФ / И. М. Соломко, М. Н. Соломко. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2015. 184 с.
9. Тишутина, О. И. Региональные бюджеты: вопросы теории и практики / О. И. Тишутина, М. Н. Соломко. Хабаровск: РИЦ ХГАЭП, 2011. 216 с.

УДК 352.07:338.314(470.45)
ББК 65.261.784(2Рос-4Вор)

ПРОБЛЕМЫ ДОТАЦИОННОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ ВОЛГОГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Д. А. Дьяков

Аннотация. Статья посвящена одной из основных и актуальных проблем Российской Федерации на современном этапе развития зависимости органов местного самоуправления от выделяемых из федерального и региональных бюджетов межбюджетных трансфертов. Представлены результаты анализа доходов местных бюджетов Волгоградской области, на основе которых сделаны выводы о степени самостоятельности местных органов самоуправления. Рассматриваются вопросы повышения финансовой самостоятельности органов местного самоуправления путем увеличения поступлений неналоговых доходов в местные бюджеты.

Ключевые слова: органы местного самоуправления, местный бюджет, безвозмездные поступления, финансовые ресурсы, механизмы налогообложения, налоговые и неналоговые доходы.

THE PROBLEM OF SUBSIDIZATION OF LOCAL AUTHORITIES IN VOLGOGRAD REGION

D. A. Diakov

Abstract. The article is devoted to one of the main and actual problems of the Russian Federation at the present stage of development of dependence of local governments on allocated from Federal and regional budgets of inter-budgetary transfers. The results of the analysis of revenues of local budgets of the Volgograd region, on the basis of which the conclusions about the degree of independence of local governments. The issues of increasing the financial independence of local governments by increasing the revenues of non-tax revenues to local budgets are considered.

Key words: local governments, local budget, gratuitous receipts, financial resources, taxation mechanisms, tax and non-tax revenues.

Деятельность органов местного самоуправления позволяет реализовать один из основных принципов управления – обеспечение условий для самоорганизации населения. В связи с этим, как показывает мировой опыт, наличие эффективного института местного самоуправления является одним из основных факторов устойчивого развития территорий. Поэтому для муниципальных образований особую значимость в течение всего периода их существования имеет вопрос обеспечения финансовой устойчивости муниципальных образований.

Эффективность его решения оказывает влияние на обеспечения финансовой устойчивости как субъекта Федерации, в границах которых они расположены, так и государства в целом.

Как показывает практика последних лет, органы местного самоуправления Волгоградской области часто оказываются не в состоянии эффективно решать отнесенные к их ведению вопросы местного значения, поскольку не имеют для этого достаточных финансовых средств. Структура доходов местных бюджетов Волгоградской области за 2017 г. представлена на рис. 1.

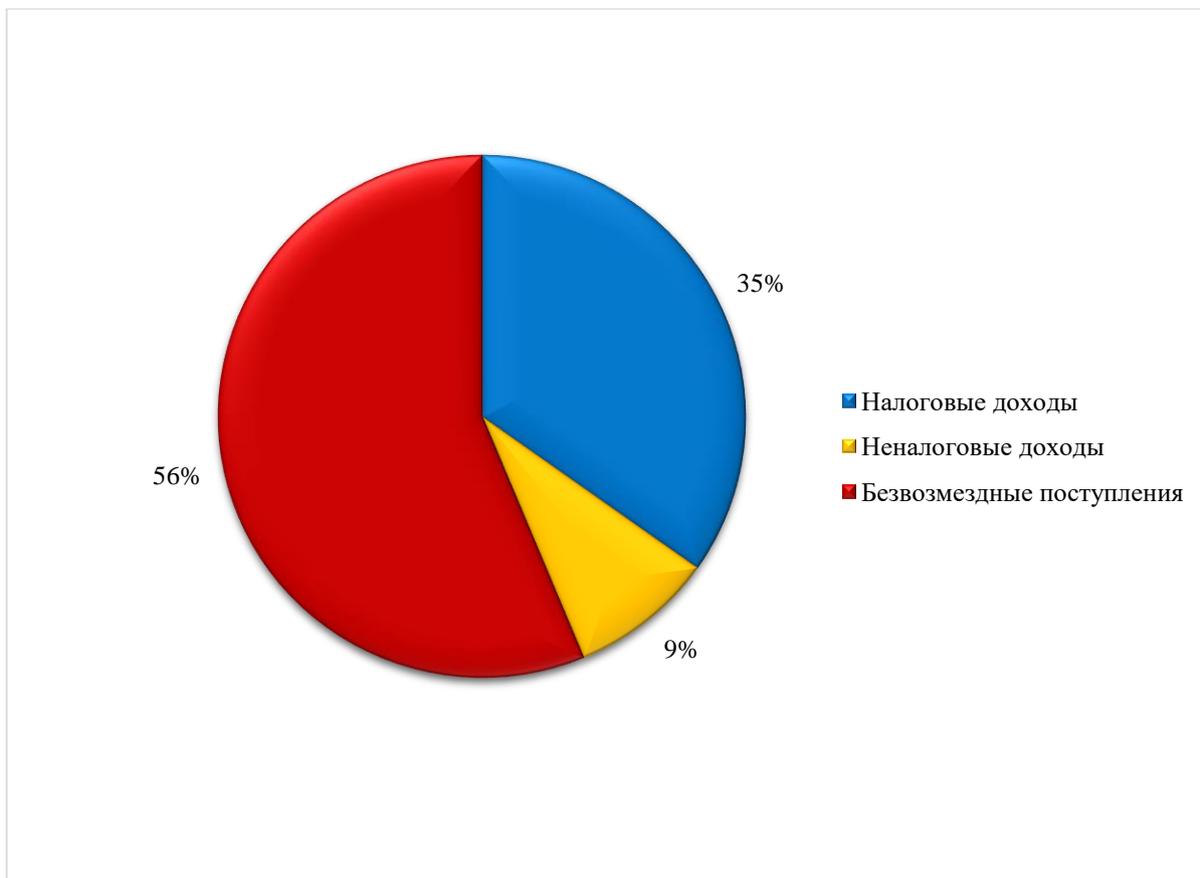

Рис. 1. Структура доходов местных бюджетов Волгоградской области в 2017 г., %

Более половины доходов местных бюджетов составляют безвозмездные поступления. За 2017 год в объеме поступивших доходов местных бюджетов удельный вес налоговых доходов составил 35 %, неналоговых – 9 %, безвозмездные поступления, в том числе межбюджетные трансферты из бюджетов других уровней с учетом субвенций – 56 % [5]. Собственных ресурсов муниципальных образований недоста-

точно, чтобы они могли в полном объеме выполнять закрепленные за ними полномочия. Пять из шести городских округов области показали отрицательную динамику изменения поступления собственных ресурсов в местные бюджеты в 2017 году по сравнению с 2016 годом. В большинстве муниципальных районов (21 из 32) поступления собственных ресурсов в консолидированные бюджеты также снизилось (см. табл. 1) [5].

Таблица 1

Динамика поступления собственных ресурсов в консолидированные бюджеты муниципальных образований за 2016–2017 гг.

Наименование МО	Исполнено на 01.01.2017, тыс.руб.	Исполнено на 01.01.2018, тыс.руб.	Изменение 2016/17, тыс.руб.	Темп роста 2016/17, %
Алексеевский	94 479	97 044	2 565	103 %
Быковский	118 558	114 491	-4 067	97 %
Городищенский	300 765	327 589	26 823	109 %
Даниловский	79 668	92 737	13 069	116 %
Дубовский	132 457	114 321	-18 136	86 %
Еланский	161 772	141 359	-20 414	87 %
Жирновский	218 183	202 350	-15 833	93 %
Иловлинский	135 015	131 700	-3 315	98 %
Калачевский	234 858	280 667	45 809	120 %
Камышинский	177 000	171 905	-5 095	97 %

Наименование МО	Исполнено на 01.01.2017, тыс.руб.	Исполнено на 01.01.2018, тыс.руб.	Изменение 2016/17, тыс.руб.	Темп роста 2016/17, %
Киквидзенский	91 957	78 791	-13 166	86 %
Клетский	79 862	66 552	-13 310	83 %
Котельниковский	219 928	221 746	1 817	101 %
Котовский	140 541	149 609	9 068	106 %
Ленинский	130 444	111 218	-19 226	85 %
Нехаевский	82 594	82 157	-438	99 %
Николаевский	140 561	137 674	-2 888	98 %
Новоаннинский	176 808	171 145	-5 663	97 %
Новониколаевский	118 284	113 863	-4 420	96 %
Октябрьский	129 045	107 940	-21 104	84 %
Ольховский	89 424	80 881	-8 543	90 %
Палласовский	207 032	167 812	-39 220	81 %
Кумылженский	86 624	91 151	4 528	105 %
Руднянский	91 164	100 660	9 496	110 %
Светлоярский	192 378	212 692	20 314	111 %
Серафимовичский	111 159	118 462	7 303	107 %
Среднеахтубинский	212 381	228 436	16 054	108 %
Старополтавский	99 101	98 031	-1 070	99 %
Суровикинский	158 305	156 129	-2 176	99 %
Урюпинский	139 007	128 790	-10 218	93 %
Фроловский	77 177	74 699	-2 478	97 %
Чернышковский	114 050	80 080	-33 970	70 %
Итого по муниципальным районам	4 540 579	4 452 676	-87 903	98 %
г. Волгоград	4 308 577	4 113 916	-194 661	95 %
г. Волжский	1 132 422	961 946	-170 476	85 %
г. Камышин	498 137	357 794	-140 343	72 %
г. Михайловка	362 063	321 464	-40 599	89 %
г. Урюпинск	146 083	146 782	699	100 %
г. Фролово	157 244	143 445	-13 799	91 %
Итого по городским округам	6 604 527	6 045 347	-559 180	92 %
Итого по МО	11 145 106	10 498 023	-647 084	94 %

В условиях высокого уровня дотационности местных бюджетов Волгоградской области предусматривается мобилизация имеющихся ресурсов для расширения налогооблагаемой базы и выхода муниципального образования на самодостаточный уровень.

Недостаток финансовых ресурсов приводит к тому, что органы местного самоуправления Волгоградской области способны решать вопросы социально-экономического развития лишь при поддержке со стороны органов государственной власти.

Таким образом, остается актуальной задача дальнейшего совершенствования механизмов финансовой поддержки и развития собственной доходной базы местных бюджетов Волгоградской области.

В этой связи предполагается решение первоочередной задачи – повышения финансовых возможностей органов местного самоуправления путем корректировки сложившейся налоговой системы в Российской Федерации. Повышение финансовой самостоятельности и самообеспеченности муниципальных образований с использованием только фискальных инструментов возможно через использование следующих методов:

- изменение нормативов зачисления уже существующих налоговых доходов в бюджеты различных уровней в пользу их увеличения в местные бюджеты;
- перевод некоторых федеральных и региональных налогов в разряд местных;
- совершенствование механизмов налогообложения;

- принятие мер по дальнейшему повышению собираемости налогов [2, с. 103].

В настоящее время существует ряд предложений по повышению финансовой самообеспеченности муниципалитетов путем перераспределения налоговых доходов и образованию новых налогов местного значения. Например, И. В. Крюкова рекомендует формировать местный бюджет следующим образом:

- налог на имущество юридических лиц – 40 %;
- налог на прибыль – 10 %;
- налог, взимаемый в связи с применением упрощенной системы налогообложения (УСН) – 50 %;
- налог на доходы физических лиц (НДФЛ) – до 50 % [3, с. 114].

В соответствии со статьей 61.1 БК РФ в местные бюджеты зачисляются земельный налог и НДФЛ, которые взыскиваются исключительно на межселенных территориях [1].

Считаем необходимым повысить уровень отчислений по НДФЛ до 50 % в бюджеты муниципальных районов, в которых не имеются

межселенные территории.

По мнению Т. Н. Хасанова, отчисления от налога на имущество организаций, направляемые в региональные бюджеты, следует перевести в состав местных налогов. В силу того, что предприятия на территории пользуются местной инфраструктурой и налоги с их имущества целесообразно направлять в местный бюджет [4, с. 212].

Рост доходов, который потенциально может быть получен через реализацию вышеперечисленных мер, непосредственно связан с изменениями бюджетного и налогового законодательства Российской Федерации.

Рассмотрим способы повышения поступлений некоторых налогов местных бюджетов:

1. НДФЛ – снижение численности безработных и уровня безработицы, а также создание рабочих мест позволит повысить уровень занятости и соответственно увеличить поступления по данному налогу (см. рис. 2);

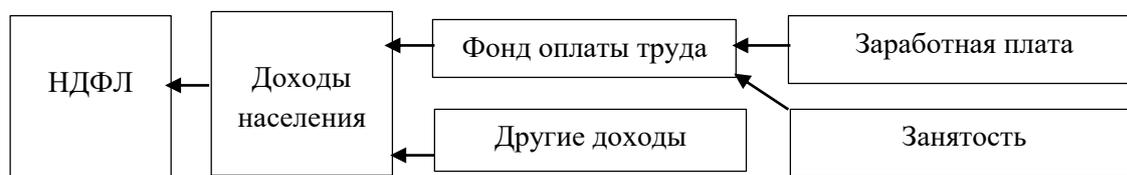

Рис. 2. Факторы, влияющие на величину поступлений от НДФЛ

2. Специальные налоговые режимы (УСН и ЕСХН) – привлечение инвесторов будет способствовать наращиванию инвестиций, в результате чего возрастет прибыль малого и

среднего бизнеса, что в конечном итоге положительно отразится на налоговых поступлениях (см. рис. 3).

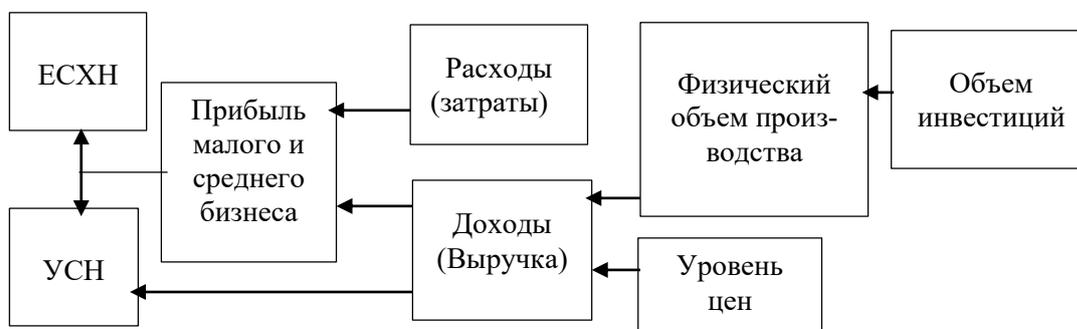

Рис. 3. Факторы, влияющие на величину поступлений от налога, взимаемого в связи с использованием УСН и ЕСХН

Стимулирование инвестиционной активности – слабо используемый способ роста доходов муниципальных бюджетов, что зачастую связано с отсутствием инструментов, способствующих повышению инвестиционной привлекательности муниципалитетов [2, с. 104].

На сегодняшний день в нашей стране распространены следующие способы улучшения инвестиционного климата:

1. Внедрение эффективных механизмов в инвестиционную среду, которые включают в себя:

- большую доступность в получении бюджетных кредитов;
- большую доступность в получении муниципальных гарантий;
- налоговые льготы («налоговые каникулы»).

2. Участие в инвестиционных программах предпринимателей малого и среднего бизнеса посредством использования муниципально-частного партнерства [3, с. 116].

В случае если по управлению налоговыми доходами органы местного самоуправления имеют ограниченные возможности, то неналоговые доходы действительно поддаются их воздействию. Неналоговые доходы отличаются тем, что у них отсутствует законодательная база администрирования. Величина неналоговых доходов напрямую связана с активностью и предприимчивостью органов местного самоуправления.

Управленческий инструментарий формирования неналоговых доходов представлен в таблице 2.

Таблица 2

Основные виды неналоговых доходов местных бюджетов и управленческий инструментарий их формирования

№	Вид неналогового дохода	Управленческий инструментарий формирования
1	Доходы от использования имущества, находящегося в государственной и муниципальной собственности	Размеры арендной платы, условия заключения договора
2	Доходы от оказания платных услуг (работ) и компенсации затрат государства	Калькуляция, рассчитанная с учетом материальных, трудовых и других затрат на оказание услуг (работ)
3	Доходы от продажи материальных и нематериальных активов	Стоимость объектов, условия организации торгов
4	Штрафные санкции, возмещение ущерба	Применение санкций и мер претензионной работы

С учетом информации, представленной выше, органам муниципальной власти Волгоградской области для увеличения поступлений неналоговых доходов в местные бюджеты рекомендуется реализовать следующие мероприятия:

1. Ввести обязательную регистрацию договоров аренды муниципального имущества и установить запрет на самовольную сдачу их в субаренду, не согласованную с муниципальными органами, так как возможна последующая передача имущества в субаренду по завышенным расценкам и дальнейшее его использование не по целевому назначению.

2. Передать в долгосрочную аренду земельные участки или объекты нежилого фонда с правом последующего выкупа. Данная процедура должна реализовываться через торги.

3. Уполномоченные органы управления, администрирующие арендные платежи,

должны регулярно начислять пени и штрафы за несвоевременное внесение в бюджет арендной платы.

4. Необходимо формировать и проводить анализ списков организаций и индивидуальных предпринимателей, работники которых имеют заработную плату ниже прожиточного минимума.

5. Проводить инвентаризацию земельных участков и муниципального имущества. Выявлять не оформленные участки и имущество.

Таким образом, для снижения финансовой зависимости органов местного самоуправления от органов государственной власти Российской Федерации необходимо, чтобы доходы местных бюджетов формировались преимущественно за счет налоговых и неналоговых видов доходов.

Библиографический список

1. Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 03.08.2018, с изм. от 11.10.2018) // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31. Ст. 3823.

2. Игонина, Л. Л. Формирование финансовых ресурсов местного самоуправления / Л. Л. Игонина // *Фундаментальные исследования*. 2018. № 2.

3. Крюкова, И. В. Доходы местных бюджетов как залог финансовой самостоятельности местного самоуправления / И. В. Крюкова //

Управление социально-экономическим развитием территорий: оперативное реагирование на текущие и стратегические вызовы. Материалы научно-практической конференции. 2017. С. 111–118.

4. Хасанов, Т. Н. Местный бюджет как финансово-экономическая основа местного самоуправления / Т. Н. Хасанов // *Экономика и социум*. 2016. № 5–3 (24).

5. Администрация Волгоградской области URL: <http://www.volgograd.ru/> Дата обращения: 10.10.2018.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- АБУШАХМАНОВА** – кандидат исторических наук, доцент кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Нурия Заферовна
контактная информация: abush.n23@gmail.com
- АЛЕКСЕЕВА** – кандидат, философских наук, доцент, директор по персоналу ООО «Братский завод ферросплавов»
Елена Юрьевна
контактная информация: kadraam@mail.ru
- БАРДАКОВ** – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Алексей Иванович
контактная информация: bardakov@mail.ru
- БЕЗБОЖНОВ** – магистр политологии, независимый исследователь, Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Роман Сергеевич
контактная информация: bezbozhnov.roman@yandex.ru
- ДУБИНИНА** – канд. филологических наук, доцент, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Ирина Ивановна
контактная информация: iidubinina@yandex.ru
- ДЬЯКОВ** – магистрант кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Дмитрий Александрович
контактная информация: dima_6000000@yahoo.com

- ЕФАНОВА** – кандидат политических наук, доцент,
Елена Владимировна доцент кафедры международных отношений, политологии и регионоведения Волгоградского государственного университета
контактная информация: efanova@volsu.ru
- ИВАНОВА** – доктор экономических наук, профессор
Татьяна Борисовна профессор кафедры корпоративного управления Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
контактная информация: nika20021960@bk.ru
- КАПРАНОВ** – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры судебной экспертизы и криминалистики, Федеральное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Алексей Владимирович
- КАПРАНОВА** – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного права, Федеральное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
Юлия Витальевна
контактная информация: kapranova2000@yandex.ru
- КРИВОШЕЕВА** – магистр, лаборант кафедры государственного управления и политологии Волгоградского филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Наталья Игоревна
контактная информация: nataliya.krivosheeva_1994@mail.ru
- ЛАГУТИН** – кандидат философских наук, доцент,
Сергей Геннадьевич доцент кафедры философии и социологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
контактная информация: lagutin-vags@mail.ru
- ОПАЛЕВ** – магистрант кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Максим Александрович
контактная информация: opalev777@mail.ru
- ПАХОМОВ** – аспирант кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Дмитрий Васильевич
контактная информация: dv_pakhomov@mail.ru

ПЕРЕРВА – кандидат исторических наук, начальник научно-организационного отдела Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС
Евгений Владимирович
контактная информация: nauka@vlgr.ranepa.ru

ПОЛОМОШНОВ – доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Отечества Донского государственного аграрного университета
Андрей Федорович
контактная информация: paf1@mail.ru

ПРАЦКО – доктор философских наук, доктор юридических наук, Профессор кафедры «Коммерческое и предпринимательское право», Донской государственной технической университет
Геннадий Святославович
контактная информация: nashum82@mail.ru

ПРИБЫТКОВ – магистр политологии, аспирант кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Юрий Борисович
контактная информация: pribytkow@mail.ru

РАКИТИНА – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и методики начального образования Волгоградского государственного социально-педагогического университета
Светлана Владимировна
контактная информация: s.rakitina@mail.ru

РЫГИНА – соискатель кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Екатерина Васильевна
контактная информация: zudovaev@mail.ru

САВЕЛЬЕВА – магистрант кафедры государственного управления и политологии Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
Юлия Сергеевна
контактная информация: julia.khobotova@yandex.ru

САПОЖНИКОВА – кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Коммерческое и предпринимательское право», Донской государственной технической университет
Екатерина Юрьевна
контактная информация: nashum82@mail.ru

СУБОЧЕВ – доктор социологических наук, доцент,
Николай Сергеевич профессор кафедры корпоративного управления Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ
контактная информация: subnikser@mail.ru

ШУМИЛИНА – кандидат юридических наук, Доцент кафедры «Коммерческое и предпринимательское право», Донской государственной технической университет
Анастасия Борисовна
контактная информация: nashum82@mail.ru

ЯХЬЯЕВ – доктор философских наук, профессор, декан факультета психологии и философии ФГБОУ ВО «Дагестанский государственный университет», заслуженный деятель науки РД
Мухтар Яхьяевич
контактная информация: muchtar59@mail.ru

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

Журнал публикует статьи, рецензии, научные сообщения; выходит 2 раза в год (ежеквартально), материалы для публикации в очередном номере принимаются до 25 числа второго месяца каждого квартала. Публикация осуществляется **бесплатно**, номер журнала можно получить в научном отделе ВФ РАНХиГС (Волгоград, ул. Гагарина 8, ауд. 303), иногородним авторам будет выслан по указанному Вами адресу.

Материалы представляются на электронном носителе в виде двух файлов.

В первом файле на русском и английском языках данные об авторе: Ф.И.О. полностью, ученую степень и ученое звание, должность, контактную информацию (место работы/учебы, полный почтовый адрес, контактный телефон, e-mail). Информация о результатах проверки на плагиат, а также о том, что рукопись не была опубликована ранее и не будет направлена в другое издание.

Во втором файле материал для публикации. Требования к **рукописям**:

1. Объем не должен превышать 1 п.л. (40 тыс. знаков с пробелами), шрифт Times New Roman размером 14, через 1,5 интервала, поля по 2 см с каждой стороны, нумерация страницы по центру внизу.

2. Представленный материал должен включать следующие элементы издательского оформления: индексы УДК и ББК (на русском языке); заглавие, инициалы и фамилия, аннотация (50–100 слов), ключевые слова (5–8) на русском и английском языках.

3. Текст статьи (рецензии, сообщения) и список литературы на русском языке. Список литературы располагается после текста статьи, предваряется словом **Библиографический список**, оформляется в алфавитном порядке и нумеруется. Ссылки на использованные источники приводятся внутри текста после цитаты в квадратных скобках с указанием порядкового номера источника цитирования и страницы, например [5, с. 12].

4. Для обособленных фрагментов текста можно использовать шрифт Arial и др. Для табличного, вспомогательного текста допускается использование шрифта меньшего размера. Рисунки (чёрно-белые, цветные) внедрены в текст, журнал публикуется в черно-белом варианте.

Рукописи рецензируются членами редколлегии и приглашенными специалистами. По результатам рецензирования рукопись может быть возвращена на доработку с краткими замечаниями редакции. Редакция не разглашает имена рецензентов, не знакомит авторов с текстом рецензии, не вступает в содержательную полемику с авторами. Для российских авторов (аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук) необходимо дополнительно представить

рекомендацию, подписанную научным руководителем и заверенную печатью учреждения (подлинник или сканированный вариант).

**Все материалы проходят проверку по программе «Антиплагиат».
Компьютерный перевод на английский язык не принимается!**

Статьи печатаются на русском или английском языках.

Журнал размещается в базе РИНЦ и учитывается при подсчете индекса цитирования.

Более подробная информация о требованиях, рекомендациях для подготовки научных публикаций в журнал расположена по адресу:

http://vlgr.ranepa.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=2671

Научное издание

**НАУЧНЫЙ ВЕСТНИК
ВОЛГОГРАДСКОГО ФИЛИАЛА РАНХиГС**
Серия: политология и социология. 2019. № 1.

*Точка зрения редакции и членов редколлегии
не всегда совпадает с точкой зрения авторов публикуемых статей*

Редакторы *Н. В. Никитина, М. И. Мульганова*
Компьютерная верстка *Г. В. Подшиваловой*

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций,
Свидетельство о регистрации СМИ № ПИ № ФС77-58708 от 28.07.2014

Подписано в печать 15.08.2019. Дата выхода в свет: 23.08.2019
Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная.
Гарнитура Times New Roman. Физ. п. л. 14,5.
Тираж 100 экз. Цена свободная.

Адрес редакции и издателя:
Волгоградский институт управления – филиал ФГБОУ ВО РАНХиГС
400131, Волгоград, ул. Гагарина, 8.

Отпечатано с готового макета в Издательско-полиграфическом центре
Волгоградского института управления – филиала ФГБОУ ВО РАНХиГС
400078, Волгоград, ул. Герцена, 10